

Пенни Рейд "Пленение"

Название: "Пленение"

Автор: Пенни Рейд

Серия: "Элементы химии & Гипотеза" #3

Перевод: Elefant2012

Редактура: VolkovaM, sali

Сверка: sali

Вычитка: VolkovaM

Переведено специально для группы https://vk.com/books_25

Копировать материал без указания переводчиков и редакторов запрещено! Давайте уважать чужой труд!

Аннотация:

Одна неделя.

Квартира на Манхэттене.

Супергорячий бывший парень.

Что же плохого может произойти?

Прошло девять месяцев с тех пор, как Кэйтлин Паркер видела и слышала что-либо о Мартине Сандеки, девять месяцев и пять значимых этапов. Она пережила жестокое разочарование в первой любви, став сильнее (уже реже прячась в шкафах), чем когда-либо прежде.

Но теперь Мартин вернулся. И он хочет быть ее другом. Но он посыпает смешанные сигналы горелке Бунзена в трусиках Кэйтлин.

Сможет ли Мартин снова пленить сердце Кэйтлин? Смогут ли Кэйтлин и Мартин быть просто друзьями? Или, несмотря на обилие химии, некоторые связи слишком изменчивы, чтобы это выдержать?

Пролог: Сравнение газов, жидкостей и твердых тел на молекулярном уровне

Спустя шесть месяцев после расставания...

— Я не знаю, как сделать это, Кэйтлин. Ты должна помочь мне.

— Что сделать, пап?

На мгновение в трубке воцарилась тишина, прежде чем он сказал:

— Поговорить с тобой о твоей матери.

Я скривилась, ковыряя неровности на кухонном столе. Четыре месяца назад, когда мы с Сэм переезжали из кампуса, мы обставили нашу квартиру мебелью из комиссионного магазина. Лак местами откалывался от формайки¹, а я делала все только хуже.

— Не знаю, что тут сказать. — Я пожала плечами, закусив губу, чтобы подбородок предательски на задрожал. По правде говоря, я скучала по ней. С отцом мы регулярно разговаривали по телефону, но за последние шесть месяцев я не принимала участия в наших воскресных встречах, и мне не хватало связи с мамой.

— Я думаю, что она сделала тебе больно. Я прав?

Я пожала плечами, хотя он не мог меня видеть. Безусловно, одна из причин, почему я не контактировала с ней, — это ее безразличие к моим чувствам после расставания с Мартином.

Другая причина — мой страх оттого, что она была разочарована во мне. Летом во время моего недовольства после расставания с Мартином я решила сменить специальность — с химических технологий на музыку — и после осеннего семестра взять перерыв в учебе.

Взять перерыв в учебе в семье Паркеров было равносильно тому, что я наплевала на свою жизнь. Я приняла это решение весьма легкомысленно, не посоветовавшись с родителями. Тем не менее, у моей решимости сменить специальность были глубокие корни, и она послужила стимулом моей нынешней оплачиваемой работе в качестве пианиста в группе, которая выступала на праздничных мероприятиях.

Неделю я психологически настраивалась и, пройдя прослушивание в июле, официально стала оплачиваемым музыкантом. Группа играла в основном на свадьбах. Еще они играли на Бар-мицва и Бат-МИЦВА², шикарных бизнес-фуршетах, всевозможных корпоративах между Бостоном и Нью-Йорком. Мои вечера и выходные проходили очень быстро, особенно, когда нам нужно было ездить на работу в город.

¹ Формайка — огнеупорный пластик, используемый преимущественно для отделки поверхностей, например, мебели.

² Бар-мицва и Бат-МИЦВА — религиозные праздники, посвященные достижению еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

Будучи окруженнaя музыкой практически ежедневно: или в составе группы, или сочиняя ее в одиночестве — я поняла, чем хотела заниматься. Я должна была жить этим. Это была моя страсть, а игнорирование, которое дарило мне радость и покой, было неприемлемым.

Вместо того, чтобы признаться, почему я избегала маму, я сказала:

— На самом деле, я даже не понимаю, почему так расстроилась из-за нее. Она ничего не сделала. Действительно ничего. И я знаю, что у нее были благие намерения. Просто... такое ощущение, что она иногда вообще не заботится обо мне.

— Ну, ты не права. Она переживает за тебя. Она любит тебя.

— Тогда, думаю, я не понимаю, что такое любовь. Я думала, что знаю. Я думала, это великaя вещь, когда два человека поддерживают друг друга и совместно решают возникающие проблемы. Я думала, это доверие и верность, это быть честным, добрым, быть командой. Но сейчас я ничего не понимаю. На самом деле, я даже сомневаюсь, что любовь существует. Может, как общество мы придумали это, чтобы объяснить и оправдать наше нездоровое желание взаимозависимости.

Он замолчал на минуту, и я знала, он задумался о том, что я сказала, обрабатывал это. Самое клевое в моем отце было то, что он прислушивался, чтобы понять, а не для того, чтобы противодействовать.

— На самом деле, в каком-то смысле я могу с тобой согласиться, если я, конечно, понимаю тебя правильно. Люди, большинство из нас, взаимозависимы, и очень часто зависимость граничит с ненормальностью. Оба в паре ответственны за нормальную здоровую взаимозависимость. Но ты предполагаешь, что существует только один вид любви, Кэйтлин. Скажу тебе, что в мире существует столько же видов любви, сколько и звезд на небе.

— Это было очень поэтично, пап.

— Спорим, ты не знала, что я раньше писал для мамы стихотворения.

Это заставило меня вздрогнуть, и я села прямее на стуле.

— Ты писал?

— Да. И довольно хорошо для студента-медика, который был по уши влюблен в недосягаемую Снежную королеву. От этого она растаяла... немного.

Я услышала улыбку в его голосе, и это заставило меня скучать по его милому добродушию.

— Что же произошло?

— Я попросил ее выйти за меня замуж, не ожидая, что она скажет да, но она согласилась. Так что мы поженились, и я был безумно влюблен в нее. Она была так...

хороша. Так активна. У неё был талант вдохновлять людей и удивлять их своим умом, потому что она такая и есть, она гениальна. И очень харизматична.

На секунду я задумалась об этом в ужасе оттого, что я привлекала парней, которые были, как моя мать.

Он продолжил:

— Но потом я разочаровался, потому что ей был нужен мир вокруг так же сильно, как нужен был я. И мне не нравилось это.

Я обдумала этот момент, как мой отец ревновал ко всему миру. Я и не могла представить моего отца ревнивым. Он был таким... хорошим. Даже сдержаным. Милым.

— И что ты сделал?

— Я сказал ей, что хочу развестись. Я сказал, что не могу быть с человеком, который всегда ставит меня на второе место, и что я совершил ошибку.

Я резко вздохнула.

— Почему я не знала об этом?

— Это произошло до того, как родилась ты.

— Что она сделала?

Папа вздохнул, словно выпуская давние воспоминания.

— Она умоляла меня оставаться, что потрясло меня до чертиков. Она предложила оставить политику, и даже дошло до того, что она бросила борьбу за место представителя в комиссии³, ничего мне не сказав. Она пыталась сделать из себя другого человека, потому что не хотела, чтобы я уходил. Она не хотела потерять меня.

— Это кажется... так не похоже на нее.

— Это и было. Не похоже. Но любовь — та любовь, которую она чувствовала ко мне, заставляет людей делать безумные вещи. Она все искажает и заставляет сомневаться в собственном выборе.

— Итак, очевидно, ты остался. Но тогда, как она вернулась в политику?

— Я понял, что уничтожаю ее своей ревностью. Она пыталась измениться ради меня и не в лучшую сторону. Ту часть ее, которую я любил больше всего: ее блеск, харизму, доброту, неистовое желание исправить несправедливость — была не совместима с моей ревностью. И еще я понял, что она не принадлежит ни миру, ни мне. Она принадлежит только себе самой. Мы все принадлежим только самим себе, пока у нас не появляются дети. Потом мы принадлежим нашим детям настолько долго, насколько они захотят этого.

Я со смехом выдохнула и покачала головой.

³ Федеральная избирательная комиссия (ФИК) США — государственный коллегиальный орган, формируемый в соответствии с избирательным законодательством, организующий проведение выборов в федеральные органы государственной власти.

— Не сомневайся, что твоя мама любит тебя, Кэйтлин.

Чувство стыда, пока я размышляла над словами отца, заставило меня перестать ковырять формайку.

Он продолжил:

— Но у нее все получается чрезмерно. В твоем случае, она тебя уважает и доверяет до невозможности, поэтому надеется, что ты придешь к ней, когда будешь готова. Пока она только кусает ногти.

Я напряженно задумалась об этом, немного паникуя из-за того, что стояла бы перед разочарованной мамой.

— Что если я никогда не буду готова?

— Тогда ты будешь очень глупой, а ты не глупая. Ты упрямая, но не глупая.

— Я не знаю, как сделать это, пап. Как мне сделать все правильно?

— Приезжай домой на День благодарения. Поговори с мамой. Или покричи на нее. Просто сделай что-нибудь. Вы двое нужны друг другу, и я не смогу вынести следующий воскресный звонок без тебя, так что будь добра позвони сама. Просто... будь храброй.

* * *

Спустя семь месяцев после расставания...

— Между тобой, мной и деревом, думаю, мы должны устроить собственный День благодарения прежде, чем ты уедешь. — Сэм складывала чистое белье, пока я прибиралась на моем столе, убирая старые задания и записи. Я решилась ехать домой на День благодарения и уезжала на три недели. У меня был переизбыток беспокойной энергии. И я использовала ее, чтобы прибраться в комнате.

Папа был прав. Настало время для меня наладить отношения с мамой.

С началом октября я возобновила воскресные звонки, и никто из нас не поднимал тему моего многомесячного отсутствия.

Я была рада тому, что мы не затрагивали тему, что я взяла перерыв в учебе. Когда в середине октября мама позвонила мне, я попыталась объясниться и отстоять свою позицию. Она прервала меня.

Мама сказала:

— Тебе нужно время.

И она была права. Мне нужно было время расставить все по своим местам, не заостряя свое внимание на мысли, что я, должно быть, разочаровала её.

— Твоя мама будет снова готовить соевую индейку? — спросила я Сэм.

В ответ она смытировала рвотный позыв.

Я усмехнулась. Ее мама была строгой вегетарианкой. А Сэм очень любила стейки.

— Эй, Сэм, как думаешь, я могла бы получить работу в твоем ресторане? Не как официантка, конечно, пока у меня нет опыта, но возможно я могла бы работать помощником официанта или мыть посуду.

Я снова собиралась поступать в институт весной, но теперь у меня была главная специализация музыка. Меня приняли в музыкальную программу, этим, вероятно, я отсрочила свой выпускной на несколько лет. И я, скорее всего, потеряла свою стипендию. Папа предложил оплатить обучение, поэтому я решила устроиться на вторую работу, чтобы оплатить проживание и расходы на время учебы.

— Я могу спросить... — Сэм посмотрела на меня долгим взглядом, кусая при этом губу с внутренней стороны. — Но ты не думала устроиться на работу в "Блюз Бин"? Я слышала, что одна женщина там нанимает только музыкантов в качестве бариста, заставляя их петь серенады клиентам.

Я усмехнулась.

— Ха-ха, очень смешно.

Я бросила кипу бумаг в мешок, который отложила для переработки, и обратила внимание к книжной полке. У меня было так много учебников. Я думала, что они нужны были мне в качестве справочников, нужно было просто продать их за наличные. Комната погрузилась в молчание, что было обычным делом для нас в последние дни.

Поэтому я была удивлена, когда Сэм выпалила:

— Ну, думаю пришло время поговорить о том, что с тобой происходит.

Я посмотрела на нее через плечо и увидела, что она смотрела на меня, уперев руки в бедра.

— Что ты имеешь в виду?

Ее челюсть напряглась, и она решительно прищурилась.

— Я имею в виду, ты не разговаривала со мной или с кем-то другим месяцами, пока не получила работу в июле. Черт, да даже, когда мы выбирали эту квартиру, это было подобно тому как вырывают зубы, так тяжело мне было заставить тебя высказать свое мнение. И не пойми меня неправильно, начался этот странный период злобной акустической гитарной музыки.

Я послала ей извиняющуюся полуулыбку. Я знала, что этот разговор должен был когда-нибудь произойти. Сэм была такой терпеливой со мной. Мне стало лучше, гораздо лучше, и сейчас было подходящее время, чтобы в открытую поговорить и разъяснить ей мое поведение за последние месяцы.

Я повернулась к ней лицом, присаживаясь на кровать.

— Знаю. Извини за злобную акустическую игру на гитаре.

Она продолжила, будто я ничего не говорила, будто плотину прорвало, и ей необходимо было высказать все свои мысли.

— Я знаю, тебе не нравится, когда я упоминаю его имя.

Я закатила глаза, вспоминая мое драматическое представление несколько месяцев тому назад, когда сказала ей, что никогда не хотела бы больше говорить о Мартине Сандеки, но это заставило меня понять, насколько я не была готова тогда делиться своими мыслями.

— А потом ты присоединилась к группе и начала пить "Ред Булл". После этого решила изменить специализацию и взяла перерыв в учебе, кстати, я полностью за. Просто ты никогда мне ни о чем не говорила. Ты все время в себе. И я хочу все знать, прошло уже восемь месяцев с тех пор, как вы расстались, и, думаю, пришло время рассказать мне. Ты его все еще любишь? Кэйтлин уже вернулась? Нормально, если я буду задавать вопросы, озвучивая нежелательные советы?

Я глубоко вздохнула, ласково глядя на нее, потом похлопала по месту рядом с собой на кровати. Она посмотрела на меня, потом на кровать и наконец плюхнулась рядом.

— Ладно, — начала я, пытаясь придумать, как рассказать ей подробную версию того, что мне пришлось пережить. Обычными словами объяснить это было тяжело, поэтому я решила использовать терминологию, с которой мне было проще. — Позволь мне начать сначала, с твердого состояния вещества.

Она выгнула бровь и недоверчиво раскрыла рот.

— Твердое состояние вещества? О чём ты говоришь?

— Дай мне закончить. Итак, после того, как М-Мартин и я расстались...

— Итак, теперь мы можем называть его имя?

— Просто слушай. После того, как Мартин и я расстались, признаю, я вела себя не очень хорошо. Я была словно неподвижная масса с низкой энергией. Я думала, что если не буду вспоминать об этом, то этого и не было.

— Итак, у тебя началось отрицание.

Я слегка рассмеялась на ее умственное упрощение.

— Да. В общем-то, я отделилась ото всех. Я стала твердой. Это длилось довольно долго, потому что я упрямая. И знаешь, мне нравились эти вечера сожаления и угрызения совести.

— Да, это длилось два месяца. Ты ходила на занятия, иногда на свои джем-сейши, но, в основном, просто пряталась в шкафу.

Я прочистила горло, вспоминая это мрачное время и благодаря Бога, что оно прошло.

— Так вот, это приводит нас к жидкому состоянию материи. Ты знаешь, как я начала расслабляться, как только мы переехали в квартиру?

Она кивнула.

— Ага, но ты все еще ни с кем не говорила. Ты просто сидела в своей комнате и слушала злобную девчачью музыку Тейлор Свифт.

— Да, потому что я была злой. Я больше не была словно застывшая, я действительно была очень, очень злой. Думаю, новая квартира была катализатором моей перемены из твердого состояния в жидкое. Это как начать все сначала. Подальше от атмосферы общежития, подальше от колледжа. Это было как напоминание, что и за пределами занятий есть жизнь. Мне только девятнадцать, почти двадцать, и я поняла, что уже целые десятилетия провела на этой планете. Я больше не могу прятаться в шкафах...

Я размышляла о своих чувствах на тот момент. Да, я не могла прятаться в шкафах, но эта мысль разозлила меня. Я была счастлива, пока Мартин не разрушил все, почесав мой зуд.

И я ненавидела его за это.

Во время пребывания в жидким состоянии я удвоила усилия, избегая любых упоминаний о Мартине Сандеки. Я не могла принять того, что он тоже существовал в этом мире, несмотря на то, что существование Геркулеса я признавала. Я его никогда не увидела бы лицом к лицу, но, может быть, в журнале или в новостях. Наш разрыв был моим выбором, и это было правильное решение, но все равно меня это бесило.

Ну и еще, я не была готова признать, что больше для него не существовала.

Сэм вздохнула.

— Итак, этот злобный этап, как ты назвала его — жидкое состояние — это, когда летом я пыталась заставить тебя прочесть интервью Мартина в фитнес журнале?

Я кивнула.

— Да. Извини, за такое отношение к этому.

Она пожала плечами.

— Все нормально. Я поняла. Так что, если я правильно помню химию из старших классов, после жидкого состояния начинается газовое.

— Точно. Хотя, предпочтительнее закись азота, он же веселящий газ — иначе известный как фаза "Я не дам дважды сделать глоток".

— Ох! Это когда ты начала пить "Ред Булл" и вино из коробок. Не могу поверить, что ты пила этот незаконный ликер. Позор тебе.

Я попыталась состроить ошалевшую гримасу.

— Сэм, ты та, кто покупал мне ящиками вино. Ты мой поставщик. И я не буду извиняться, я не жалею об этом. Я поняла, что мне нравится вино в коробках, и я не отдам его ближайшие шесть месяцев, пока мне не исполнится двадцать один. Их можно складывать как тетрис. Все напитки должны быть складываемыми.

— Согласна, все напитки должны быть складываемыми, это экономит место на полке. И это не моя вина, что я старше и позволила тебе наслаждаться противозаконной деятельностью, особенно если сама я это пить не собираюсь. Но вернемся к тебе и твоим сумасшедшими фазам, после вина в коробках ты начала ходить на эти музыкальные встречи. Я помню эту фазу.

— Но если ты помнишь, именно в тот момент, я решила взять перерыв в учебе и сменить специализацию на музыку.

— И ты начала бродить возле этих наркоманов, рядом с баром на Четвертой Авеню. Но это продлилось всего неделю.

— Да, это продлилось всего неделю. — Я всматривалась в Сэм, прежде чем продолжить, удивляясь тому, какой она была проницательной и как мне повезло, что она была моей подругой. — Я заключила сделку с самой собой: хочу быть беззаботной и вести себя соответствующе моему возрасту. Если я буду беззаботной, то забуду про Мартина и стану счастливой.

— Ящики вина, кажется, и вправду делали тебя счастливой, — согласилась Сэм.

Чего я не сказала, потому что трудно было признаться в своей безответственности, что все превратилось в шутку. Мне не нужен был Мартин. Мне никто не был нужен. Я могла жить за пределами мрака шкафа и прекрасноправляться самостоятельно. Мне больше ничего не было нужно.

— Ты права, хотя это было неприемлемо для меня. Я слишком практичная и нелюдимая. Во-первых, "Ред Булл" на вкус как экскременты.

— О нет! Правда?

— И во вторых, насколько я люблю музыку, настолько терпеть не могу наркоманов.

Видеть, как люди сами уничтожали свою жизнь, словно смотреть, как Мартин мстил за свою жизнь отцу. Именно тогда я поняла, что для Мартина месть была как наркотик, а сам он был наркоманом.

— Итак, твердое состояние — это отрицание. Жидкое состояние — это гнев. Тогда газовое состояние — это торги.

Наклонив голову набок, я рассматривала Сэм.

— Что ты имеешь в виду?

— Пять стадий горя, — объяснила она как само собой разумеющееся. — Следующая — депрессия.

Я долго смотрела на подругу, понимая, что она была права. Она была так права. Следующая стадия была депрессия.

— О мой Бог, ты права. — Я печально улыбнулась ей. — Да, иначе известное как плазменное состояние вещества.

Взгляд Сэм стал сочувствующим, когда она всматривалась в меня, ее черты лица смягчились от сострадания.

— Ближе к концу лета, когда ты снова начала плакать.

— Ты слышала?

— Да. Я слышала плач. И печальные мелодии, которые ты сочиняла в своей комнате. Красиво, между прочим. Намного лучше того твоего взрывного бесполезного бряканья, которое ты называла музыкой.

Я мягко улыбнулась ей.

— Спасибо тебе. Это было похоже на... катарсис. Позволило мне задуматься о том, что происходило в течение тех месяцев. Но в основном, думаю, я пыталась оглядеться вокруг и понять, почему я позволила одной неделе, одной единственной неделе полностью изменить течение моей жизни.

Почему я дала Мартину Сандеки так много власти надо мной? И почему я продолжала это делать? Я не видела его и не говорила с ним с того злополучного дня в кампусе. Он не пытался связаться со мной, но я и не ожидала от него этого.

И все же... Я скучала по нему. Я все время думала о нем и нашей совместной неделе.

У Сэм опустились уголки рта, она искренне и с сочувствием улыбнулась мне.

— Кэйтлин, ты была влюблена в него всю ту неделю. Ты доверяла ему... Ты спала с ним.

Я кивнула, глядя вниз на свои пальцы.

— Знаю...

Знаю, я промахнулась с глубиной чувств, потеряла контроль, отдалась страсти, потерялась и одновременно нашла себя в нем. Меня стали замечать. Он все еще жил в моем сердце, и я никак не могла выгнать его. И не уверена, что смогла бы.

Я добавила:

— Я знаю, что до Мартина, до нашей совместной недели, я была подавленной, застрявшей на одном месте, сама не зная об этом. Но после того, как мы расстались, стало еще хуже.

Сэм притянула меня в объятия, пока я продолжала свою исповедь.

— Он стал моим компасом, моим маяком. И до него я была девушки, отчаянно пытающейся идти по стопам чьих-то ожиданий, даже если размер их обуви не подходил мне.

— И он помог тебе увидеть вещи за пределами семейных ожиданий?

Я кивнула напротив ее плеча. После весенних каникул я стала женщиной, которая была намерена идти собственным путем.

Я отстранилась от подруги, но все еще держала ее за руку.

— Потом я оставила его, а он оставил меня. Мы отказались друг от друга, прежде чем я поняла, кто я и чего хочу. Мой компас был потерян. Я не могла вернуться к тому, чтобы прятаться в шкафу, хоть я и пыталась.

При этом она захихикала, добавив:

— Ого! Ну ничего себе ты "пыталась".

Я улыбнулась ей.

— Но шкафы мне больше не подходят. И я не знала, как двигаться дальше вслепую. Я хочу быть кем-то, кем-то другим, а не Кэйтлин Паркер, которая прячется в шкафах и делает то, чего от нее ожидают.

— Но не у всех есть помощник в виде компаса или проводника. Большинство людей слепо следуют в свое будущее.

Я снова кивнула.

— Да. Я уже поняла это.

Я поняла, что люди, делая это, доверяли своему сердцу.

— Ну мы уже прошли отрицание, гнев, торги, депрессию. Значит ли это, что ты уже перешла на стадию принятия? — Сэм широко и с надеждой улыбнулась мне, заставляя рассмеяться.

— Типа того. — Я пожала плечами, мой взгляд переместился за ее плечо, когда я сосредоточилась на своих мыслях. — Если подумать об этом таким же образом, пятое состояние материи — теоретическое состояние...

— В самом деле? Мы все еще используем химическую терминологию?

Я продолжила, будто она ничего и не говорила, потому что слово "принятие" не ощущалось правильным.

— Можно утверждать, что пятое состояние материи — это не теоретическое состояние, а целый класс состояний, которые происходят при необычных или экстремальных условиях, как конденсаты Бозе — Эйнштейна⁴, или нейтронно-вырожденная материя.

— Я понятия не имею, что ты только что сказала.

⁴ Конденсат Бозе — Эйнштейна (бозе-эйнштейновский конденсат, бозе-конденсат) — агрегатное состояние вещества, основу которого составляют бозоны, охлаждённые до температур, близких к абсолютному нулю (меньше миллионной доли градуса выше абсолютного нуля).

Я сжала губы вместе, чтобы не рассмеяться, и снова посмотрела на Сэм.

— Но мою пятую стадию горя я собираюсь обозначить как кварк-глюонную плазму⁵.

Это состояние вещества считается возможным, но только теоретически... пока.

— Теоретически?

— Теоретически, потому что пятая стадия горя должна помочь мне оставить в прошлом Мартина, чего, признаю, еще не произошло. А еще мне нужно найти свое предназначение, используя саму себя в качестве компаса.

— Ты же знаешь, что можешь использовать меня в качестве компаса. Я очень хороша в вышеупомянутых непрошенных советах.

Если бы я не знала этого раньше, то поняла бы сейчас: Сэм была необычайно замечательной.

— Я знаю. Но это больше, чем просто оставить Мартина. Это этап, когда мне станет комфортно в собственном теле, я буду счастлива из-за того, кто я, что я делаю и с кем.

— Итак, теоретически.

— Да. — Я кивнула, улыбаясь в ответ обнадеживающей ухмылке Сэм. — Это пока еще теоретически. Но все возможно.

* * *

Спустя восемь месяцев после расставания...

Я нашла маму в саду.

Она была дома на время выходных в Конгрессе в честь Дня благодарения. Подрастая, я всегда думала, это было смешно, что американские власти брали перерывы, словно маленькие дети на переменах в начальной школе. Я представляла Спикера Палаты, висящим вниз головой на шведской стенке, а руководителя лидера большинства, вымогающим деньги на обед у младших сенаторов.

Я знала, что мы увиделись бы, потому что это было в воскресной повестке дня за последний месяц. Мысленно я уже подготовилась к этой встрече. Она сказала, что мне нужно было время, чтобы обсудить мое многомесячное отсутствие в ее жизни и мой перерыв в учебе.

Но время пришло. Мне нужно было поговорить с ней об этом, хотя все было запутанным и нерешенным. Я нуждалась в том, чтобы она меня выслушала без попыток все исправить.

⁵ Кварк-глюонная плазма — агрегатное состояние вещества в физике высоких энергий и физике элементарных частиц, при котором адронное вещество переходит в состояние, аналогичное состоянию, в котором находятся электроны и ионы в обычной плазме.

Когда я нашла ее в саду, то объявила ей в спину:

— Я хочу быть музыкантом. Я хочу заниматься музыкой, и главное, я не хочу быть ученым или политиком.

Мама повернулась, когда я заговорила, посмотрев на меня и немного сморщив лоб, вероятно потому, что я не была склонна к вспышкам гнева. После этого она кивнула и сказала:

— Ладно.

Я ожидала, что она продолжила бы, может, добавила бы типа: "Но теперь ты сама по себе" или "Но когда ты опомнишься", или что-то похожее. Но она ничего не сказала.

Когда она продолжила просто смотреть на меня, я, не выдержав, выпалила:

— Ты думаешь, это просто такой этап, верно?

Мама сделала глубокий вздох, опустив взгляд в землю, затем снова посмотрела на меня.

— Может быть. А может и нет.

— Ты разочарована во мне? Потому что я взяла перерыв в учебе? Потому что не пошла по твоим стопам? Потому что я...

Она подняла руки, останавливая меня.

— Кэйтлин, остановись. Просто остановись. Перестань говорить за меня. Я не разочарована в тебе. Я разочарована в себе.

Я хмуро посмотрела на нее, рассматривая свою мать в темном брючном костюме и голубой рубашке с маленьkim флагом США на лацкане. Наконец спросила:

— Почему?

— Потому что ты явно нуждаешься в моей поддержке, а я не знаю, как это сделать.

— Она подошла ко мне, всматриваясь в меня, и неожиданно потянула к себе, обнимая.

Когда она заговорила, я почувствовала, как ее подбородок двигался напротив моей головы.

— Я не... я никогда не была хороша в роли матери.

Я рассмеялась отчасти потому, что не ожидала от нее это услышать, отчасти потому, что это была правда.

Она обняла меня крепче.

— Я хороша в рациональном, методическом решении проблем, используя логику и анализ. Но как бы ни старалась, я никогда не смогу утешить тебя должным образом. Я так сожалею.

Мои внутренности затопило теплым облегчением, сопровождающимся надеждой. Я сжала ее в ответ, не в силах сдержаться.

— Ты прощена.

Мама отступила назад, не отпуская моих рук. Она была явно расстроена.

— Я не знаю, как помочь тебе или быть такой, какой тебе нужно, Кэйтлин.

— Ты можешь просто слушать?

— Да. Конечно.

— Без попыток решить проблему или искать оптимальное решение моего вопроса?

Она колебалась, сузив глаза и выглядя недоверчивой.

— Ты имеешь в виду, просто слушать?

Я кивнула.

Она пристально смотрела на меня, потом, по-видимому, укрепившись в своей решимости, сказала:

— Для тебя, безусловно.

* * *

Спустя девять месяцев после расставания...

— Ты собираешься уйти с Фитцом или как?

Я сделала глупое лицо, широко раскрыв глаза и смотря по сторонам.

Все, чего я хотела, — это бутылка воды.

— Ты это чем, Уиллис?

Мне нравилось задавать этот вопрос моему одногруппнику, потому что его на самом деле звали Уиллис. Обычно никто моего возраста не подозревал, что вопрос был с намеком на ТВ-шоу 1980 года, которое я смотрела с папой, под названием "Различные ходы"⁶.

Уиллис обернулся через плечо, где заканчивали проверку звука наш басист Абрам, главный гитарист и саксофонист Джанет и Фитцджеральд наш второй гитарист и вокалист — сокращенно Фитц. Уиллис удерживал мою бутылку воды в заложниках, а я, проследив за его взглядом, обнаружила, что Фитц наблюдал за нами. Увидев, что наше внимание было сосредоточено на нем, он отвел свой голубоглазый взгляд и начал возиться с микрофонной стойкой, его лохматые каштановые волосы восхитительно падали на лоб.

Уиллис повернулся ко мне, смотря на меня своими темно-карими глазами. Как и все мы, Уиллис был одет в смокинг, галстук-бабочку, пояс — при полном параде. В отличие от остальных, Уиллис был словно из сороковых годов и никогда не стеснялся в выражениях.

⁶ Сериал "Различные ходы" — американский телевизионный ситком, который транслировался на канале NBC с 3 ноября 1978.

Увы, он любил вставать крепкое словцо и пользовался кулаками. Мысли Уиллиса были случайными, порой его трудно было понять, а его аналогии вообще не имели смысла.

— Послушай, Кексик. Он запал на тебя, как дикобраз на воздушный шарик. Значит так, меня не волнует, что вы делаете в свободное время, но мне надоело терять хороших друзей, потому что вы, детки, не можете удержать свои ремни безопасности пристегнутыми. Мы потеряли Пирса, предыдущего пианиста, когда Джанет отказывалась работать с ним после шести недельного тура на матрасах. Они вытягивали соломинки, и ему выпал эспрессо, понимаешь?

Я кивнула, пытаясь проследить за его мыслями.

— Итак, Джанет и Пирс, ваш предыдущий пианист, были вместе? И это закончилось не очень хорошо?

— Это никогда не заканчивается хорошо. — Уиллис сощурил свои темно-карие глаза и сжал губы в тонкую линию. Его голова была гладко выбрита, а воротник рубашки не скрывал татуировок на затылке. Это не влияло на наше представление, потому что он был барабанщиком и сидел в глубине сцены. Кроме того, он был моим начальником.

Уиллис стал говоритьтише своим грубоватым голосом — скрипучим от курения, выпивки и слишком громкого смеха — прищурившись глядя на меня, пока его зрачки не стали еле заметными.

— Музыканты как лампочки — горят пылко и ярко, но могут быть взвинчены лишь единожды. Если вы двое выберетесь из вашего мира, то все будет нормально. Но ты хороша, детка, настоящий талант, красивая, хорошо смотришься на сцене. Но Фитц тоже хорош, его трудно будет заменить, ты поняла, что я имел в виду?

— Думаю, да. Тебя не волнует, будем ли мы с Фитцом вместе, ты переживаешь о том, как это повлияет на динамику группы. Правильно?

Он кивнул, выглядя немного раздраженным.

— Разве я не это только что сказал?

— Да, безусловно. Поняла предельно ясно и четко. Не встречаться с коллегой по группе — одно из моих жизненных правил.

Чего я не озвучила, чтобы Уиллис не волновался. Хоть Фитц и был супергорячим, супермилым и суперталантливым, я не испытывала никакого влечения к нему из-за его внешности и приятного голоса. Потому что Фитц не был слишком-то ярким.

Если бы он был лампочкой, то это была бы обычная двадцативаттная — дневная. Тяжело смотреть, потому что он был такой симпатичный, но очень уж тусклый, чтобы заметить разницу в любой другой комнате.

Басист Абрам — совсем другая история. Его лицо не было классически красивым: с его длинным каштановым волосами, карими глазами, широким подбородком и крючковатым носом — и не то чтобы он был умным. Но он был высоким, широкоплечим и по-мужски красивым. Ну еще был хитрым и неприятно наблюдательным. Он был остроумным и с юмором.

Еще у него всегда были одна или две женщины в зале, которые ждали его после наших выступлений. Не имело значения, играли мы в загородном клубе на свадьбе, за пределами Нью-Хейвена, дешевом баре в Квинсе или в высотке на Манхэттене. Он никогда не уходил домой в одиночестве. Ну, временами его шутки были окрашены горечью — легко было заметить, что он пресытился этим.

Меня несомненно привлекал Абрам — талантливый, остроумный, сексуальный басист. Но меня не привлекал Абрам — ожесточенный король серийных знакомств.

Я пришла к выводу, что интеллект был для меня кошачьей мяты в прикуску с харизмой. И, благодаря моей романтической истории, я поняла, что просто потому, что человек был умным и харизматичным, не значило, что он был хорош для меня. Блестящий ум как гравитационное поле для меня — я становилась осторожной.

Так что, Фитц был безобидней.

И я держалась подальше от орбиты Абрама.

Мне нужен был милый парень, который бы понимал мои шутки. Который был бы больше дружелюбным, нежели харизматичным. Кто-то яркий, но не блестящий гениальностью.

— Садись на свою жердочку, птичка. Уже пора. — Уиллис прошел мимо меня, на свое место за барабанами.

Я схватила свою бутылку воды и проследовала за Уиллисом на сцену. Избегая пристальных взглядов Абрама, я дружески кивнула Джанет и помахала Фитцу. Он помахал в ответ, улыбаясь мне идеальной, широкой и белоснежной улыбкой.

Сегодня мы играли на рождественской вечеринке в Нью-Йорке, в месте, которое мы очень хорошо знали. Это была переделанная пожарная станция, теперь средних размеров концертная площадка — очень популярное место для свадеб и корпоративов. Мне здесь нравилось, потому что интерьер был оригинальным — красный кирпич с вставками норвежских gobelinov, украшавших стены, вероятно, размещенных специально, чтобы улучшить акустику.

Кроме того, сцена находилась поодаль от танцпола. Хотя я играла на публике уже несколько месяцев, находясь рядом или в окружении зрителей по-прежнему ощущалось непреодолимым. Мне нравилось быть позади — с пианино между мной и зрителями.

Представление началось с привычного коктейля звуков: много пианино, вокала и саксофона, немного барабанов. Мы играли пять сетов, с каждым разом все громче и резче, когда уже возрастная толпа разошлась и осталась молодежь, которая хотела танцевать.

Этим вечером не было ничего особенного. У меня не было ожиданий, признаков или знаков свыше (или ниже), что этот корпоратив отличался бы от десятков других корпоративов за последние несколько месяцев. Я была спокойна. Я была собранной. Я была в порядке. Я делала свое дело и размышляла, остался ли еще бекон в холодильнике, потому что мне очень хотелось бутерброд.

Потом, посередине моих размышлений о беконе, во время четвертого сета заколка открылась под весом моих волос. И я была вынуждена доигрывать остальную часть с кудрями на лице.

Это раздражало и отвлекало. По непонятным причинам, заколка для волос стала катализатором для интенсивной и резкой волны смущения. Ощущение началось с ноющего покалывания на затылке. Я проигнорировала его. Но ощущение не исчезло.

Я подняла взгляд на Абрама, увидела, что он, ухмыляясь, смотрел на меня. Закатив глаза, я обратила внимание обратно на свои пальцы, порхавшие по клавишам, подумав, что это покалывание было из-за Абрама. Мгновение спустя снова посмотрела на Абрама, чувствуя раздражение, я все еще ощущала его взгляд, но он не смотрел на меня.

Я все еще ощущала на себе чей-то взгляд. Я чувствовала это наблюдение. Словно вес руки, от которой я не могла избавиться. Мое сердце тревожно билось в груди, пока я рассматривала одногруппников. Они все были сосредоточены на своих инструментах.

Я убеждала себя, что это было глупо, но ощущение не проходило. Это нервировало, словно звук шагов за спиной, когда идешь по темному коридору.

Когда мы закончили очередной сет, я убрала волосы от лица, закинув их за плечо. Встав из-за рояля, я взглянула на зрителей, ища источник моего дискомфорта, почти не ожидая найти.

Но кое-что я все-таки нашла.

Сине-зеленые глаза на знакомом лице, он был одет в безупречно сшитый костюм, с высокой брюнеткой в одной руке и стаканом в другой, а его проницательный взгляд прожигал меня насквозь.

Глава 1: Резонансные структуры

— Извини, Уиллис. Мне нужна минутка... Я плохо себя чувствую.

Я сидела за кулисами на перевернутом ведре, положив руки на колени. Мой голос был слабым, и мне на самом деле нездоровилось.

Джанет поглаживала меня по спине, а Фитц вился около тарелки с едой. Абрам, стоя возле дальней стены, смотрел на меня, скрестив ноги и засунув руки в карманы.

Снова увидеть Мартина — просто увидеть его в толпе — было гораздо волнующе и труднее для понимания, чем я могла предположить. Мысленно я повторяла:

"Он здесь".

"Он здесь с кем-то".

"Я, вроде, до сих пор ненавижу его".

"Но надеюсь, что он не ненавидит меня".

"Думаю, я всё ещё страшно увлечена им..."

Удивительно, что самой громкой и актуальной была мысль: *"Он видел меня голой"*.

Мартин плюс мой папа (когда я была маленькой) были двумя мужчинами в мире, которые видели меня голой. На самом деле, можно было считать только Мартина, потому что у меня не было груди или лобковых волос и девичьих форм, когда мой папа клал малину на мой животик. Плюс, он был моим отцом.

"Только Мартин..."

Эта мысль еще больше запутала меня, заставила чувствовать себя еще более неловко. Возможно, мне нужно было исправить это. Возможно, мне нужно было найти другого парня и показать ему свои женские штучки, расширить, так сказать, аудиторию, чтобы, находясь в одной комнате с Мартином, не превращаться в убогого, одержимого наготой психа.

Возможно, разбавление значимости интима уменьшило бы воздействие его присутствия. Тогда я смогла бы взглянуть на него, подумав: *"Эй, ты один из парней, кто видел меня голой. Ну и что? Кто не видел меня голой?"*

— Думаешь, ты сможешь играть? Остался всего один сет, — тихо спросила Джанет, вытягивая меня из мыслей.

Она была замечательной девушкой с чересчур мягким сердцем. Полная противоположность её образу с крашенными черными волосами, бледной кожей, холодными глазами и обилием пирсинга.

Я кивнула, закрыв глаза. Я смогла бы играть. Я собиралась играть. Мне просто была нужна минутка, чтобы мои руки перестали дрожать.

Я задумалась, был ли здесь поблизости шкаф, где можно было расслабиться хотя бы на пять минут. Я бы не стала прятаться всю ночь, просто мне нужно было ощутить себя в безопасности. Фитц мог бы присоединиться ко мне, и я бы показала ему свои сиськи.

— Резкий, пугающий, шокирующий, тревожный, смущающий, огорчающий, беспокойный.

После моего бормотания последовала пауза, а потом Уиллис спросил:

— Что ты делаешь?

— Она перечисляет синонимы. — Раздался голос Абрама с другого конца комнаты. Я открыла глаза и встретилась с ним взглядом. Он с интересом смотрел на меня. — Это успокаивает тебя, да?

Кивнув, я нахмурилась. Он был слишком проницательным.

Уиллис проворчал:

— Хорошо, ладно. Это... так же странно, как возвращать долг шулеру. У нас еще десять минут до родео.

Я задержала взгляд на Абраме немного дольше, потом встала, немного пошатываясь на ногах, и повернулась в Уиллису.

— Думаю, мне нужно ненадолго прогуляться.

Фитц наклонился вперед, вызвавшись добровольцем.

— Я могу пойти...

Но голос Абрама перекрыл его голос.

— Я пойду с тобой. Давай. Пойдем.

Высокий басист оттолкнулся от стены и подошел ко мне, взял за руку чуть выше локтя и потянул к задней двери.

— Возвращайтесь через пять минут! — крикнул нам в спину Уиллис.

— Мы вернемся через семь, — парировал Абрам, потянув меня вниз по коридору на улицу, подальше от вони из мусорного бака.

Я вырвалась из его хватки, как только мы достигли тротуара, и скрестила руки на груди, не чувствуя холода ноябрьской ночи, потому что мои мысли путались, пытаясь соответствовать ритму биения моего сердца. Я точно не собиралась показывать Абраму свою грудь. Это было бы похоже на прыжок с пивных дрожжей на горячую сковородку и обратно.

Увидев Мартина на другом конце комнаты, я просто приросла к месту, не отрывая пальцев от пианино. Он казался ненастоящим, и я была уверена, что если моргнула бы, то он бы исчез.

Поэтому я не моргала.

В конце концов, Фитц потянул меня за сцену, и мне ничего не оставалось, кроме как моргнуть. Но когда я повернулась, Мартин до сих пор был там — все ещё стоял у бара рядом с красоткой, окруженный густым облаком высокомерия, по-прежнему глядя на меня — я чуть не упала в обморок.

Он не исчез. Он был настоящим. И очевидно, он увидел и узнал меня.

— Тебе уже лучше?

Я поняла, что мы с Абрамом прошли уже полтора квартала. Такое расстояние стало полной неожиданностью.

— Да. Мне лучше. Мы можем возвращаться.

Ложь, всё ложь. Я не чувствовала себя лучше. Меня тошило. *"Эта драма когда-нибудь закончится?!"*

Мы продолжали идти вперед.

— Иногда ты говоришь, как робот. — Он не казался раздраженным, сказав это, скорее это было наблюдение, возможно, он просто хотел меня отвлечь.

— Правда?

— Ага. В основном, когда ты говоришь со мной.

— Ну, что я могу сказать? Ты обнаружил искусственный интеллект во мне.

Я услышала его смешок, когда он снова взял меня за руку, притягивая ближе к себе, когда мы проходили сквозь толпу мужчин, одетых в майки с логотипом «Нью-Йорк Никс», которые, вероятно, шли домой после игры в «Мэдисон Сквер Гарден». Пройдя мимо шумной толпы, я отодвинулась, чтобы вытащить руку из его хватки, но он не отпустил меня. Вместо этого он потянул меня в небольшой проем и развернул к себе лицом.

— Так и кто этот парень?

Я подняла на него взгляд и увидела, как он рассматривал меня с сдерживаемым интересом, который со стороны вечно язвительного Абрама чувствовался так, словно луч лазера указывал на мой череп.

— Какой парень?

— Тот у бара. Биржевой брокер, менеджер хедж-фонда, или что он там делает.

Я искоса посмотрела на Абрама, но ничего не сказала.

Он выгнул бровь, и я заметила у него шрам, проходящий через её центр. Шрам в паре с его крючковатым носом, скорее всего сломанным и не единожды, и длинные волосы придавали ему бандитский внешний вид, как у грабителя, склонного к дракам.

— Бывший парень, — заявил он.

Он явно вытягивал ответы из меня своим хулиганским колдовством.

Я поморщилась.

— Да... типа того.

Его губы изогнулись в усмешке, пока он всматривался в меня.

— Типа того?

— Нам нужно возвращаться. — Я не двигалась.

— Ты боишься его?

Я проигнорировала этот вопрос, потому что мне было слишком сложно ответить.

Вместо этого я сказала:

— Прошло уже пять минут, как минимум.

— Он сделал тебе больно?

Я закрыла глаза, опершись на кирпичи в нашей маленькой пещере, и пробормотала:

— Мы сделали друг другу больно.

Молчание затянулось, я чувствовала на себе его взгляд, но едва замечала его. Мой разум и сердце сцепились в битве, и ни один из них не мог решить, что делать, что чувствовать или думать.

— Давай, пойдем.

И снова Абрам взял меня за руку, потянув за собой вниз по улице. На этот раз я не предприняла никаких усилий, чтобы отодвинуться. Как только мы добрались до первого светофора, он схватил мою ладонь, переплетая наши пальцы вместе. Даже сквозь туман в голове, я заметила это. Обычно я скрещивала руки на груди в универсальном знаке того, что мне не нравилось, когда меня трогали, но в этот раз позволила ему держать меня за руку. Я позволила себе успокоиться от этой связи, даже если он не мог предложить ничего, кроме этого.

Честно говоря, понятия не имела, что думать о Абраме, если он просто хотел успокоить меня, то зачем взял за руку... Так что я не заморачивалась.

Вскоре мы уже вернулись к переулку, ведущему к задней двери зала. Уиллис единственный находился за кулисами. Он остановился на полу шаге, когда мы вошли.

— Вы опоздали, как Шеви на конкурсе по топливной эффективности. Десять минут уже прошло.

— Мы не опоздали. Мы пришли раньше, — растягивая слова сказал Абрам, сжав мою руку, прежде чем отпустить меня. Он подошел к кулеру, вытащив колу, а я снова села на ведро.

— Раньше? Ты сказал, вы вернетесь через семь минут. Уже прошло десять.

— Ага, но я имел в виду пятнадцать, — парировал Абрам, усмехаясь и пожимая своими широкими плечами.

Уиллис повернулся ко мне.

—Ты уже готова?

Я открыла рот, чтобы ответить, но Абрам прервал меня.

— Нет. Её рвало дважды за прогулку. Она не сможет играть, если ты не хочешь собирать остатки пищи со сцены.

Я снова открыла рот, чтобы сделать замечание. Но теперь Уиллис не дал мне договорить.

— Нет, нет! Ты останешься здесь, нельзя допустить слишком много помпезности на вечеринке с конфетти. — Он потер свою лысую голову и ушел, бормоча себе под нос: — Мы что-нибудь придумаем.

— Пожалуйста, — сказал Абрам между глотками "Колы", возвращая моё внимание к себе.

— Зачем ты это сделал?

— Теперь ты будешь передо мной в долгу.

От этого я еще сильнее нахмурилась.

— Я не буду перед тобой в долгу. Я не просила тебя о помощи.

— Отлично. Тогда я делаю это, потому что хороший парень.

Я покачала головой.

— Ты не хороший парень.

Он усмехнулся, выглядя довольным.

— Нет. Думаю, нет. Но ты хорошая девушка. Ты затронула бескорыстную сторону моей души.

— Хмм... — Я покосилась на него, ничего не сказав, но почувствовала себя немного лучше.

Вот оно, прямо здесь, этот обмен между мной и Абрамом и был источником улучшения моего настроения. Если бы я встретила его в прошлом году, то, вероятно, убежала бы в противоположном направлении. Но теперь я разговаривала с этим умным, харизматичным, бесспорно горячим музыкантом, и у меня не возникало желания рыдать.

Я официально повзрослела.

Разговаривала с парнем, который привлекал меня, но с которым я никогда не согласилась бы встречаться. Бонус: я не пыталась сменить тему на музыкальную теорию или использовать какую-то другую тактику отвлечения.

Абрам передразнивал мои косые взгляды, в то же время весело улыбаясь мне, и выбросил пустую бутылку "Колы" в мусорное ведро.

— Подожди меня после выступления, я отвезу тебя домой.

— Нет, спасибо, я поеду на поезде.

Он остановился напротив меня по дороге на сцену и поправил свой галстук-бабочку, прежде чем скользнуть своими длинными руками басиста в рукава пиджака. Пиджак был неладно скроен и немного мешковат на талии. Очевидно, он посчитал, что, подогнав по плечам, не стоило тратиться, чтобы ушить его внизу.

— Ты должна подождать. Помнишь? Если ты слишком больная играть на пианино, то тебе не стоит ехать на поезде.

— Я живу в Нью-Хейвене. Это довольно далеко.

Он пожал плечами, повернувшись, и пошёл к ступенькам, крикнув через плечо:

— Я люблю долгие прогулки.

Я услышала, как выключили музыку, и Фитц объявил следующий сет. Так и просидев на своем ведре со сложенными руками на животе, за три с половиной песни поразмыслила о своем выборе, стараясь при этом не думать о Мартине.

В конечном счете я решила, что подумала бы о нём, но не сейчас. На всякий случай, подождала бы с этим до дома, чтобы не расплакаться от мыслей о Мартине. Еще размышления о нём частенько приводили к сочинению песен. Я больше не собиралась использовать свои воспоминания о Мартине или чувства, которые вызвало его лицо, увиденное в толпе. Мне нравилось думать об этом как о перенаправлении своей тоски.

Да, думать о Мартине позже, с чистым листом бумаги, бутылкой вина и упаковкой салфеток было, несомненно, к лучшему.

Кроме того, я решила, что Абрам мог бы наслаждаться хорошей, долгой поездкой на машине в одиночестве. Сама же поехала бы на поезде.

Надев куртку и перекинув сумку через плечо, схватила ещё "Колы" из холодильника по пути к чёрному ходу. Я не видела необходимости оставлять записку — было бы лучше позвонить Уиллису утром и извиниться за то, что смылась.

Сделав десять шагов от дверей чёрного хода, увидела его, вернее, его силуэт. Огни города освещали его спину, оставляя лицо в тени.

Я остановилась. Всё замерло или замедлилось, или приостановилось. Это был неповторимый момент вне времени, сингулярность.

Затем Мартин подошёл, и всё завертелось снова.

Моё сердце грохотало о ребра, заставляя меня вздрагивать и краснеть, когда он вышел из-за угла здания. И я пожалела о своем отложенном решении не думать о Мартине. Мне нужно было разобраться со своими чувствами, потому что теперь эмоции душили меня, оставляя беззащитной. Я действительно не могла сформировать слова. Мартин стоял в конце проулка, дожидаясь, словно надеялся, что я заговорила бы первой.

Но что он ожидал от меня услышать? Мы были вместе всего неделю, и всё закончилось плохо. Я целенаправленно избегала всех упоминаний о нём — в Интернете и в других местах. Но не смогла ничего поделать с тем, что узнала некоторые подробности о Мартине. Я узнала, что он ушел из колледжа в прошлом семестре и переехал в Нью-Йорк. На счет остального догадалась сама: он стал великолепным чудо-мальчиком венчурного капитала.

Наше молчание затянулось, уверена, он ожидал, что я прервала бы его, словно мы были в середине разговора и настала моя очередь говорить, типа мяч был на моей стороне. В конечном итоге, стало очевидно, что я не собиралась менять наш вялотекущий разговор.

Он откашлялся, дотронувшись рукой передней части своего пальто.

— Паркер, — сказал он.

Я ощущала одно это слово всем телом, хотя это прозвучало как обычное приветствие. Но оно задело за живое, потому что я никогда не думала, что снова услышала бы его голос.

Переступив с ноги на ногу, я тоже прокашлялась, попытавшись сымитировать его непринужденную интонацию.

— Сандеки.

Последовал еще один длительный момент, при котором ни один из нас не издал ни звука. Это, по многим причинам, была странная ситуация — взять хотя бы то, что вокруг нас продолжала кипеть жизнь: люди торопливо шли по тротуару, машины, автобусы и такси со свистом проносились у него за спиной. Я слышала и ощущала метро под своими ногами, приглушенную музыку за спиной, вой сирены. Но мы оба стояли и молчали.

Внезапно он подошёл ко мне, сказав:

— Тебя подвезти?

Я покачала головой.

— Нет. Нет, спасибо.

— У меня есть машина. Ты живешь в городе?

— Нет. Все ещё в Нью-Хейвене.

— Вижу...

Он остановился в пяти шагах. Разглядывая мое тело сверху вниз, он засунул руки в карманы брюк, его восхитительные глаза, отчужденные и настороженные, наконец посмотрели в мои. Освещение улицы позволило мне хорошо его рассмотреть, в груди всё заболело от несправедливости. Я жадно вглядывалась в его черты, вглядывалась в его лицо, одновременно знакомое и незнакомое, словно воспоминание.

Он выглядел старше, мужественнее, появилась какая-то жёсткость в его лице. Казалось, Мартин стал на дюйм выше, а может и нет. Возможно, он просто вел себя по-другому. Не знала, как это было возможно, но парень производил больше впечатления, чем прежде, и пропасть между нами стала шире, чем когда-либо.

Это было тяжело. Моё сердце ныло.

Я думала, что повзросла, выросла из этой подавленной девушки, превратившись в достаточно самоуверенную женщину, но теперь поняла, что у меня был ещё длинный путь впереди. Или, возможно, я всегда была бы отчасти глупой. Может быть, у меня это было заложено генетически — быть вечным ребенком. Стоя рядом с ним, я чувствовала себя самозванкой, словно притворщик, пытающийся играть роль взрослого.

Он рассматривал меня. Я видела расчётливый блеск в его глазах. Я была проблемой, которую необходимо было решить. Я чувствовала тяжёлый жар смущения, неловко поднимающийся от груди к шее. Прежняя Кэйтлин подняла бы руку и предложила бы стоять неподвижно, закрыв глаза, пока он не оставил бы меня в покое или подумал, что я превратилась в большой камень или живую статую.

Прежняя Кэйтлин была чокнутой.

В то же время новая Кэйтлин предполагала, что шансы не разреветься в ближайшие десять минут составляли три процента, она была очень расстроена, потому что хотела, чтобы с Мартином Сандеки всё наконец закончилось. Она хотела видеть его, не превращаясь при этом в эмоциональный маятник.

Однако, как новая, так и прежняя Кэйтлин не хотели иметь ничего общего с драмой, тоской или проигрышным спором. Я была сильно взбудоражена и в то же время подавлена. Понятия не имела, почему он был здесь, но моя интуиция кричала мне, что я должна была выдержать это, чтобы в будущем избежать такого жалкого поведения.

Я решила принять недовольство нынешней Кэйтлин. Прежняя Кэйтлин вела меня в никуда. В то время как я могла направить свое недовольство во что-то полезное, даже превратить в ложное мужество.

— Ну, увидимся. — Я слабо улыбнулась ему, благодарная сумраку переулка, скрывающему мой румянец, обжигавший щеки, нос, лоб и уши.

Я смешилась, чтобы обойти его, но он быстро шагнул в сторону, преграждая мне путь.

— Не хочешь выпить?

— Ох, нет, спасибо. У меня уже есть.

Я подняла свою "Колу" в качестве доказательства, мой голос был вежливым и уверененным.

Уголок его рта дернулся в легкой ухмылке.

— Я имел в виду, не хочешь пойти куда-нибудь выпить? Может быть, кофе?

Мои глаза сверлили его.

— А как же твое свидание?

— А что насчет неё?

— Ну, она тоже с нами пойдет?

Его глаза изучали меня.

— Ты бы сказала да, если она пойдет?

Этот вопрос ранил моё сердце, прозвучав как загадка, поэтому я проигнорировала его.

— Неа, я работаю с утра и очень устала.

— Работаешь? Ещё одно представление?

— Нет.

Я скрутила губы, не желая признаваться, что собиралась поступать в колледж только весной, а работала поющей баристой в "Блюз Бин". Но потом решила не быть дурочкой, мне нечего было стесняться. Мартин всегда был словно из другого мира. Мы были полными противоположностями, всегда были и будем.

Я подняла подбородок, глядя на него, и объяснила:

— Знаешь кофейню с голубой фасолиной над входом? Рядом с барами на Кроун Стрит?

Я заставила себя снова встретиться с ним взглядом и добавила:

— Ну, я там работаю сейчас. Поющей баристой.

Я была рада, что смогла признать это без новой волны смущения. Как хорошо, что мой голос прозвучал как обычно и совершенно нормально.

Он нахмурился, отчего его до боли красивое лицо стало еще сексуальней.

— Ты работаешь в кофейне? Зачем? — требовательно спросил он.

Я пожала плечами.

— Зачем люди работают? Чтобы заработать денег.

— Твоя мать лишила тебя денег? После...

Я перебила его, не желая слышать, что было бы дальше.

— Нет. Вовсе нет. Ничего такого. Просто...

Я резко прекратила объяснять, удивляясь, почему мы вообще разговаривали. В чём был смысл этого мазохистского упражнения? У меня ещё не зажили раны девятимесячной давности. Ноющая боль разбила лагерь в моей груди, расширяясь, давя на горло и ребра.

— Послушай. — Я вздохнула, снова посмотрев на него, в глазах начало щипать. Теперь, когда шок ослаб, смотреть на него становилось всё труднее. — Мне нужно идти. Чтобы успеть на поезд.

— Я подвезу тебя.

— Нет, спасибо.

— Паркер, позволь подвезти тебя.

— Нет.

— Почему нет? — тихо спросил он, больше настойчиво, чем любопытно.

Я собиралась ответить правду, что рядом с ним ощущала себя, словно не было никакого прогресса в течение последних девяти месяцев, что я, как минимум, была страшно увлечена им, если не влюблена в него до безумия, что у меня не было желания плакать в его машине. У меня не было желания плакать в любом другом месте когда-либо снова.

Но мы были прерваны звуком закрывающейся двери и приближающихся шагов, а затем Абрам положил руку на мое плечо.

Я посмотрела на своего одногруппника, смущенная этой внезапной близостью.

— Потому что её есть кому подвезти, — медленно сказал он.

Глава 2: Кислотно-щелочное равновесие

У моего обалдевшего мозга заняло пять секунд, чтобы включиться и понять последствия появления и заявления Абрама. На шестой секунде я оттолкнула Абрама и отошла.

Прежде всего, этим подразумевалось, что мы не были вместе.

И, чтобы уточнить, я громко объявила:

— Он не мой парень. Мы не встречаемся.

Во-вторых, Мартин больше не смотрел на моё лицо — он смотрел на то место, где до этого рука Абрама опиралась на моё плечо.

И в-третьих, моя жизнь официально превратилась в клише. Я задавалась вопросом, может, здесь был какой-то невидимый режиссёр за углом, говоривший типа: "Ладно, ставим новую любовную сцену. Точно, мы хотим, чтобы он вышел в самый неподходящий момент".

— Но ты всё ещё хочешь, чтобы я тебя подвёз? — спросил Абрам тоном, полным усердной заботы.

— Нет. Меня не нужно подвозить. Я не хочу никуда ехать. Эта девушка никуда не едет. — Я указала пальцами на себя, заливаясь ярким румянцем.

Глаза Мартина метнулись ко мне, прищурившись. Тщательно всматриваясь в меня.

Абрам усмехнулся и непринужденно подтолкнул меня локтем. Улыбаясь, он повернулся к Мартину. Мартин не улыбался.

— Привет. Я Абрам. Басист Кэти.

Я покачала головой, поняв, что не представила их.

— Точно. Мартин, это Абрам. Он басист в группе. Абрам, это... Мартин.

— Приятно познакомиться, Мартин, — сказал Абрам, будто ему и правда было приятно, и протянул руку.

Взгляд Мартина был сосредоточен на протянутой руке — той руке, которая несколько секунд назад лежала на моём плече — потом он поднял взгляд на Абрама. Подавшись вперед, он пожал басисту руку. Это было одно из тех странных, затянувшихся мужских рукопожатий, когда белели даже костяшки пальцев.

После нескольких секунд я больше не смогла ждать. Это же был Мартин Сандеки — великий предводитель Джедаев по вспыльчивым кулачным боям. Ага, прежнему Мартину Сандеки не нужна была причина, чтобы потерять самообладание. Если принять во внимание, что я не видела его девять месяцев. Но последнее, что мне было нужно, — это сломанная челюсть Абрама или еще хуже — сломанная рука. Уиллис никогда не простил бы мне этого.

Поэтому, оттачив их друг от друга, я потянула Мартина в сторону улицы.

— Ииии мы закончили. Мартин, не будешь ли ты так любезен подвезти меня до Центрального вокзала⁷?

— У тебя впечатляющий захват для смазливого биржевого брокера, — крикнул Абрам нам вслед.

— Я не биржевой брокер, кретин. — Голос Мартина был низким, не соответствующим уровню его раздражения; я ощущала нерешительность в его шагах, словно он хотел развернуться и показать Абраму действительно впечатляющий захват, поэтому я схватила его за руку и пошла быстрее.

Смех Абрама преследовал нас до конца улицы, пока я не повернула направо, понятия не имея, где был припаркован его автомобиль. Его близость сбивала с толку, заставляя мое сердце биться сильнее. Мы добрались до конца квартала, прежде чем Мартин остановил меня, потянув нас в закоулок, подальше от пешеходов.

— Куда ты собралась?

Я отпустила его, сделав шаг назад, благодарная за свободное пространство.

— Я не знаю. Я просто хотела увести тебя подальше от Абрама.

Мартин всматривался в мое лицо.

— Зачем? Он часто тебя беспокоит?

— Нет, вовсе нет. Он хороший, мы с ним ладили. Думаю, он просто пытался помочь, но своим каким-то странным способом.

По-прежнему вглядываясь в меня, он сделал шаг ближе.

— Вы двое... когда-нибудь?..

Я мучительно вздохнула, когда поняла, о чем он спрашивал, решив, что вечер резко принял совершенно абсурдный оборот. Я закрыла глаза, борясь с желанием закрыть лицо.

Я выиграла. Я не закрыла лицо руками. Но дала себе еще минутку, чтобы собраться с мыслями, прежде чем сказала:

— Это не твоё дело. Ты сказал, что можешь подвезти меня до вокзала. — Я открыла глаза, но подняла их только до его подбородка. — Пожалуйста, не будешь ли ты так добр подвезти меня до вокзала, чтобы я смогла сесть на поезд до дома?

Я поняла, что он хотел сказать намного больше, он хотел кричать, ругаться и злиться, но я ума не могла приложить, в чем был смысл этой краткой вспышки раздражительности, почему он мог разозлиться. Я напомнила себе, что это был Мартин Сандеки, который всегда ожидал, что люди делали бы так, как он сказал, который без

⁷ Центральный вокзал (Гранд Централ) — старейший и известнейший вокзал Нью-Йорка. То же название, что и вокзал, носят три станции Нью-Йоркского метро, расположенные рядом и образующие пересадочный узел.

проблем мог накричать на женщин и мужчин, черепашек, траву или мебель. Я напряглась от его раздражения.

Вместо этого он сделал глубокий вздох, бесшумный, но грудь его заметно поднялась и опустилась, затем кивнул.

— Да. Я с радостью отвезу тебя на вокзал.

Я прищурилась от его вежливых слов и этого тона.

— Мартин?..

— Паркер.

— Может, ты хотел сказать что-нибудь еще, пока мы не оказались в твоей машине?
Может, покричать?

Покачав головой, он вытащил из кармана пальто кожаные перчатки, его тон был мягким, даже нежным:

— Надень это. Уже холодно.

— Ты хотел сказать что-то еще. Что?

— Не ты ли всегда говорила мне...

Мартин потянулся за моей рукой, и я забыла, как дышать, когда его кожа соприкоснулась с моей. Я не собиралась лгать, мои трусики малость сошли с ума, и мое сердце, сделав сальто, неловко застучало — все признаки чрезвычайного влечения к нему. Он медлил, большим пальцем рисуя нежную линию от моего запястья к центру ладони, затем скользнул большими перчатками по моим пальцам с большей тщательностью, чем это было необходимо. Они были теплыми, только из кармана.

Надев обе перчатки, он поднял свои завораживающие глаза и закончил мысль:

— Я не всегда получаю то, что хочу.

Поездка в машине заняла пятнадцать минут, которые прошли в бессловесной тишине. Следовало отметить, что он приобрел супермодный, роскошный автомобиль. Я не знала марку и модель, но значок был итальянский, сиденья из мягкой кожи, а когда он разгонялся, машина издавала приятный рычащий звук.

Мне было не стыдно признаться, но я сняла одну перчатку, чтобы погладить его тугие... кожаные сидения.

Когда мы подъехали к вокзалу, я повернулась к нему, снимая вторую перчатку, и добродушно сказала:

— Спасибо, что подвез.

Сидя ко мне в профиль, он кивнул, его тон был вежливым и небрежным:

— Нет проблем, в любое время.

Смушенная его странной вежливостью и ощущая поразительную пустоту, будто моё сердце застряло горле, я положила его перчатки на подлокотник между нами и открыла дверь, собираясь уйти.

Тогда он неожиданно сказал:

— Я читал "Властелин колец".

Наполовину открыв дверь, я замерла и повернулась лицом к нему.

— Правда?

— Да. — Он прокашлялся, встречаясь со мной настороженным взглядом и будто собравшись с силами, сказал:

— Я сделал это.

— И что ты думаешь?

— Довольно неплохо... — Глаза Мартина, потеряв концентрацию, переместились на подголовник рядом с моим лицом. — Сначала показалась скучной. Я думал, они никогда не выберутся из этой деревни Хоббитов.

— Ах, да. Этую случилось спустя десять тысяч страниц и три тысячи стихов из песен эльфов.

Он усмехнулся.

— Плюс-минус тысяча.

Я улыбнулась, глядя на свои пальцы, удерживающие ремешок сумки.

Я была удивлена, что он читал её, но не была уверена в том, что это значило для нас, если это вообще хоть что-то значило. Я всё ещё размышляла над его откровением, когда следующие слова поразили меня:

— Я не думаю, что Фродо ответственен за уничтожение кольца.

Я резко подняла взгляд и увидела, что Мартин внимательно смотрел на меня, будто снова изучал меня. Я несколько секунд боролась с недоумением от его намека на наш разговор много месяцев назад.

Наконец мне удалось пробормотать:

— Ты... ты думаешь, что Сэм несет полную ответственность?

— Нет, — ответил он задумчиво и замолчал. Он, казалось, запоминал выражение моего лица, прежде чем продолжить: — Я думаю, что один бы не справился без другого. Думаю, Фродо необходим Сэму так же, как Сэм необходим Фродо, может быть, даже больше.

Не знаю почему, но мои глаза затуманились, хотя я не собиралась плакать.

Я мягко улыбнулась ему, позволяя увидеть мое удивление, и тихо согласилась:

— Я тоже так думаю.

Мы уставились друг на друга, и я почувствовала, что между нами что-то происходило. Я предположила, что это чувство завершенности — оно ощущалось так спокойно и хорошо. У нас была замечательная неделя. Из-за него я выбрала новый путь — путь, который я полюбила. Он хотел разбудить меня, даже если я все время пиналась и кричала, даже если это в последствии разбило мне сердце.

Может быть, мы не были предназначены друг другу, но я наконец поняла, что время, которое мы провели вместе, не было потрачено впустую. Он изменил меня, и я всегда была бы благодарна ему за это, даже если мы расстались при печальных обстоятельствах.

— Спасибо тебе, — внезапно сказала я, разрушая момент.

— За что?

Я поняла, что не могла сказать ему: "Спасибо, что пробудил мою страсть", не выставив себя при этом ненормальной, вместо этого я сказала:

— За то, что прочёл книгу, наверное. И за то, что подвёз до вокзала. — Я потянулась к двери, намереваясь подтолкнуть её, чтобы окончательно открыть.

— Точно. — Он сглотнул, глядя на меня. — Всегда пожалуйста.

— Мне нужно идти.

— Точно. — Он кивнул, неуверенно улыбаясь, и повернулся ко мне в профиль.

— Пока, Мартин.

Я на секунду замерла, ожидая, что он попрощался бы, но он этого не сделал. Его челюсть была напряжена, и он взглядывался во что-то в зеркале заднего вида. Поэтому я открыла дверь и вылезла из его модной машины, захлопывая ее и поворачиваясь в сторону Центрального вокзала.

Я не слышала, чтобы он отъезжал, но не обернулась, чтобы проверить. Я уже и так потратила слишком много времени, оглядываясь назад.

Глава 3: Концентрации растворов

Сэм хотелось сходить на танцы в стиле 80-х с приятелями по теннису в четверг вечером. Я никогда бы не пошла с ней, потому что не особо полагалась на свои навыки вне бального зала. Хотя часть меня теоретически была открыта для новых впечатлений, но не настолько, чтобы потерять рассудок.

Поэтому вечером в четверг, когда Сэм спросила, хотела ли я пойти на танцы 80-х, я согласилась.

Я узнала, что клубные танцы — это всего лишь движения, хотя чего, черт возьми, я ожидала; и еще я поняла, что это было очень весело. Конечно, иногда странные парни прокрадывались в нашу группу, пытаясь облапать или втиснуться в круг, учитывая, что девчонок было больше, чем парней. Я быстро поняла, как избежать опасного поведения незнакомцев, прильнув к одному из трех теннисистов, стоящих рядом, пока неприглашенный чувак не уходил.

Это прекрасно срабатывало до конца вечера, пока Лэндон, один из трех теннисистов, не попросил мой номер телефона. Запаниковав, я вручила ему номер, пока Сэм смотрела на меня, удивленно усмехаясь.

Как только мы вернулись обратно в нашу квартиру, Сэм начала хихикать.

— Что?

— Ты хорошо танцуешь, — сказала она, разглядывая меня.

— Спасибо?..

— Что ты думаешь о Каре?

Мне на самом деле пришлось сильно поднапрячься, чтобы вспомнить, о какой именно девушке она говорила.

— Кара — та, что с розовыми волосами?

— Нет, Кара была единственная в коротком платье с "Подземелья и Драконами"⁸.

— Ох! Кара, да. Мне она понравилась.

— Ну, она ищет, где остановиться на следующий семестр. Как насчет еще одной соседки?

— Мы переедем?

— Ага, но думаю в нашем корпусе трехкомнатная квартира освободится только к февралю.

Я скривилась, сморщив нос.

⁸ Dungeons & Dragons (Подземелья и Драконы) — настольная ролевая игра в жанре фэнтези, разработанная Гэри Гейтексом и Дэйвом Арнесоном.

— Я могу подумать об этом? Ты же знаешь, какая я привередливая. Могу ли я встретиться с ней несколько раз? Потусить? Посмотреть, что она думает по поводу графика уборки и злобной акустической музыки?

— Конечно. Это имеет смысл. Я что-нибудь придумаю после Нового Года. — Сэм снова рассматривала меня. — Поговорим теперь о тебе... Итааак, Лэндон, да?

Я умоляюще посмотрела на нее.

— Я не знала, как сказать нет. За двадцать лет он первый парень на этой планете, который попросил мой номер телефона.

— Технически он не первый.

Я проворчала, но ничего не сказала.

— В прошлом году у тебя не возникло проблем сказать Мартину нет, когда он спрашивал у тебя номер в химической лаборатории.

— Но я думала, что Мартин придурок. Легко сказать нет придурку. Еще он никогда не помогал мне составлять таблицы, так что я не чувствовала вины. Лэндон, кажется, хороший парень. Трудно отказать милому парню, который так вежливо попросил, и он помогал мне отгонять отвратительных типов большую часть вечера.

— Итак, ты дала Лэндону свой номер, потому что он предупредительный и милый?

— Я не знаю... возможно? Я чувствовала, словно должна вознаградить его за хорошее поведение. — Я повесила куртку в шкаф, стоящий в прихожей, отметив, что у меня их было всего две на вешалке, остальные все принадлежали Сэм.

Покачав головой, Сэм прошла мимо меня на кухню, крикнув через плечо:

— Когда он позвонит, не встречайся с ним. На самом деле, он придурок. А на корте ведет себя словно большой ребенок.

— Тогда зачем ты пригласила его? — Я пошла за ней, внезапно захотев "Сырные подушечки"⁹ с "Нутеллой".

— Потому что он высокий и выглядит угрожающе. Его орлиное лицо напоминает мне ведущего новостей из "Маппет-шоу"¹⁰.

— У него густые брови, нужно дать ему номер дамы, которая выщипала мои. — Я подошла к шкафу, ища компоненты моей нездоровой пищи. Я по-прежнему весила на семнадцать фунтов меньше, чем в прошлом году. Я набрала немного за лето, но у меня отнимали много времени беготня по кофейне и концерты по ночам — мне было не до сладостей.

⁹ "Сырные подушечки" (англ. Cheesy Poofs) — выдуманная закуска из анимационного сериала «Южный парк».

¹⁰ "Маппет-шоу" — англо-американская телевизионная юмористическая программа, созданная Джимом Хенсоном. Выходила в 1976—1981 годах. Основными действующими лицами были куклы-маппеты.

— Они похожи на гусениц, сидящих у него на лице, держу пари, они пушистые... Но забудем на минуту о Лэндоне. Я вот что хотела узнать: значит ли это, что ты наконец покончила с Мартином?

Я жалобно посетовала на содержимое шкафа отчасти потому, что здесь не было "Нутеллы", отчасти — что не рассказала Сэм о стычке с Мартином в прошлые выходные.

— В чем дело?

— Нет "Нутеллы", а у меня как раз настроение для "Сырных подушечек" с "Нутеллой"...

— Это отвратительно.

— И я видела Мартина в прошлую субботу.

— Ого! Постой, что? — Она уставилась на меня, открыв рот и широко раскрыв глаза.

— Здесь нет "Нутеллы"...

— Не разыграй меня. Ты же знаешь, что я хочу услышать о Мартине, а не о твоих жалобах на "Нутеллу". Ты видела его? Где? Когда? Почему ты не сказала мне?

Я схватила "Сырные подушечки" из шкафа и повернулась лицом к ней, насторожившись и уже утомившись от темы этого разговора.

— Не знаю, почему я не рассказала тебе. Я думала мне нужно было... нет не так. Я не рассказала тебе, потому что мы, вроде как, поставили "точку" в наших отношениях, и мне нужно было несколько дней это обдумать.

Она внезапно нахмурилась.

— Он поставил "точку"?

— Ага. По крайней мере, попытался. В любом случае, это не имеет значения. Я совершенно случайно встретилась с ним. Он был на концерте в Нью-Йорке, где мы играли. Мы немного поговорили, он подвез меня до вокзала, потом мы попрощались.

Фактически попрощалась я. Он ничего не сказал. Но я предположила, что это было прощание. В общем-то, с моей версией истории мне было удобнее.

Сэм смерила меня взглядом, ее лицо выражало неверие и растерянность от моего рассказа. Наконец она сказала:

— Даа... это странно.

— Почему странно? Честно говоря, это было даже мило. Мы оба взрослые люди, которые вели себя как взрослые люди.

— Это странно из-за интервью, которое он дал фитнес-журналу летом. По-моему в "Men's Health"¹¹. Кстати, ты когда-нибудь его читала?

Я покачала головой, откусывая кусочек от сырной подушечки и жалуясь на неприятный хрустящий звук, который она издавала; я говорила, жуя, пока оранжевая сырная пыль, словно облачко, вылетала из моего рта.

— Нет. Никогда не читала.

— Хмм...

Я откусила еще кусочек, пока она рассматривала меня. Хрум, хрум, хрум.

Я как раз собиралась набить рот еще одной подушечкой, когда она сказала:

— Знаешь, а там о тебе.

— Я... Что? — Я не съела подушечку. Вместо этого я замерла с ней возле рта, хмуро глядя на мою лучшую подругу.

— Интервью, оно о тебе. Ну, не полностью. Только... наполовину.

Я подавилась, чувствуя, как мои глаза словно вываливались из орбит.

— Постой, что? Как? Почему? Что?

— Если ты уже окончательно порвала с ним, думаю, не лучшая идея читать это.

Я уставилась на нее, мой рот открывался и закрывался, пока я подбирала слова.

Наконец, я остановилась на:

— Что он сказал?

— Ты собираешь прочитать?

— А должна?

— Ты окончательно порвала с ним?

Так ли это?

Не зная, что ответить, я съела отложенную сырно-рисово-пыльную подушечку. На этот раз хруст доставлял удовольствие вместо надоедливого, словно восклицательный знак, ощущения.

— Не читай, — внезапно сказала она.

— Может быть, я хочу.

— Тогда читай.

— А может и не хочу.

Она усмехнулась.

— Тогда не нужно.

* * *

¹¹ "Men's Health" (с англ. Мужское здоровье) — ежемесячный мужской журнал; издаётся в 45 странах мира.

Я не прочла интервью Мартина. По крайней мере, я не прочла его в субботу вечером.

В пятницу и субботу я была занята. Мы играли на четырех концертах. Два — днем в Бостоне, один — вечером на свадьбе в Йонкерсе и еще один — поздно ночью на безумной Бат-мицва в Нью-Хейвен.

Ну, еще у меня был странный разговор с Абрамом на свадьбе в Йоркерсе: началось с того, что он сказал:

— Тебе нужен парень для отвлечения.

Оглянувшись через плечо, я увидела его, стоящего справа, повернувшегося лицом ко мне и широко ухмыляющегося.

— Ты имеешь в виду, как в баскетболе?

Его ухмылка превратилась в усмешку.

— Нет. Не как в баскетболе. Чтобы порвать с придурком биржевым брокером.

Я поморщилась, глядя на Абрама и попивая колу.

— Ты это о чем?

Он смеялся на полшага вперед, понизив голос:

— Горячее тело, кто-то, кто умеет хорошо целоваться и трахаться. Тебе нужно отвлечься.

— Оooooох... — До меня наконец дошло, что он имел в виду, и я нервно глотнула колы. Мои глаза расширились, когда я пыталась смотреть куда угодно, только не на него, а мой мозг пытался сообразить, как выйти из этого разговора. Его комментарий больше прозвучал как: "Эй, я бы хотел заняться с тобой сексом, чтобы помочь забыть твоего парня. Воспользуйся мной".

— Я не предлагаю, — уточнил он, правильно поняв мой внезапный приступ тревоги и мое предположение, что он хотел быть моим парнем для отвлечения. Я немного расслабилась, но потом он добавил: — Хотя я не прочь быть парнем после отвлечения.

Я подавилась колой.

Он рассмеялся глубоким баритоном, что прозвучало зловеще, нежели весело, и похлопал меня по спине.

— Эй, ты в порядке?

Я кивнула, вдыхая воздух через нос и вновь закашлявшись.

— Я удивил тебя? — Его темные глаза были теплыми, с затаившимися смешинками.

Я продолжала кивать, когда его рука, похлопывающая меня, начала вместо этого поглаживать. Я вздрогнула, потому что его горячая ладонь напротив тонкого материала моей

рубашки ощущалась настолько хорошо, что посыпала слабое покалывание по моему позвоночнику. Он находился в моем личном пространстве, и от его притягательной мужественности у меня кружилась голова.

Я отступила и убрала его руку, останавливая его движения.

— Итак, я... то есть, я...

— Ты не закончила еще с прикурком, — предположил он то, что собиралась сказать я. Тем не менее, это была правда.

— Нет. Думаю, нет. — Мой голос был хриплым от кашля.

— Тогда прими мой совет и потрахайся. Позволь кому-то другому доставить тебе удовольствие. Черт, держу пари, Фитц сам обмажется сливками от этой мысли.

Я фыркнула.

— Мне не нравится сама мысль использовать людей. — Еще мне не нравилась сама идея секса с кем-то без любви, но если я сказала бы об этом Абраму, думаю, он просто посмеялся бы надо мной.

— Тебе нужно это. Просто сразу предупреди о договоренности. Дай ему — кто бы он ни был — знать, что это ограничится уговором. Но сделай себе одолжение — найди парня для отвлечения. Иначе пройдут годы, прежде чем ты отдалаешься от бывшего.

Я долго рассматривала Абрама, отпустив его руку и отодвинувшись подальше, желая действительно увидеть его. Он не поддразнивал, казалось, он говорил это из личного опыта.

— Как много девушек для отвлечения у тебя было, Абрам?

Он снова ухмыльнулся — на этот раз не так хитро.

— Я сбился со счета.

— И они помогли?

— Ага. Помогли. Я стал уже не таким несчастным и жалким, каким был до этого...

— Он умолк, его ухмылка угасла, глаза стали серьезными. — Но я не собираюсь всегда отвлекаться.

— И когда же ты остановишься?

— Когда увижу кого-то, кто стоит этой боли. Кого-то, стоящего, чтобы рискнуть. — Он поднял руку и заправил несколько прядей волос мне за ухо, его пальцы задержались на моем горле. — Или она, наконец, увидит меня.

* * *

К тому времени, как сработал будильник в воскресенье утром на мою смену в "Блюз Бин", я проклинала Сэм за то, что она рассказала мне, что интервью Мартина было обо мне или наполовину обо мне.

Еще я проклинала Абрама за то, что посеял странные мысли в моей голове: о парне для отвлечения и о нем как о потенциальном парне после отвлечения. Я запуталась. Меня привлекал Абрам, но я не позволяла этим чувствам углубиться — только мимолетный интерес. Но что, если я позволила бы себе действительно узнать его? Что, если он понравился бы мне?

Я была избавлена от поисков своей коллеги Челси, уже стоявшей за стойкой, когда подошла.

— Ты рано, — пропела она, радостно улыбаясь мне.

— Я подумала, что опоздала.

— Нет. На десять минут раньше. До сих пор было тихо. — Она перекинула свою длинную, толстую с голубыми прядями косу через плечо.

Завязав фартук, я проверила наши запасы молока.

— Если сегодня будет, как в прошлое воскресенье, нас ожидает обезумевший поток рождественских покупателей.

— Значит, будут заказывать рождественские гимны. И ты будешь петь со мной. — Челси подмигнула мне и улыбнулась.

Я улыбнулась ей, что, вероятно, больше походило на гримасу.

— Ох... ура.

Рассмеявшись, она обратила внимание ко входу в кофейню на только что вошедших двоих ранних покупателей.

Я, вроде как, любила Челси... на расстоянии. Я думаю, все любили Челси на расстоянии. Она была очаровательной, невероятно талантливой, умной и безумно веселой. Ну еще у нее был самый красивый голос сопрано, который я когда-либо слышала. В свои двадцать восемь она была уже трижды разведена. Учитывая ее сходство с Мэрилин Монро как лицом, так и телом, мужчины любили ее. Даже слишком любили.

Но я подозревала, что Челси нравилась сцена и этот трепет от восхищения. Когда она не пела в местном любительском театре за зарплату, то пела за чаевые в "Блюз Бин", флиртуя с легионом ухажеров. Я была благодарна, что она страстно желала внимания, ее готовность быть в центре внимания позволила мне устроиться в зоне моего комфорта.

И, кстати говоря о зонах, с тех пор, как я начала работать в кофейне три недели назад, я поняла, как легко получалось отключиться, пока делала латте и капучино. Кулинария в целом, и особенно приготовление кофе, были очень схожи с химической

лабораторией. Так что, когда я приступила к работе, могла поразмысльить о карусели из плюсов и минусов, кружавших в моей голове.

Плюс: если бы я прочитала интервью Мартина, тогда перестала бы переживать, стоило ли мне читать его или нет.

Минус: если бы я прочитала интервью Мартина, то могла стать одержимой его содержанием.

Так что, день продолжался таким вот образом, и все было хорошо. Точнее, все было относительно нормально, пока после полудня толпа не схлынула. Убирая беспорядок от кофейной гущи, которая капала на кафельный пол, я услышала, что Челси бормотала себе под нос.

— У нас Крис Пайн¹² на двенадцать часов.

У Челси была своя система обозначения мужчин.

Она рассказала мне, что искала Брэда Питта (версию постарше) или Криса Пайна (молодую версию). Кого-то харизматичного, красивого, умного, состоятельного и не слишком увлеченного собой. Я спрашивала ее, рассматривала она когда-нибудь Нила Ди Грэйса Тайсона или Фрэнсиса Коллинза. Кого-то не обязательно великолепного физически, но чей ум и доброта восполняли бы любое отсутствие внешней привлекательности.

На это она фыркнула, закатив глаза, и сказала:

— Если у меня будет секс с парнем, я не хочу все время делать это в темноте.

Это была интересная точка зрения... однако это меня обеспокоило. С одной стороны, я понимала, почему привлекательность являлась важнейшим элементом химии между двумя людьми. Но ее неспособность или нежелание оценивать не внешнюю привлекательность, а увидеть человека в целом, заставляли меня немного жалеть ее.

В данный момент из-за любопытства о ее Крисе Пайне я выпрямилась и, как бы невзначай, выглянула из-за кофеварки. Вот тогда я и заметила Мартина, входящего в кафе.

Мои глаза расширились от удивления, и я нырнула обратно за эспрессо-машину, шок и странная паника удерживали меня неподвижно несколько секунд, пока я вела негласный спор сама с собой:

"Что, во имя космоса, он здесь делает?"

"Возможно, это просто совпадение".

"Что мне делать?!"

"Просто веди себя нормально".

¹² Крис Пайн — американский актёр. Снялся в таких фильмах, как «Дневники принцессы 2: Как стать королевой» (2004), «Поцелуй на удачу» (2006), «Неуправляемый» (2010), но известность ему принесла роль капитана Джеймса Тибериуса Кирка в фильме 2009 года «Звёздный путь» и его продолжении «Стартrek: Возмездие».

"Как это нормально?"

Я обдумывала возможность оставаться как можно дольше незамеченной, но потом поняла, что было бы странно внезапно появиться, когда он заказал бы кофе, нежели потихоньку подняться сейчас.

Может, я смогла бы притвориться, что я мыла пол... чем я и занималась до его появления.

Или, может, и в самом деле домыть пол.

Эта мысль показалась мне самой разумной, чем я и решила заняться.

К сожалению, мытье пола заняло у меня не более пяти секунд. Поэтому, когда я выпрямилась, то изо всех сил старалась вести себя нормально. Я не знала, что делать или куда смотреть, внезапно забыв, как дышать, я остановилась, положив руки на бедра. Но даже с яростным румянцем, поднимающимся по моим щекам, я была полна решимости сделать неизбежное столкновение максимально мягким.

— Добро пожаловать в "Блюз Бин". Что вам предложить? — услышала я хриплый голос Челси.

Я решила, что мне просто нужно было притвориться, что все было нормально, делать то, что я обычно делала. Поэтому я подобрала полотенце, которым мыла пол. Повернувшись, я положила его в ведро под раковиной и передвинулась, чтобы вымыть руки.

— Я буду большой американо. — Голос Мартина вызвал дрожь осознания, прокатившуюся вниз по спине. Я постаралась проигнорировать это.

— Со сливками?

— Нет.

Вымыв руки, я повернулась к кофе-машине, добавив еще кофейных зерен и установив шкалу. Меньше чем через десять секунд я протянула бы руку и взяла бы его стаканчик, я была бы в порядке. Не знаю, почему мое сердце и разум сходили с ума.

— Точно? Как насчет сахара? — Периферийным зрением я видела, как Челси облокотилась на стойку. Она частенько это делала, чтобы в полной мере воспользоваться низким вырезом своего топа.

— Что? Нет. Без сахара.

— Ох. Мне просто любопытно, какой кофе ты заказываешь. Я хорошо готовлю сладкий и сливочный.

Последовала пауза, плотная тишина, которую сложно было игнорировать. Она увеличивалась, разрасталась, а потом внезапно стала невыносимой. Так что я подняла взгляд и увидела, что Челси в замешательстве смотрела на меня, прищурившись. Потом я посмотрела на Мартина. Он тоже смотрел на меня.

Его взгляд свидетельствовал о том, что он смотрел на меня уже дольше нескольких секунд и ждал, когда я посмотрела бы на него.

Я сразу же почувствовала себя словно в ловушке.

— Ох... Привет, Мартин. — Мои актерские способности были жалкими, но я старалась как можно лучше изобразить удивление. Может, помогло то, что я была запыхавшейся.

— Я надеялся, что ты сегодня работаешь. — Все еще глядя на меня, он передал Челси двадцатку.

Ее глаза метались между нами, еще больше сужаясь.

— Точно, я забыла. Я же рассказала тебе, что работаю здесь.

— Ты собираешься сделать мне кофе? — Он усмехнулся, оставляя двадцатку на стойке для Челси, и подошел ближе, туда, где я пряталась за кофе-машиной. На самом деле, я не могла спрятаться от него, потому что он был очень высоким. Он с легкостью видел все сквозь эту штуковину. Осознав это, я перестала выкручивать пальцы, потянувшись за большим стаканчиком.

— Да. Я твой бариста в этом прекрасном заведении. Мне приятно сделать тебе кофе.

— Я пожалела о том, что из-за моего волнения голос прозвучал, как у робота.

Должно быть, он тоже заметил странные нотки в моей речи, потому что спросил:

— Ты всегда так разговариваешь?

— Как? Как мистер Робот?

— Нет, великолепно.

Я открыла рот, заморгав, его комментарий застал меня врасплох. Когда он усмехнулся, я поняла, что он использовал наше прошлое, чтобы подразнить меня. Возможно, две недели назад меня разозлило бы, что Мартин возомнил, что имел право дразнить меня чем бы то ни было, но тот факт, что он отдал мне свои перчатки, когда мне было холодно, и прочитал "Властелин колец", почему-то сделал его подразнивания... не такими уж плохими.

— Ты странный, — бездумно сболтнула я, покачав головой от его странных подразнений. Но мне пришлось сжать губы, чтобы не улыбнуться от его заразительной усмешки. — Зачем ты здесь, чудак?

Кажется, ему понравилось то, как я обозвала его, и он переместился еще ближе, пока не оказался прямо напротив меня — нас отделяла только машина.

— Я хочу поговорить с тобой. Когда у тебя перерыв?

— Умм... — Я не спеша начала готовить кофе, щелкнула выключателем, который запустил процесс варки, и поставила две маленькие кружки под дозатор с двойным эспрессо.

Я, вроде как, задержалась с перерывом. Челси брала уже три, а я — один. Повернувшись к Челси, я увидела, как она хмуро взирала на нас. Её хмурый взгляд не был злобным или мрачным, скорее, это был взгляд из разряда "Мой мир утратил смысл". Ее мозг, очевидно, работал сверхурочно, пытаясь выяснить, откуда я знала ее Криса Пайна, он же мой Мартин Сандеки.

— К-к-к-конечно. Сейчас я приготовлю твой американо и сделаю себе чай. Занимай столик. — Я указала подбородком на столик у окна, в центре кафе.

— Хорошо. Принеси мне, пожалуйста, маффин. Я не ел с самого завтрака.

Я смогла только кивнуть, уставившись на него, он снова застал меня врасплох своим обыденным тоном — как будто мы были старыми друзьями, а еще это слово — пожалуйста. Прежде чем уйти, он улыбнулся мне легкой и мягкой улыбкой, но почему-то она была более убийственной, чем другие его улыбки. Когда я увидела, что он проигнорировал место, которое я указала, выбрав вместо этого уединенный столик в углу, я задумалась о его странном поведении.

Об улыбке.

Поддразниваниях.

Манерах.

Об отсутствии присущей ему обычно глупости и требовательности.

Это все сбивало меня с толку.

Замешательство, огорчение, заблуждение, тревога, недоумение, странность...

* * *

— Ты делаешь хороший кофе. — Мартин потягивал напиток, глядя на меня поверх ободка стаканчика.

— Технически я просто нажимаю на кнопки. — Мне было тяжело расслабиться под его взглядом, так что я возилась со своей чашкой и ложкой.

— Паркер, просто прими комплимент и скажи спасибо.

— Не могу. Я не могу, потому что не заслужила этого. Машины делают хороший кофе равно, как производители кофейных зерен и сушилки для кофе.

По его лицу я поняла, что он подумал, будто я была забавная.

— Отлично, тогда ты отлично нажимаешь на кнопки.

— Спасибо. Я принимаю комплимент и признаю, что я мастер по нажиманию на кнопок.

— Особенно, моих кнопок, — сказал он, ухмыляясь и выгнув бровь.

Я раздраженно фыркнула оттого, что попала в эту словесную ловушку и нехотя развеселилась от этой игры слов.

— Очень смешно, Сандеки.

Его ухмылка превратилась в улыбку. Потом он рассмеялся, и мое сердце немножко екнуло.

Внезапно, мы словно перенеслись на девять месяцев назад, на борт самолета, направляющегося на остров. Я столкнулась с пьяняще счастливым Мартином. Это стало напоминанием, что счастье Мартина — это откровение из красоты и физического совершенства, помноженные на превосходные и поразительные флюиды хорошего настроения.

Но в этот раз я не смеялась. Мое сердце ощущалось таким хрупким и опасалось этого Мартина, потому что его так легко было любить. Поэтому я скрестила руки на груди, защищаясь от его магнетической харизмы и ожидая, когда он перестал бы смеяться.

Когда он увидел, что я была не очень рада, его улыбка исчезла, и он, выпрямившись в кресле, прочистил горло, словно хотел что-то сказать.

Я заговорила первой, желая иметь преимущество:

— Зачем ты здесь? О чем ты хотел поговорить?

Должно быть, он прочитал что-то в выражении моего лица, возможно, твердость в моих глазах подсказала ему, что у меня было мало терпения, потому что, когда он заговорил, все его поведение тут же изменилось.

Его взгляд стал наблюдательным, челюсть напряглась, его плечи откинулись на спинку стула, отчего он казался еще выше, внушительнее и в то же время непринужденнее. Основываясь на этом языке тела и знаниях о расстановке сил из наблюдений за мамой, я предположила, что мы собирались приступить к переговорам.

И тут же убедилась, что была права.

— Я хотел обсудить условия нашей дружбы.

Я уставилась на него настороженно, мое лицо оставалось бесстрастным, хотя мне хотелось кричать: "*О ЧЕМ ТЫ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ГОВОРИШЬ?*"

Вместо этого я спросила:

— Какой дружбы?

— Единственной, которую ты пообещала мне, если я захочу, даже несмотря на то, что случится между нами.

Я несколько раз моргнула, успешно разбивая в прах мое внешнее спокойствие, но сумела произнести твердым голосом:

— Ты не можешь говорить это всерьез.

— Но я серьезен. Я абсолютно серьезен. Ты пообещала, что рядом с тобой я всегда буду в безопасности, и сейчас мне нужно такое место.

Это был тот Мартин, которого я помнила. Это был непреклонный, требовательный, грубый парень, который украл и разбил мое сердце.

Я стиснула зубы, пытаясь успокоить нарастающую волну самых разных эмоций. Очевидно, что гнев был самой первой и сильной эмоцией, нарастая в груди, удушая меня. Опять увидев какую-то перемену в выражении моего лица, он наклонился вперед, и строгий деловой фасад уступил место мольбе в глазах.

— Слушай, я здесь не для того, чтобы взять больше, чем ты готова предложить. Конечно же, ты можешь сказать, чтобы я убирался куда подальше. Все, чего я прошу, — это шанс быть твоим другом. Потому что, хоть у нас все закончилось не очень хорошо, я до сих пор доверяю тебе и уважаю тебя. Ты, — он замолчал, сделав глубокий вздох, его ищущие глаза, всматривались в мое лицо. — Кэйтлин, ты невероятно честная и разумная, и добрая. Я мог бы действительно воспользоваться твоими советами. Мне действительно нужно немного честности и доброты в своей жизни.

— И у тебя нет конкретных причин? — спросила я, чтобы потянуть время, не уверенная, что надо было делать с этой страстной речью.

— Нет. У меня есть множество причин. Но без чести и добродетели доводы многое не стоят.

Мои губы раскрылись в удивлении, и я уже ощущала, как соскальзывала моя маска безразличия от его поразительно разумных слов. Он выглядел серьезным и сосредоточенным, и я знала, что была уже на грани того, чтобы согласиться.

Но едкий вкус, оставшийся в моем разбитом сердце, и горечь недавнего предательства сдержали меня, не дав альтруистическим инстинктам овладеть мной.

Но было что-то еще, что-то ничтожное и всецело основанное на самолюбии.

Когда у нас был этот разговор в прошлом, в коттедже на острове, он сказал мне тогда, что никогда не смог бы быть настолько незаинтересованным, чтобы быть моим другом. Что он всегда хотел бы меня слишком сильно, чтобы довольствоваться просто дружбой.

Если теперь он хотел быть другом, это могло означать только одно: он стал ко мне равнодушен. Он больше не хотел меня. И от этого моему самовлюбленному, эгоистичному сердцу стало больно. Осознание этого причиняло острую боль, потому что я не могла себе представить, что смогла бы быть настолько равнодушной к нему.

— Можешь не отвечать прямо сейчас. — Его взгляд и тон были уверенными, рассудительными.

Мне хотелось рассказать ему, насколько больно он мне сделал, что его новообретенное безразличие, из-за которого он предлагал дружбу, делало мне больно сейчас. Но я не могла. Потому что тогда ему стало бы известно, что он все еще имел власть над моими чувствами.

Вместо этого я приняла решение поступить таким образом, чтобы оттолкнуть его.

— Допустим, я согласна быть твоим другом, если ты расскажешь миру, какой твой отец злобный придурок и что наши семьи никогда не были близки, и что он никогда не имел влияния на мою мать. Что тогда ты будешь делать?

Я не ожидала, что Мартин усмехнулся бы, но он так и сделал, а затем быстро ответил:

— Паркер, я уже сделал это. Я сделал это спустя два месяца.

Снова я почувствовала, как моя маска спадала, и заморгала от удивления.

— Правда?

— Да. Интервью было в "Вашингтон Пост". Разве ты не читала ни одного из тех интервью, что я давал?

Покачав головой, я честно ответила:

— Нет. Не читала. Я избегала этого.

— Ни одного из них? — Что-то вроде зародившегося осознания бросило тень на его лицо.

Я снова покачала головой.

— Нет. Я не... — Сделав глубокий вздох, я заставила себя продолжить: — Я не хотела ничего знать о тебе. И не хотела знать, чем ты занимаешься.

Главным образом потому, как хорошо и непринужденно он выглядел в нашу последнюю встречу и какой несчастной и убитой горем была я, я и предположила, что он быстро двигался дальше по жизни, возможно, даже встречался с другими женщинами. Фактически, я была уверена, что он встречался с другими женщинами, учитывая то, что у него было свидание на моем выступлении на прошлой неделе.

Мне не нужно было видеть журнальные публикации и шестую страницу¹³ о Мартине Сандеки — самом завидном холостяке во Вселенной, попавшего в город с легионом своих поклонниц.

Между тем, я была не в состоянии двигаться.

Он, не отрываясь, смотрел на меня, его усмешка превратилась в хмурую гримасу.

— А ты собираешься прочесть?

Я пожала плечами, пытаясь выглядеть непринужденной.

¹³ Шестая страница — раздел в журнале со сплетнями и слухами о знаменитостях.

— Скорее всего, нет.

Взгляд Мартина стал раздраженным от моего заявления.

Внезапно он сказал:

— Я искал тебя везде, пытался разузнать о тебе все, что ты делаешь, как ты. Вот как я нашел твою группу.

— Мою группу? Постой, что?

— Я нанял твою группу выступить на вечеринке на прошлой неделе. Ну, вернее, мой ПА¹⁴. Это был групповой стартап¹⁵, нацеленный на развитие сельскохозяйственной техники. Это мой новый проект.

Я не слышала ничего, кроме: "Я нанял твою группу выступить на вечеринке на прошлой неделе".

— Зачем, ты это сделал?

— По той же причине, почему я сейчас сижу здесь. — Голос Мартина прозвучал на грани раздражения и злости.

Мой взгляд переместился на стол между нами, пока я пыталась разобраться в этой горе удивительной информации. Он нанял мою группу? Зачем? Чтобы иметь возможность поговорить со мной? Но потом он пришел со своей девушкой на мероприятие? Чтобы что?

Но прежде чем я зашла слишком далеко, он встал, привлекая мое внимание к себе. Он вытащил свой бумажник.

— Послушай, тебе нужно время. Подумай об этом. Вот мой номер.

Я взяла его визитную карточку, не глядя на нее, так как была слишком занята, недоверчиво рассматривая его самого.

Я тупо переспросила:

— У тебя есть визитка?

— Да. Это мой личный номер. Если ты не позвонишь, я заеду на следующей неделе.

— Итак, что же... у тебя что, есть еще визитные карточки с другим номером? Без твоего личного номера? — Он предоставил мне возможность покопаться в деталях.

Нахмутившись еще сильнее, словно я задала вопрос с подвохом, он в конце концов ответил:

— Да. Другие визитки с номер моего ПА. И что?

— Ты понимаешь, что тебе двадцать один и у тебя две разные визитные карточки, верно? И персональный ассистент. И вероятно, угловой кабинет где-то. — Слова вырывались из моего рта потоком сознания, будто я думала и говорила одновременно.

¹⁴ ПА — персональный ассистент.

¹⁵ Стартап — недавно созданная фирма.

Прищурившись, он посмотрел на меня, качая головой, будто не понял смысла моих слов, словно у него и вправду был угловой кабинет.

— От этого ты одновременно впечатляющий и смешной. Пожалуйста, скажи мне, что у тебя полотенце без монограммы.

У Мартина напряглась челюсть, когда он понял смысл моих слов, но я увидела неохотную улыбку в уголках его глаз, когда он посмотрел на меня с высоты своего роста.

— Они с монограммой, правда? И ты, наверное, называешь их постельным бельем.

Его губы сжались в твердую, но печальную линию. Скрестив руки на груди, Мартин сказал:

— Вот чего мне ожидать от нашей дружбы? Ты будешь на меня наезжать по поводу моего постельного белья?

— Безусловно, — сказала я, указывая подбородком на его запястье, — и на твои модные часы.

— Итак, это означает "да"? — подталкивал он, выгибая бровь.

— Это... это означает "возможно".

Глава 4: Моль и число Авогадро

Теперь, когда я работала, то могла взглянуть на повестку дня для еженедельного семейного звонка только за десять минут до того, как мне нужно было соединиться. Мы изменили время, подстроившись под график моей новой работы, что было приятно. Но это также означало, что я просто суетилась, у меня никогда не хватало времени, чтобы ознакомиться с материалами.

Обычно это не было проблемой. Однако, сегодня за пять минут до того, как я должна была позвонить по Скайпу, прочитала повестку, обнаружив новый пункт.

Благотворительная кампания и сбор средств¹⁶ - Кэйтлин выполнить.

Я нахмурилась, глядя на тему. Но с этим ничего нельзя было поделать, не было смысла выяснять все раньше времени, так как наша встреча вот-вот началась бы. Так что, выделив строку, я написала большой знак вопроса на моей бумажной копии повестки дня. Потом я открыла сессию Скайпа и нажала на кнопку соединения.

— Здравствуйте. — Я услышала на линии голос Джорджа, ПА моей мамы. Он все еще не включил видео.

— Привет, Джордж. Это Кэйтлин.

— Да. Я вижу. Давай я включу видео. — Я услышала шорох, когда он добавил: — Твоя мама говорит по телефону с сенатором Петерсоном, пытаясь уговорить его пойти на уступки. Она скоро вернется, и мы начнем. Твоего отца вызвали в операционную.

— Звучит неплохо. — Я просмотрела остальную часть повестки дня. Все было в порядке. Как только его лицо всплыло на экране компьютера, я спросила: — Эй, Джордж. У меня есть вопрос об одном из новых пунктов в повестке дня — о Благотворительной кампании и сборе средств.

— Ох, да. У твоей мамы в мае сбор средств. А через неделю благотворительный концерт для детских фондов. Оба пройдут в Нью-Йорке. Она подумала, что было бы неплохо, если ты выступишь на одном или обоих мероприятиях.

Я увидела выражение своего лица в маленьком окошечке в правом углу экрана компьютера. Я выглядела такой же удивленной, какой и ощущала себя. Но выражение лица не передавало всплеска охватившей меня паники. Идея выступать перед людьми, которые знали, кем была я и кем была моя мать, абсолютно не привлекала меня. Быть просто еще одним участником случайной группы давало хоть какую-то анонимность. Но оказаться на

¹⁶ Фандрайзинг или сбор средств (также известный как «развитие») — это процесс сбора добровольных денежных или других ресурсов путем просьб о пожертвованиях от физических лиц, предприятий, благотворительных фондов или правительственный учреждений.

сцене перед сотней или тысячей людей, будучи дочерью сенатора Паркера, звучало ужасно и пугающе.

— Точно? Мне это кажется странным. — Мой голос слегка надломился.

Он пожал плечами, почесав макушку своей лысой головы.

— Нет. Нет, если хорошенько задуматься об этом. Ты всегда была музыкально одаренной. Я помню, как в тринадцать лет ты выучила все сонаты Бетховена без нот. Когда музыка была для тебя просто хобби, просить тебя выступить было как вмешательство в твою личную жизнь. Но теперь, когда музыка — выбранная тобой профессия, это будет выгодно для вас обеих.

Вот что мне нравилось в Джордже: он был честным, никогда не стеснялся (или колебался) в выборе слов, просто говорил понятные и простые вещи.

Мама появилась на экране, широко улыбаясь мне, и отрегулировала компьютер, чтобы было видно их обоих.

— Джордж сказал тебе насчет Уильяма?

— Да, папу вызвали, — подтвердила я.

— Поскольку он не сможет сделать это сегодня, мы отправим материалы повестки домой и подождем до следующей встречи, — уточнила мама, все еще тепло улыбаясь мне. Она была так счастлива меня видеть.

— Звучит неплохо. — Я улыбнулась в ответ.

Мы только вторую неделю использовали Скайп вместо выделенной конференц-линии без видео, и мне очень это нравилось. Мне было приятно видеть маму и папу (и Джорджа); это делало их более реальными. Мне нравилось, что они могли видеть меня и понять, что у меня было все в порядке.

— Мы просто говорили о четвертом пункте из повестки, — сказал Джордж, обратив внимание мамы к листочке, который он положил перед ней на стол.

— Ох, да. — Мама взглянула на меня, ее улыбка стала еще шире. Я видела волнение в ее глазах. — Позволь мне рассказать об этом, я думаю, это прекрасная возможность для тебя.

— Джордж уже ввел меня в курс дела. Ты хочешь, чтобы я выступила перед людьми на сборе средств и на твоей благотворительной кампании, оба мероприятия будут в Нью-Йорке в мае?

— Да, все правильно. На обоих мероприятиях будет много профессионалов из этой отрасли, люди из Бродвея и Голливуда. Я знаю, что у тебя есть маленькая свадебная группа и что ты способна на большее, чем это. Просто воспринимай это как способ завязать знакомства и приобрести связи для твоей карьеры.

Я постаралась, чтобы мое лицо оставалось спокойным после внезапного укола боли, когда она сказала "маленькая группа". Я знала, что она не имела в виду ничего плохого, потому что для нее это была маленькая группа. А для меня это был гигантский скачок в самореализации.

Прежде чем ответить, мне пришлось прокашляться, очищаясь от эмоций.

— Могу я выступить с остальными? Как часть коллектива? Можно ли будет прорепетировать перед выступлением?

— Нет. Ты выступишь соло и, надеюсь, сыграешь одну из своих собственных композиций, если будешь готова в срок. Уверена, для тебя это не будет проблемой. — Она отвлеклась, когда отвечала, потому что снова зазвонил ее сотовый телефон; она не видела, что я откинулась на спинку стула или как цвет сошел с моего лица.

— Извини, Кэйтлин, но мне нужно ответить на этот звонок. — Она повернулась к экрану компьютера с извиняющимся и расстроенным взглядом. — Закончим с остальной частью повестки после праздников.

Я кивнула, почувствовав облегчение оттого, что у меня появилась отсрочка перед тем, как дать ей ответ. Она снова встала, пока отвечала на звонок, оставляя меня и Джорджа на линии.

— На следующей неделе Рождество, — рассеянно заметил Джордж. — Ты уже отправила свою посылку? Мне отправить тебе транспортную бирку?

— Я отправлю все во вторник перед тем, как уеду в Нью-Йорк. Бирку было бы неплохо, — ответила я рассеянно, пытаясь представить себя, играющей одну из своих композиций на глазах у профессионалов отрасли. Я поморщилась, чувствуя себя немножко больной. Дело было не в том, что мне не хватало уверенности. Просто я не любила людей. Особенно, мне не нравилось, когда люди смотрели на меня с ожиданием и осуждением. Мне просто хотелось играть музыку.

— Звучит неплохо. У меня есть адрес, где ты остановишься на следующей неделе в Бруклине, пока будешь играть на концертах. Согласно нашему последнему разговору, ты останешься со своей коллегой по группе Джанет Делоач и ее друзьями, Бергманами. Все верно? — спросил Джордж, очевидно пробежавшись по своему списку вопросов.

— Да.

— Твой отец позвонит тебе на этой неделе просто поговорить. Он выразил крайнее разочарование тем, что ему пришлось отствовать из-за сегодняшнего вызова, и просил меня передать, что он любит тебя и очень скучает. Календарь, который ты отправила на этой неделе, все еще актуален?

Я улыбнулась от слов моего отца, зачитанных Джорджем, и ответила на его вопрос:

— Да. В моем календаре не будет изменений.

— Ладно, тогда, думаю, мы закончили. — Подняв взгляд, он улыбнулся мне своей обычной вялой и дружелюбной улыбкой Джорджа. — Счастливого Рождества, Кэйтлин.

Собравшись с силами, я улыбнулась ему в ответ.

— Счастливого Рождества, Джордж.

Потом мы завершили звонок.

* * *

— Сэм, могу я задать тебе вопрос?

— Давай. — Сэм изучала меня. У нас был итальянский вечер, она никак не могла выбрать между лазаньей и пастой карбонара с курицей.

Отложив меню, я сложила руки на груди, готовясь задать вопрос, который формировался в моей голове последние несколько месяцев.

— Когда ты ощутила, что это нормально, то есть, когда ты испытала потребность как девушка или женщина, ну, в каком возрасте тебе захотелось одеваться и вести себя, ощущать себя как...

— Выкладывай уже. Просто задай вопрос.

— Хорошо. В каком возрасте ты почувствовала, что хочешь быть сексуальной?

Ее широко распахнутые глаза метнулись ко мне, и она уставилась на меня через стол.

— Тебе тяжело сказать вслух слово сексуальность?

Я покачала головой.

— Нет. Но для меня тяжело размышлять над этим понятием и не запутаться. Думаю, я не до конца понимаю, что такое сексуальность.

Она задумчиво кивнула, снова глядя в свое меню.

У нас было свидание в понедельник... друг с другом. Мы делали это с тех пор, как нашли себе работу за лето. Это был предлог, чтобы нарядиться, потому что иначе я проводила все время либо в смокинге, либо в мешковатых джинсах и мужских футболках с концертов.

Я пыталась исследовать понятие традиционной женственности: духи, макияж, кружевное нижнее белье, платья, украшения, туфли — потому что не хотела отмахиваться от того, чтобы наряжаться, даже не попробовав.

Да, я осознавала, что "традиционная женственность" исторически была пропитана женоненавистничеством. Тем не менее, я расценивала решение сторониться женственности

из-за шовинизма таким же ущербным, как и пожизненное ношение кружевного нижнего белья, только потому что оно нравится мужчинам.

Я хотела исследовать эту часть для себя, не назло или из-за другого человека. Если я захотела бы изменить что-то в своем стиле или усовершенствовать его, то только из-за чувств, которые я испытывала бы при этом. Не из-за того, что я хотела заставить кого-то почувствовать себя лучше или посмотреть на меня по-другому.

По крайней мере, с этого все началось. Но после того, как я увидела Мартина в прошлое воскресенье и осознала, как это было больно, когда тебя рассматривали всего лишь как платонического друга, то начала сомневаться из-за того, что у меня могли быть более глубокие, подсознательные мотивы для изучения моей женственности.

Например, одной из моих наименее здравых мыслей было: "Возможно, если бы я была сексуальнее и более традиционной девушкой, Мартин не смог бы забыть меня так быстро".

Так что... да. Нездоровые мысли. По этой причине я до сих пор не отыскала и не прочитала ни одно интервью Мартина. Я не хотела, чтобы он был причиной моих решений.

Следовало отметить, что я всё ещё не решила, что думать о предложенной Мартином дружбе или о том, стоило ли мне сделать макияж и надеть вычурную одежду.

Что касалось одежды, то поначалу у меня все чесалось, и мои движения были скованными. Через некоторое время, вернее, после четырех девичьих свиданий, я с нетерпением ожидала того, чтобы принарядиться, и поймала себя на том, что стала замечать и оценивать макияж и одежду на других людях.

— Хмм, — сказала она, все еще изучая меню. — Это, на самом деле, интересный вопрос.

Сделав глоток воды, я ожидала ее ответа.

— Я хочу лазанью или пасту карбонара?

— Пасту карбонара.

— Ладно. Выбор сделан. — Она положила меню на стол, закрыв его и пристально глядя на меня. — Итак, ты хочешь знать, когда я впервые почувствовала себя сексуальной или захотела быть сексуальной?

— Это было в разные годы?

— Да.

— Тогда расскажи мне, когда ты захотела чувствовать себя сексуальной.

— Думаю, в четырнадцать.

У меня отвисла челюсть.

— В четырнадцать?

— Да. А может даже в тринадцать или двенадцать. Помню, что я хотела быть такой же сексуальной, как девушки из журналов.

— Каких журналов?

— "Вог"¹⁷, "Гламур"¹⁸, "Космо"¹⁹.

— Ты читала "Космо" в двенадцать?

— Да. А когда ты начала читать "Космо"?

Я сначала фыркнула, но потом призналась:

— Никогда. Я никогда не читала "Космо".

— Большинство из них фигня, бессмысленный текст, глупости. Но иногда у них есть блестящие статьи и рассказики. А еще по ним я научилась делать макияж "Кошачьи глазки".

— Ты имеешь в виду черную подводку для глаз?

— Ага. Там была пошаговая инструкция с картинками.

Я задумалась над тем, что ей было всего двенадцать, когда она впервые захотела быть сексуальной. Между тем, я не была уверена, что хотела быть сексуальной, даже сейчас.

— Тебе не казалось, что двенадцать — это слишком рано? Что ты слишком молода?

Она пожала плечами, сморшив нос.

— Не знаю. У меня месячные начались в десять. Пятьсот лет назад женщины выходили замуж в четырнадцать или пятнадцать. В некоторых частях света все еще так делают.

— Но в нынешние времена и в западной культуре, в случае нашей жизни здесь и сейчас ты не считаешь, что это слишком рано?

Сэм, прищурившись, посмотрела на меня.

— И да, и нет. С одной стороны, любопытство по поводу сексуальности — естественно. Но с другой стороны, думаю, девчонки попадают в эти ужасные сети извечного разочарования. Нам, на самом деле, не позволено говорить о сексе или задавать вопросы, или интересоваться этим. Если же мы интересуемся этим и нам это нравится, тогда нас называют распутными или шлюхами. Если же не заинтересованы, тогда мы фригидные и подавленные... ханжи. Словно мы видим образ женщины, воплощенный повсюду. И тогда нам говорят вести себя и одеваться, как мужчины на работу и в школу, иначе никто не будет воспринимать нас всерьез, даже другие женщины. В основном, женщин просто трахают.

— Это угнетает.

¹⁷ Vogue (Вог, фр. мода) — женский журнал о моде, издаваемый с 1892 года издательским домом Condé Nast Publications.

¹⁸ Glamour — ежемесячный женский журнал, первый номер вышел в США в 1939 году и изначально назывался "Glamour of Hollywood" — Голливудский Гламур.

¹⁹ Cosmopolitan — международный женский журнал. Содержание включает в себя статьи о взаимоотношениях и сексе, здоровье, карьере, самосовершенствовании, знаменитостях, а также моде и красоте.

— Да. Это так. Что насчет тебя? Когда ты впервые захотела быть сексуальной?

Сделав глубокий вздох, я слегка покачала головой.

— Думаю, когда впервые я захотела быть сексуальной, мне было уже семнадцать.

— Вау.

— Ага. Это делает меня фригидной, подавленной ханжой?

— Да. Безусловно. А я тогда шлюшка. Почему в семнадцать?

— Честно говоря, потому что я никак не могла заполучить Картера...

— Твоего гея-бойфренда.

— Да, моего гея-бойфренда, хотя я не знала, что он гей. Я никогда не могла заставить его сделать хоть что-то, даже поцелуй были только на публике. Он никогда ничего не хотел, когда мы были наедине. Я думала, может, это потому, что я не сексуальная.

Сэм немного понаблюдала за мной, обдумывая это, затем сказала:

— Но... тебе даже не хотелось быть сексуальной просто для себя? Просто, чтобы хорошо себя чувствовать?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну знаешь, использовать тени для век или надеть новый наряд? Не для того, чтобы радовать чужой глаз, а только потому, что тебе хотелось наряжаться и чувствовать себя красивой?

Я покачала головой после второго вопроса.

— Нет. Никогда.

— Хмм... — Она снова откинулась на кресло, рассматривая меня, затем выдавила:

— А ты уверена, что тебе нравятся парни?

У меня отвисла челюсть в праведном негодовании, и я наклонилась вперед, громко прошептав:

— Сэм, только потому, что я не похожа на других девчонок, вовсе не означает, что я... что я...

— То, что ты предпочитаешь кобыл жеребцам, я поняла. Просто я немного не понимаю. Я всегда думала, что ты так одеваешься, потому что не любишь привлекать внимание.

— Как — так?

— Ну знаешь, непривлекательно.

— Я одеваюсь непривлекательно?

— Ну, на самом деле, да. Да, ты одеваешься непривлекательно... старомодно... в общем, не важно.

— Потому что я не ношу обтягивающую одежду или вещи, которые оголяют мою кожу, чтобы привлечь внимание к телу?

— Кэйтлин, — вздохнула она, окинула меня взглядом и продолжила: — Мешковатая, бесформенная одежда, которая скрывает твоё тело, — вот что значит одеваться непривлекательно. Черт, по сравнению с этим, твой рабочий смокинг намного сексуальнее — по крайней мере, в нем видно твою задницу.

Я открыла рот, собираясь протестовать, но потом поняла, что она была права. Мешковатые футболки, джинсы на размер больше с обрезанными отворотами... в основном, я одевалась непривлекательно.

Хотела ли я одеваться непривлекательно? Должно ли это было меня беспокоить? Что со мной было не так, если я до сих пор не поняла, что одевалась, как чучело?

Будто увидев мою внутреннюю борьбу, Сэм быстро добавила:

— Если ты хочешь носить мешковатую одежду, тогда носи мешковатую одежду. Если тебе нравится это, то наплюй на то, что думают другие, включая меня.

— Но, я не... я имею в виду... я...

— Дамы? Вы готовы сделать заказ? — Наша официантка выбрала именно этот момент, чтобы вернуться к столу, давая мне краткую отсрочку от попыток вслуш разобраться с моими мыслями.

— Я буду лазанью, а она — равиоли с омаром. — Сэм подхватила наши меню и передала официантке. Обычно я не возражала, что она заказывала за меня, потому что я всегда заказывала одно и то же.

Но по какой-то причине в этот раз меня невероятно разозлило ее предположение, что я заказала бы равиоли. Что, если я хотела стейк? Или салат?

— На самом деле, — перебила я, извиняюще улыбаясь официантке, — я буду зити²⁰ с уткой.

Наша официантка кивнула, словно это было обычным делом, и оставила нас наедине с нашими обсуждениями.

Глядя на меня, Сэм выгнула бровь, взяла стакан воды и сказала, прежде чем сделать глоток:

— Зити с уткой, да?

Я решительно кивнула.

— Точно. Зити с уткой.

— Не равиоли с омаром?

²⁰ Зити (ziti) — итальянская паста в виде небольших цилиндрических трубочек, очень похожа на толстые спагетти.

— Нет. Я устала от рavioli с омаром.

Она долго рассматривала меня, поставив стакан на место, скрестив руки на груди и прищурившись. Я передразнила ее позу и взглядела.

— Хорошо. Не заказывай рavioli с омаром, если не хочешь. Попробуй зити с уткой или стейк.

— Я попробую.

— Просто знай, не важно, что ты заказываешь, и не важно, что ты ешь, это твое решение. Если ты хочешь всю оставшуюся жизнь есть ravioli с омаром, в этом нет ничего плохого. Не менять свой заказ только потому, что другие считают, что ты должна это сделать, или потому, что общество твердит тебе, что странно заказывать одно и то же всё время. Это ты будешь жить своим блюдом, не общество, не я. А ты.

— Но как я узнаю, нравится ли мне зити с уткой, если я даже не пробовала?

Она замолчала, рассматривая меня, ее рот выгнулся в ровную, задумчивую линию. Потом вздохнув, она сказала:

— Думаю, никак. Сдается мне, ты просто обязана попробовать зити. Я просто не хочу, чтобы ты чувствовала, что тебя принуждают к выбору, потому что ты чертовски удивительная такая, какая ты есть. Меня огорчило бы, если ты заказала бы стейк, когда на самом деле хочешь ravioli.

— Эта аналогия зашла слишком далеко. Мы обе понимаем, что мы говорим о моей склонности прятаться. Неважно, шкаф ли это, или мешковатая одежда. Я не могу спрятаться от всего нового.

— Но ты не прячешься. Посмотри на себя, ты такая нарядная. Твои брови профессионально проэпилировали воском и им придали форму. Ты играешь в группе. Ты поющий бариста. Ты пробуешь все новое.

— Да. Черепашьими шагами я пробую все новое. Когда я чувствую себя в полной безопасности, я пробую все новое. Когда я с тобой, я пробую все новое. — Слегка улыбнувшись, я наклонилась вперед, положив руку на стол ладонью вверх. Она положила руку поверх моей и усмехнулась.

— Сэм, ты хорошая подруга. Я хочу попробовать все новое, даже когда не ощущаю себя в полной безопасности. Я хочу попробовать все новое, прежде чем даже буду уверена, что хочу попробовать что-то новое. Настало время рисковать.

— Ты же не о наркотиках говоришь, да? Потому что дурь — это дрянь.

Я засмеялась и закатила глаза.

— Нет. Я говорю о том, чтобы купить футбольку подходящего размера. Может, новое платье, чтобы не брать у тебя.

Чего я не добавила, потому что еще не рассказала ей о встрече с Мартином в кофейне, что пробовать все новое включало в себя и согласие на дружбу с Мартином Сандеки.

* * *

На следующее утро Сэм не оказалось в квартире.

Даже тогда я закрыла дверь в свою комнату, чтобы добиться максимального уединения. Я собиралась позвонить Мартина.

Я думала о том, чтобы позвонить из ванной на случай, если неожиданно вернулась бы Сэм, но решила, что слишком преувеличивала.

Я сделала несколько глубоких вздохов, психологически настраиваясь. Потом, почувствовав странный прилив смелости, схватила телефон, набрала его номер и поднесла телефон к уху.

Раздались три гудка.

Я пыталась определиться, стоило или нет оставлять голосовое сообщение — если до этого дошло бы — когда на звонок ответили:

— Здравствуйте? — ответил женский голос на том конце провода.

Нахмутившись, я посмотрела на визитку, которую он дал мне, и задалась вопросом, может быть, я неправильно набрала номер, или, может, вместо своего номера он дал мне телефон своего ПА.

— Привет. Здравствуйте, гм... извините. Может, я ошиблась номером. Я звонила Мартина Сандеки.

— Нет. Вы набрали правильный номер. — У нее был британский акцент.

— Ох. Ладно. Это его персональный ассистент?

— Нет. Это Эмма Кромвелл, его партнер. А вы кто?

Партнер. Партнер? Ох!.. Партнер. Ну, моллюски.

Закрыв глаза, я тихонько вздохнула, ощущая, как мой желудок рухнул к моим ногам. Я села на кровать и, прочистив горло, ответила:

— Я... Паркер.

— Кэйтлин Паркер? — Может, это было всего лишь мое воображение, но, казалось, она была немного раздраженной от этой новости.

Что означало, она знала, кем я была. Просто замечательно. Я ощущала себя злобным захватчиком. Вот она я — бывшая подружка, называвшая Мартина. Уверена, если бы у

меня были серьезные отношения, я бы не хотела, чтобы бывшие моего парня называли ему.

Как я вообще докатилась до этого?

Я кивнула, потом осознав, что она меня не видит, сказала:

— Да. Кэйтлин Паркер. Если я не вовремя, то я перезвоню попозже. Мне не к спеху.

— Он только что из душа, я скажу ему, чтобы он перезвонил тебе, когда освободится.

Я кивнула снова, мое сердце стучало где-то в желудке, опускалось к моим ногам и падало к самому центру земли.

— Конечно. Как я уже сказала, мне не к спеху.

— Угу. До свидания.

— Хорошо... — Я не успела попрощаться, потому что она уже повесила трубку.

* * *

Я признала, что, вероятно, все еще была безумно влюблена в Мартина. Может, всегда была бы. От этой мысли мне захотелось плакать, но я не стала.

Вместо этого я решилась пройтись по магазинам, чтобы купить подарки на Рождество. Была одна вещь, которой я научилась за последние девять месяцев, — важно было уметь притворяться. Сэм называла это "притворяйся, пока можешь".

Последняя неделя перед большими каникулами была бы чертовски занятой. У нас было бы по два-три концерта в день, начиная с завтрашнего дня. Корпоративы на скорую руку, мероприятия в гостиницах, тематические свадьбы и праздничные бранчи. Во время концертов в Нью-Йорке я планировала остаться в городе с Джанет, моей коллегой по группе, и двумя ее друзьями.

Я была рациональной покупательницей в основном потому, что всегда противоречиво относилась к шопингу. Я быстро хватала вещи из списка покупок, и с этим было покончено, я была готова возвращаться в свою квартиру всего через два часа. Но впервые, пожалуй, за всю мою жизнь я не хотела возвращаться в квартиру и оставаться в одиночестве. Поэтому я еще немного поглязела на витрины.

Странно, но моё бессмысленное шатание по магазинам обратилось в глобальную закупку, и всего после двух часов я вернулась обратно в квартиру с тремя новыми парами джинсов, парочкой топов, которые отлично сидели по фигуре, но были в стиле ботана, четырьмя сочетающимися наборами лифчиков и трусиков, потому что была супер

распродажа, и двумя парами новых туфель. Еще я купила себе парочку уютных носков с изображением Авраама Линкольна, потому что он был моим вторым любимым президентом.

Приехав домой, я распаковала пакеты и собрала сумку, решив взять некоторые новые вещи с собой, и пошла на кухню в поисках горячего шоколада.

Именно тогда зазвонил мой телефон. Я не посмотрела на номер, прежде чем ответить, потому что все еще думала о том, как я наслаждалась этим утром. Я парила в эйфории моих новых вещей.

— Алло?

— Кэйтлин?

Иииии... теперь я грохнулась вниз на землю.

— Привет, Мартин. — Я постаралась проигнорировать знакомую боль в груди.

— Я надеялся, что это твой номер. Это ты звонила раньше? Нужно было оставить сообщение.

Это дало мне паузу, но потом я начала думать и говорить одновременно.

— Я оставляла сообщение.

— Точно? Я не получал голосовых сообщений.

— Нет, я оставила сообщение твоей... — Я замялась на этом слове, но потом заставила себя это сделать. Я знала, что лучше было сразу сорвать повязку, чем пытаться медленно спускать ее. — Я оставила сообщение твоей девушке.

На мгновение он замолчал, а затем спросил:

— Моей девушке?

— Эмме.

— Эмме? Нет. Нет, нет, нет. Эмма — не моя девушка. Она мой партнер.

— Партнер, девушка, вторая половинка, сенсей — это неважно.

— Нет, Кэйтлин. — Я услышала легкий смешок, словно он был одновременно успокоен и разочарован. — Эмма — мой бизнес-партнер. Мы никогда... у нас не было ничего такого.

Это дало мне время подумать. Я была почти уверена, что Эмма была раздраженной еще до того, как услышала мое имя. Возможно, я вообразила себе это.

— В любом случае, ты звонила?

— Да. Я звонила. — Я осмотрелась на кухне, словно это могло помочь мне выяснить, что говорить дальше. Мой разум все еще не мог примириться с тем фактом, что Эмма не была его девушкой; мое сердце и желудок ожидали от меня указаний: воспарить или поменяться местами — а я не знала, что делать.

Должна ли я была чувствовать счастье? Облегчение? Противоречие? Не удивительно, что кухня не дала никаких указаний.

Должно быть, я слишком долго молчала, потому что Мартин спросил:

— Ты еще там?

— Да. Извини, я здесь. Да, я звонила. Я хотела поговорить с тобой об условиях нашей дружбы.

— Нашей дружбы? — Я слышала улыбку в его голосе.

— Да. Я подумала, ты и я... Я имею в виду, хотя мы провели вместе всего неделю, я чувствую, в какой-то степени мы стали друзьями. И мне нравилась наша дружба, мне нравился ты. — Я закрыла глаза и поморщилась, закрыв рукой лицо, чувствуя унижение и радость, что он не видел чудовищный румянец, поднимающийся вверх по моей шее.

"Мне нравился ты"... В самом деле? Ты настолько была ужасна в этом.

Но Мартин удивил меня, сказав:

— Ты тоже мне нравилась. Если помнишь, ты очень сильно мне нравилась.

От этого я облегченно рассмеялась, обрадованная тем, что я была не единственной, кто рисковал частью себя и своей гордостью.

Я тихонько ответила:

— Да. Я помню. — Теперь я покраснела совершенно по другой причине.

— Итак, условия? — повторил он. — В какие дни недели мне уделят внимание? И как долго?

— Уделят внимание?

— Когда я смогу видеть тебя?

— Мартин, нам не нужен график. Если ты хочешь увидеть меня или поговорить, просто позвони мне.

— Как насчет сегодня?

Я снова осмотрела кухню и не получила никаких рекомендаций.

Я пробормотала:

— Ммм... ну... я думаю... конечно. Если у тебя есть время. Я выдвинусь к тебе довольно скоро, потому что у нас завтра утром шоу в городе.

— Я заберу тебя, и мы поужинаем сегодня вечером.

Ужин был слишком похож на свидание. Думаю, я еще не была готова для чего-то, что мое сердце могло неправильно истолковать, возложив слишком большие надежды.

— Или мы можем встретиться в Мет²¹ и перекусить там. — В кафетерии музея метрополитена была приличная еда, и он был чрезвычайно многолюден. Еще это было нейтральное место, куда платонические друзья могли пойти вместе.

Несколько секунд он молчал, я почти слышала, как он размышлял. Наконец, он согласился:

— Конечно. Отлично. Где ты останешься ночевать?

— В Бруклине, с моей коллегой по группе Джанет и несколькими ее друзьями. Мы останемся там на всю неделю. У меня, вроде как, на этой неделе три выступления в день.

— Ты не едешь домой на Рождество?

— Нет. Я уже съездила на День благодарения. Неделя перед Рождеством — как раз очень доходный период для группы. Я пообещала Уиллису, что буду.

— Уиллису?

— Моему боссу.

Я услышала скрип кожи, словно он переместился в своем кресле, и когда он заговорил, его слова прозвучали размежено намеренно непринужденными:

— Ты можешь остаться у меня, если хочешь. У меня много комнат, и я на Манхэттене.

Мое сердце забилось сильнее от его предложения. Хмм, дайте подумать. Провести неделю на острове с Мартином. Почему это звучало так знакомо и рискованно? Безусловно, это было круто, по крайней мере, мои трусики так думали... но на самом деле это была очень, очень плохая идея.

— Нет, спасибо. Не хочу испачкать твоё постельное белье. — Было приятно услышать его смех, пока я продолжала: — Но очень мило с твоей стороны предложить.

— Я заберу тебя от вокзала.

— Не нужно. Мы с Джанет поедем вместе, потом забросим вещи в Бруклин. Давай я приеду на метро к Мет и встретимся там с тобой, сходим поесть.

— Предложение все еще остается в силе. — Могла сказать, что он все еще улыбался.

— Так что не стесняйся, оставайся у меня в любое время.

Я поняла, что улыбалась, словно влюбленная дурочка.

А еще я поняла, что дружба с Мартином помогла бы мне оставить его и стала бы моей самой лучшей идеей или я влюбилась бы еще сильней, а это было бы самой ужасной ошибкой, которую я когда-либо совершила.

²¹ Мет — сокращенно от музей метрополитена.

Глава 5: Фазовые переходы и кривая нагревания

Оказывается, самой худшой моей идеей было остаться с Джанет и её друзьями-близнецами, начинаяющими актёрами.

Как только мы вошли в дверь, я поняла, было что-то не так, наверное, потому что по этой зловонной студии были разбросаны наркотики, включая кальяны, пакетики с травкой, изогнутые и обожженные ложки, зажигалки, шприцы, и я была больше чем уверена, был кокаин в форме гидрохлорированной соли.

Один из близнецов лежал в отключке на диване. Другой, лёжа на полу, вводил наркотик в вену.

Я оставалась в дверях достаточно, чтобы воспринять всё великолепие, с которым эти два идиота губили свою жизнь, прежде чем развернулась, шагая вниз по лестнице, по которой мы только что поднялись.

— Кэти, постой. Куда ты собралась? — крикнула Джанет мне вслед, но не пошла за мной.

— Я ухожу.

— Но... Постой, подожди минутку. — Теперь она шла за мной. Я почти дошла до второго лестничного пролета, прежде чем почувствовала её руку на моем плече, останавливающую меня. — Что значит — ты уходишь?

Я посмотрела на неё, мой взгляд метнулся к открытой двери, где у входа всё ещё стояли её вещи.

— Именно это. Я ухожу. Я не останусь с этими наркоманами.

Презрительно скривив губы, она осматривала меня сверху вниз, будто видела впервые.

— Это потому, что твоя мать — политик? Боишься испортить её репутацию? Или ты просто слишком заносчивая?

— Думаю, я просто заносчивая. Это не имеет никакого отношения к моей матери. Даже если моя мать была бы поющей бариста, я бы ни секунды больше не провела в этой квартире. Я ненавижу наркотики. Не хочу иметь с этим ничего общего.

— Да ладно тебе, они нормальные парни. — Выражение её лица смягчилось, и она тепло улыбнулась. — Возвращайся, мы закажем пиццу и не будем их замечать.

Я покачала головой, прежде чем она успела закончить.

— Нет. Это одно из моих жизненных правил. Я терпеть не могу наркотики и людей, которые их употребляют.

— Это значит, и меня ты терпеть не можешь? — Выпрямившись, Джанет с вызовом подняла подбородок.

— А ты принимаешь наркотики?

— Чёрт, да.

Я пожала плечами.

— Тогда, думаю, ты знаешь ответ.

Её рот в шоке открылся, и, воспользовавшись тем, что ошарашила её на мгновение, я бегом спустилась вниз на оставшиеся два лестничных пролёта.

Я услышала за спиной ее голос, прежде чем вышла из здания.

— Удачи в поисках места для проживания за неделю до Рождества, все уже забронировано. И не возвращайся сюда со своим осуждающим дерзом!

Дверь за мной захлопнулась, отрезая меня от её дальнейших тирад. Я сделала глубокий вздох, заполняя легкие ледяным воздухом, и напомнила себе, что даже если я не чувствовала себя спокойно, это не значило, что я не могла быть спокойна.

Я шла к станции метро, прижимая свой спальный мешок к груди, смеющая вес рюкзака. Хотя я была налегке, сумка все же была тяжелой. Джанет была права. Найти место, где остановиться на ночь, было бы практически невозможно, особенно место, которое я могла себе позволить оплатить.

В принципе, у меня было два варианта.

Я могла бы позвонить родителям, попросив денег взаймы на комнату в гостинице. Я очень, очень не хотела этого делать.

Не хотела, чтобы всю жизнь мама и папа поддерживали мое маленько хобби. Когда для меня это было не хобби. Я хотела, чтобы ко мне относились как ко взрослому человеку. Я принимала собственные решения о будущем и должна была идти по собственному пути. Я хотела принять их помочь в оплате за обучение, но после этого полагалась бы только на себя во всех аспектах своей жизни.

Второй вариант заключался в том, чтобы успеть на вечерний поезд до дома, а потом сесть обратно на поезд до города рано утром. Не самый лучший вариант, поскольку было бы невероятно дорого ездить каждый день на поезде туда-обратно, не говоря о том, как это было бы утомительно.

Обдумав все варианты и понимая, что в действительности у меня был всего один вариант, если я по-настоящему хотела быть самодостаточной, я села на метро обратно до Центрального вокзала.

Как только вышла из метро, написала Марину.

Кэйтлин: Извини. Вынуждена отменить нашу встречу в Мет. Я не останусь в городе, мне нужно успеть на поезд до дома, пока не распроданы все билеты. Может, в следующий раз.

Я стояла перед доской отправлений, когда почувствовала вибрацию телефона, оповещающего меня, что он ответил.

Мартин: Ты все еще в городе?

Кэйтлин: Да, но мои планы провалились, так что я еду домой.

Мартин: Не уезжай. Останься у меня.

С минуту я смотрела на его сообщение, мое сердце ускорялось, опускаясь и скручиваясь, когда я раздумывала о возможном решении, которое даже не рассматривала. Ранее, в комфорте моей гостиной в Нью-Хейвене, это предложение показалось бы смехотворным. Теперь же, когда я столкнулась с реальностью того, что пришлось бы ездить на поезде домой и обратно, эта мысль казалась все более убедительной. В конце концов, мы были друзьями.

Я смотрела на сообщение, наверное, больше минуты, потому что Мартин написал снова.

Мартин: Меня почти не бывает дома. Так что, в основном, квартира будет в твоем распоряжении.

Было такое чувство, что это последнее сообщение было зашифрованным кодом...

Если он мало времени проводил там, значило ли это, что у него была девушка? Эмма была его бизнес-партнером, но не его девушкой, хотя он не отрицал, что у него была девушка. Что насчет брюнетки с концерта на прошлой неделе? Может, она была его девушкой.

Проводил ли он все ночи у своей гипотетической женщины?

Быть может, я становилась слишком нервозной и чудаковатой, когда дело касалось Мартина Сандеки?

Я долго раздумывала над тем, что ответить на его последнее сообщение, поскольку ощущала, что мне нужно было знать наверняка, была ли у него девушка, прежде чем согласиться провести ночь в его квартире.

Если у него была девушка, тогда я просто уехала бы домой и ответом было бы твердое нет. Мне не хотелось видеть его с кем-то ещё... никогда. Кроме того, справедливо ли было бы по отношению к этой гипотетической девушке, если бы я неделю страстно желала

её парня, пока была бы в его квартире? Это было бы нечестно, и это противоречило кодексу хороших девочек.

Но мне было неловко писать ему и спрашивать об этом, так что вместо этого я попыталась выпытать информацию хитростью.

Кэйтлин: Это означает, что ты трудоголик, или просто твое расписание забито горячими свиданиями?

Мартин: Трудоголик. Мое расписание включает в себя, в основном, работу.

Кэйтлин: Итак, ты поздно возвращаешься только из-за работы?

Мартин: В основном.

Кэйтлин: А есть какие-то другие причины?

Настал ощутимый перерыв в его сообщениях. Я ждала, глядя на часы в телефоне. Я собралась было ввести в поисковую строку Гугла "девушка Мартина Сандеки", просто чтобы избавить себя от страданий, когда он наконец-то ответил.

Мартин: А ты с большей или меньшей вероятностью осталась бы на неделю, если бы у меня была девушка? Потому что я могу обзавестись одной, если нужно.

В очередной раз я уставилась в телефон, удивленная его сообщением. Но это не должно было меня удивить. У Мартина были стальные нервы и яйца из титана. Прежде чем я успела ответить, он прислал другое сообщение.

Мартин: Никого нет. Останься со мной. Это будет самое восхитительное событие с тех пор, как я купил приставку "PS4"²².

У него не было девушки!..

Не в силах сдержаться, я станцевала джигу²³ прямо возле доски отправлений на Центральном вокзале. Это был инстинктивный, непроизвольный танец.

Потом я осознала, что танцевать причин не было, потому что между нами ничего уже не произошло бы. Он должен был отомстить отцу. Он существовал во Вселенной для одного. Он двигался дальше. А я не могла бы доверять ему достаточно для того, чтобы что-

²² Sony PlayStation 4, PS4 — игровая приставка восьмого поколения от компании Sony, четвёртая в семействе стационарных игровых систем «PlayStation».

²³ Джига или, как ее еще называют, жига (англ. jig, итал. giga, фр. gigue) — быстрый старинный британский танец кельтского происхождения. Музыкальный размер 3/8, 6/8, 9/8 или 12/8 (в зависимости от разновидности). В настоящее время джига является одной из основных мелодий исполнения ирландских и шотландских танцев.

нибудь случилось. Не смотря ни на что, факт того, что он был один, ощущался, как победа, поэтому я станцевала джигу.

Я снова прочитала его сообщение, обращая внимание на последнюю часть.

Кэйтлин: Постой, у тебя есть приставка "PS4"?

Мартин: Да.

Кэйтлин: У тебя есть какие-нибудь игры с "Властелином Колец"?

Мартин: Да. "Средиземье: Тени Мордора".

Кэйтлин: Какой у тебя адрес? Я уже в пути.

* * *

Мартин жил в Верхнем Ист-Сайде. Найти его здание не составило труда, и поездка на метро была относительно короткой — всего с одной пересадкой. Когда я приехала, портье, казалось, ждал меня, потому что он поприветствовал меня как миссис Паркер, проводив в вестибюль к столу дружелюбной консьержки. Ее звали Мэй, и она была чрезвычайно жизнерадостной.

— Разве ты не прелесть, дорогая? Мистер Сандеки заранее позвонил, сказав, чтобы мы ожидали тебя. Я отведу тебя наверх, в его квартиру.

— Ох, я не против подождать, пока он вернется домой.

— Чепуха, дорогая. Он потребовал, чтобы тебя сразу же проводили наверх. К тому же, кто знает, когда он будет дома? — Она наклонилась ко мне, когда мы зашли в лифт, и прошептала: — У него свободный график, так что ты можешь прождать до полуночи.

Мартин жил на шестом этаже, его квартира была в самом-самом конце длинного коридора. Мэй все время болтала, и, если честно, я понятия не имела, о чем она говорила. Остаться с Мартином, когда я была уставшей, голодной и на мели, казалось разумной альтернативой каждодневной беготне за поездом туда-обратно, между Нью-Йорком и Нью-Хейвеном.

Теперь же, реально столкнувшись с апартаментами Мартина, я уже начала сомневаться в своем здравомыслии. Я задумалась, может, стоило добавить новое жизненное правило: никогда не оставаться в квартире бывшего парня.

Мэй отперла замок и открыла дверь, практически заталкивая меня внутрь, когда я замешкалась у входа. Впрочем, она не зашла в квартиру. Спотыкаясь, я сделала несколько неуверенных шагов в пространстве, увлеченно оглядываясь по сторонам.

Первое, что я заметила, — квартира Мартина не была слишком декорированной. Если не принимать во внимание размер, впечатляющий вид на Центральный Парк²⁴ и тот факт, что у него было настоящее патио с креслами и столиком, которые сейчас были покрыты снегом, все остальное было скромным. Уютным. По-домашнему.

Визуально стены были просто белые, но, в основном, комната была увешана медового цвета книжными полками, полностью заставленными книгами. В центре гостиной у него был потертый темно-коричневый кожаный диван, два подходящих кресла из той же кожи, кофейный столик в стиле шейкера²⁵ и похожий на антикварный чертежный стол в углу, весь покрытый бумагами и эскизами, приколотыми к пробковой доске сбоку.

Еще у него был каменный камин без декора, но над каминной полкой висела большая картина с изображением восьми гребцов в лодке, выполненная в стиле Норманна Роквелла²⁶. Это была единственная картина или фотография, которую я заметила. Гостиная выглядела, словно удобная библиотека.

— Ладненько. Ты на месте. — Я услышала, как крикнула мне Мэй, прежде чем дверь в квартиру защелкнулась, закрываясь. Обернувшись, я обнаружила, что она ушла, оставив меня в одиночестве дома у Мартина.

В спину что-то колнуло, и я вспомнила о тяжелом рюкзаке, который таскала последние несколько часов. Вздохнув, я положила спальный мешок на кресло и высвободилась от своего багажа, позволяя упасть ему на диван. Тогда я поняла, что мне нужно было облегчиться... в другом плане.

Я решила, что не стеснялась бы, вторгаясь в личное пространство Мартина, поскольку он меня пригласил, и отправилась на поиски ванной. За первой открытой мной дверью была очень аккуратная, очень большая спальня. Белые стены, в глубине комнаты кровать без изголовья и изножья. Небесно-голубое одеяло. Прикроватная тумбочка и комод искусственно состаренные — все тот же стиль шейкера. Если бы я не распознала мастерство работы по дереву, то предположила, что они были куплены на гаражной распродаже. Оба были абсолютно без украшений. Очевидно, это была гостевая спальня.

²⁴ Центральный парк в Нью-Йорке является одним из крупнейших в США и известнейших в мире. Парк расположен на острове Манхэттен между 59-й и 110-й улицей и Пятой и Восьмой авеню и имеет прямоугольную форму.

²⁵ Стиль шейкер был порожден религиозными группами из Англии, которые иммигрировали в Америку, чтобы избежать религиозных преследований. Шейкеры считали, что украшение и орнаментация в интерьере излишни и каждый объект в доме должен иметь назначение и цель.

²⁶ Норман Роквелл (Norman Rockwell) — один из самых культовых американских художников и иллюстраторов, изображавших повседневную американскую жизнь и актуальные общественные вопросы. Его уникальный стиль иллюстрации представлен тщательно нарисованными выразительными символами. Точность почти фотографическая.

За следующей дверью оказался шкаф с простынями, одеялами, подушками и полотенцами или, как ранее я назвала их, чтобы подразнить Мартина, постельное белье. Я проверила, была ли на его полотенцах монограмма. Была. Я ухмыльнулась.

За следующей дверью была ванная. Щелкнув выключателем, я вздохнула от удивления и восхищения. Ванная была классической и очень классной. Плитка была в черно-белую клетку, сбоку стоял умывальник-стойка, а ручки, казалось, были из антикварного фарфора.

Душ представлял собой кабинку со стеклянной дверью, а туалет выглядел одновременно старым и новым. Возможно, эта уборная была воссоздана в стилистике. Мне нужно было дернуть за цепочку, свисающую из керамической коробки, чтобы смыть, что, честно говоря, было интересно.

Пришлось бы постараться, чтобы удержаться от смыва унитаза без причины.

Но, как и спальня, он был совершенно лишен ненужных вещей. Единственными предметами в ванной, кроме светильников, были два белых полотенца, туалетная бумага, дозатор для мыла и пустая корзина для мусора.

Вернувшись обратно в гостиную, я решила написать ему сообщение, чтобы дать знать, что добралась.

Кэйтлин: Пишу из твоей квартиры.

Мартин: Ты роешься в моих вещах?

Кэйтлин: Да. И я испачкала все твоё постельное белье.

Мартин: Просто держись подальше от моих любимых часов.

Я поймала себя на том, что смеялась над его последним сообщением. Переписываться с Мартином было весело. Это заставило меня вспомнить наши разговоры во время весенних каникул, саркастические перебранки, подразнивания. Сообщения напомнили мне о том, как легко и правильно это ощущалось между нами.

Мой телефон завибрировал, и мне пришлось моргнуть несколько раз, чтобы сфокусировать внимание на экране.

Мартин: Я уже почти дома, взял пиццу. Твоя комната — первая слева по коридору. Располагайся.

Мое сердце забилось сильнее от мысли, что я так скоро увидела бы его, и я сказала ему, черт побери, успокоиться.

Теперь мы были друзьями. Если я виделась бы с ним, мне пришлось бы научиться контролировать реакции своего тела. Мне было нужно научиться становиться равнодушной. Это означало больше никакой победной джиги и никакого колотящегося сердца.

Перетащив рюкзак с дивана в скучно обставленную комнату, обнаруженную до этого, я распаковалась. Пока я не повесила смокинг, в шкафу было пусто, что непривычно было увидеть, у кого были пустые шкафы? Проходя мимо, я поймала свое отражение в зеркале. Волосы были заплетены в две длинные толстые косички по обе стороны головы. На мне была огромная мужская футболка с концерта, мешковатые брюки-карго и конверсы. Этот наряд отлично подходил для путешествий, потому что был удобным, и мне было наплевать, если он испачкался бы.

Что, несомненно, было непривлекательно. Мне не понравилось, как я выглядела в нем.

Я решила переодеться в один из комплектов, купленных ранее: темные (женские) джинсы, приталенную, с длинными рукавами красно-белую рубашку в стиле регби с числом Авогадро на спине. Мне казалось это забавным.

Продавщица в магазине не знала, что такое число Авогадро, но сказала мне не застегивать кнопки на воротнике, оставляя глубокий вырез. Она сказала, что это подчеркнуло бы мое декольте и что это было сексуально, если оставить его открытым. Бросив взгляд вниз на свою грудь, я заметила, что был виден всего лишь край черного лифчика. Я решила, что, оставляя ее открытой, я становилась действительно сексуальной. Однако, подумав, все-таки застегнула одну кнопку, чувствуя себя комфортнее. Взглянув в зеркало, я оценила себя. Мне было комфортно, и я не была неряшливой, мне было хорошо оттого, как я выглядела, все это пришло на место неуверенности. Мне нравилось, что я могла соединить свою внутреннюю чудачку с новым стилем. Мне нравилось все.

Я только начала расплетать свои волосы, как услышала, что открылась входная дверь.

Моему сердцу хотелось мчаться, словно кандидату в "Кентукки Дерби"²⁷, но я одернула его, сделав несколько глубоких вздохов. Полы в квартире были деревянные и скрипели, так что я могла слышать шаги Мартина, когда он перемещался по квартире. Довольная тем, что не вела себя, как даун, я спокойно пошла в гостиную, расправляемая пальцами волосы.

— Эй, — позвала я, разыскивая его, — какую пиццу ты принес?

— Кто ты такая?

²⁷ "Кентукки Дерби" — это один из самых престижных в мире турниров для скаковых лошадей.

Я повернулась на звук голоса — британского женского голоса — и увидела красивую женщину, одетую в дорогой черный костюм, черные сапоги на высоком каблуке, с длинными пшеничного цвета волосами, смотрящую на меня исподлобья.

— Ох, привет. Я Кэйтлин. Ты, должно быть, Эмма. Мы говорили ранее по телефону.
— Я протянула ей руку, чтобы пожать.

Она взглянула на мои пальцы так, словно была вегетарианкой, а они были жирными свиными сосисками. И не пожала мою руку.

— Как ты сюда попала? — Её раздражение было очевидным и не только потому, что она не захотела пожать мне руку. Оно стекало с нее... словно она сочилась гневом.

Уронив руку, я пожала плечами.

— Через входную дверь.

Она щелкнула зубами.

— Кто впустил тебя? Зачем ты здесь? — практически прорычала она.

— Bay, просто успокойся на минутку. Нет причин расстраиваться.

— Я не расстроена! — прокричала она.

С широко раскрытыми глазами я сделала шаг назад, удерживая руки между нами.

— Ладно, я ошиблась. Ты не расстроена. Ты всегда приходишь в квартиры к другим людям и кричишь на их гостей. Должно быть, для тебя это обычный вторник.

Её глаза сузились, а губы исказились в нечто напоминающее оскол.

— Ты недалекая...

И, к счастью, Мартин выбрал именно этот момент, чтобы войти в дверь.

— Эмма? Что за черт?

Мы обе повернулись лицом к нему, когда он пронесся по гостиной, оставив большую коробку с пиццей и пластиковый пакет на столе за диваном, и быстро встал рядом со мной.

Как обычно, он был более чем просто высокий симпатичный парень. Он был внушительный. Он был ураганной, переменчивой, как погода, силой, магнитическим центром притяжения моего внимания — таким он был для меня, по крайней мере. Я чувствовала, как мое сердце прыгало, словно марионетка, и сказала ему сидеть смирно.

Как только он приблизился, Эмма отступила на шаг. Она сглотнула, выглядя немного взволнованной, и скрестила руки на груди. Я заметила, что она хорошо скрывала свои эмоции, когда она упрямо подняла подбородок.

— В самом деле, Мартин? В самом деле? Ты думаешь, что это хорошая идея?

— Эмма. — Покачав головой, он сжал челюсть, в его глазах промелькнуло предупреждение. — Это не твоё дело.

— Твое дело — это мой бизнес, и она вредит моему бизнесу. — Эмма указала на меня, яростно взмахнув рукой.

Ну, это было неловко. Я думала о том, чтобы медленно попятиться назад. С этой целью я украдкой огляделась, чтобы увидеть, насколько успешно смогла бы выскользнуть из комнаты, чтобы никто не заметил.

— Ты уходишь сейчас же. И оставь ключи. — Тон Мартина был низким, монотонным. Да, он, казалось, был рассержен, более того, даже разочарован.

— Если у меня не будет ключей, как я смогу забрать твои проектировочные документы для фонда? Как насчет твоих эскизов?

Она сказала "эскизы", как большинство людей сказали бы "дерымо". Я предположила, что она не была поклонницей его эскизов.

— Мы не будем сейчас говорить об этом, потому что ты уже уходишь.

Нахмутившись, она немного помедлила, вглядываясь в его лицо, прежде чем спросить:

— Она знает, что ты сделал ради нее? Что ты потерял? Ты рассказал ей? Вот почему она здесь?

Мое внимание привлек этот спор, и у меня снова расширились глаза. Я взглянула на Эмму — действительно посмотрела на нее — и поняла, что она не ревновала, как влюбленная девушка, которая страстно желала парня. Наоборот, она была крайне разочарована и определенно ревновала, но по другой причине.

Мартин выпрямился, его лицо окаменело, а глаза стали непреклонными льдинами.

— Тебе лучше уйти, пока я не разорвал наше партнерство, потому что мы уже обсуждали это, ты чертовски упрямая, чтобы прислушаться, и сейчас ты действительно разозлила меня.

Он был в ярости, начиная повышать голос. Я помнила столкновение с его гневом и сейчас могла видеть, насколько он был близок к тому, чтобы сорваться.

Эмма хладнокровно всматривалась в него долгим взглядом.

— Отлично. Я ухожу. — Она порылась в сумке-портфеле, перекинутой через плечо, и вытащила кольцо с двумя ключами. — Здесь твои ключи. — Она протянула ему, и он забрал их из ее руки.

Ее взгляд скользнул ко мне, и, прищурившись, она выпалила:

— Ты эгоистка. Но еще хуже, что ты наивная и невежественная, и глупая упрямица — такая же, как твоя мать.

Я открыла рот, чтобы сказать хоть что-то, но это уже было неважно, потому что, развернувшись на своих каблуках, она вышла из квартиры, хлопнув за собой дверью.

Мартин и я несколько секунд стояли неподвижно. Я попыталась разобраться в том, что только что произошло, и странной словесной перепалке, свидетелем которой я стала. Я мысленно расставила вопросы по порядку — от самых неотложных до просто любопытных — и повернулась к Мартину, чтобы оценить его настроение.

Его рот скривился в явном неодобрении, и он устavился на то место, где только что стояла Эмма.

Сделав глубокий вздох, я приготовилась задать первый вопрос, когда он повернулся ко мне лицом. То, как его глаза осмотрели меня, заставило дыхание и слова застрять в горле.

— Ты выглядишь по-другому, — сказал Мартин, его внимание с моих бедер переместилось вниз к голени и обратно к животу, груди, шее, губам, а затем к волосам. Если я не ошибалась, он одобрял изменения в моем гардеробе. — В тебе что-то изменилось? — Этот вопрос прозвучал нежно и подразнивающее.

Я пожала плечами, притворяясь, что не знала, о чем он говорил.

— Не знаю. Теперь я пользуюсь другим увлажняющим кремом для лица.

Встретившись со мной взглядом, он прищурился.

— Не это.

— Я сменила "Крест" на "Колгейт"²⁸. — Продемонстрировала ему свои зубы.

— Нет, — ухмыльнулся он.

— Мои волосы длиннее.

— Возможно...

Выгнув бровь, я задумалась, может, он тянул время, пытаясь отвлечь меня от текущих вопросов, например, почему Эмма сказала, что я была причиной отказа Мартина от... чего-то значительного.

— Почему ты не расскажешь мне, что имела в виду твой бизнес-партнер, когда сказала...

Мартин отвернулся, стягивая тяжелое пальто с плеч.

— А мы можем не говорить об этом сегодня вечером? Мы можем просто... — Я услышала его вздох. — Мы можем просто хорошо провести время вместе?

— Я так не думаю. Я не смогу сосредоточиться на чем-то еще, пока ты не расскажешь мне, что происходит.

Мой взгляд не отрывался от него, когда он шел к шкафу в прихожей, чтобы повесить пальто. Он остался в исключительно элегантном темно-сером костюме-тройке. А галстук был кобальтово-синим и гармонировал с цветом его глаз.

²⁸ "Крест" и "Колгейт" — название марок зубной пасты.

— Кэйтлин. — Мартин медлил, повернувшись ко мне, ослабляя галстук и расстегивая две верхние пуговицы своей накрахмаленной рубашки. — Я с нетерпением ждал встречи с тобой весь день.

От этого признания мои внутренности затопило теплом, и я была поражена, насколько свободно он высказывал свои мысли, насколько бесстрашно. Я предполагала, что наша дружба была бы похожа на предыдущие ухаживания, и никогда не задавалась вопросом, что он думал или чувствовал ко мне. Иногда он мог быть очень откровенным и честным.

По правде говоря, я восхищалась этим в нем. Я и близко не была такой бесстрашной. В сравнении особенно с ним, я была скрытной в плане эмоций и мыслей.

— Не хочу говорить об Эмме и ее постоянной раздражительности. Хочу посидеть на диване, выпить пива, поесть пиццу, поговорить о всякой ерунде и посмеяться.

Он выглядел старше двадцати одного года, частично был виноват его костюм. Хотя еще он выглядел уставшим — очень, очень уставшим. При дальнейшем рассмотрении я заметила, что он был бледнее, чем прежде, из-за красных глаз и темных кругов под ними его лицо казалось немного вытянутым. Ну, еще он щеголял колючей после обеденной щетиной.

Рассматривая его, очевидно переутомленного, я поняла, что была готова к компромиссу.

— Окей, хорошо. Мы не будем говорить об этом прямо сейчас.

Он улыбнулся мне благодарной и уставшей полуулыбкой.

— Хорошо.

Я подняла палец, указывая на него.

— Но когда ты оправишься от тяжелого дня, выпьешь пива и съешь пиццу и мы поболтаем о всякой ерунде, мы обсудим смысл зловещего и таинственного разговора с твоим партнером.

Он снял пиджак и жилет, а теперь расстегивал пуговицы на манжетах своей накрахмаленной рубашки.

— Отлично.

— Отлично. Я достану тарелки.

— И пиво.

— И салфетки.

Он кивнул и, спотыкаясь, пошел по коридору. По дороге он остановился прямо напротив меня, помедлил с минуту, а затем подхватил меня на руки и крепко обнял.

— Я так рад тебе.

Я засомневалась, когда у меня в груди появилась тяжесть, а неразбериха чувств моментально стала душить меня. Я не ожидала таких дружеских объятий. Но я обняла его в ответ, потому что... это был Мартин.

И еще потому, что его руки вокруг меня были, словно шоколадное печенье для моей души. Он был сильный, крепкий, теплый, уютный, хороший — просто превосходный.

Все же мое сердце болело из-за него, он казался таким уставшим.

— Ты в порядке? Что-то произошло? — Я поглаживала его рукой вверх-вниз по спине.

— Нет, не то, что ты думаешь. Ничего серьезного. Я просто... — Я почувствовала, как он выдохнул, немного расслабляясь в моих руках. — Я просто так скучал по тебе.

Ox! Прямо в точку.

* * *

— Вот и все. Я составлю список всех ТВ-шоу, которые тебе стоит посмотреть. — Я сидела, скрестив ноги, на диване лицом к нему, положив голову на спинку мягкого дивана. Мартин развалился на другой стороне, удерживая пиво на животе и пытаясь не закрыть глаза.

— У меня есть книги про Шерлока Холмса.

— Программы по Би-Би-Си великолепны. Ты уже читал их?

— Нет.

— По-моему, ты должен прочесть.

— Прочту. Разве я не прочитал "Властелина Колец"?

— Да. Но у Шерлока, возможно, был самый лучший напарник в истории. — Я оглянулась и нашла часы на стене. Было почти 10:30 вечера.

Этот разговор о книгах, фильмах, поп-культуре, текущих международных событиях, интернет-мемах²⁹ и музыке длился уже три часа, хотя было такое ощущение, словно мы только начали разговаривать, будто время остановилось.

— Мне нравится Сэм, напарник Фродо, — сказал он, вытягивая ноги. На нем были пижамные штаны и серая футболка. Я старалась не замечать, как превосходно он выглядел. Пыталась и потерпела неудачу. Его очарование вкупе с нашим непринужденным разговором были немного опьяняющими. Я чувствовала головокружение.

²⁹ Интернет-мем — явление спонтанного распространения какой либо фразы, медиафайла или иной информации в интернет среде, также сама эта информация или фраза.

— Если тебе нравятся второстепенные персонажи, посмотри "Доктор Кто"³⁰. — Я попивала чай и рассматривала чайный пакетик. — У доктора было несколько спутников, нетипичных, но действительно подходящих для сериала.

— Думаю, ты второстепенный персонаж.

— Ты думаешь, я, по натуре своей, напарник? — Я взглянула на него поверх ободка кружки.

Он посмотрел на меня.

— Нет. Думаю, ты похожа на тех напарников и второстепенных персонажей, которые, возможно, даже лучше главных героев.

Я задумалась над этим на мгновение, прежде чем кивнуть.

— Ага. Я понимаю. Я думаю, что второстепенные персонажи не так хорошо раскрыты, как главные герои в истории, но они важны при оценки главного героя. И главный герой нуждается во второстепенном персонаже больше, чем второстепенный персонаж нуждается в главном герое. Иногда злодеи тоже важны.

Он отсалютовал мне пивом и сказал, прежде чем сделать глоток:

— Но каждый второстепенный персонаж и злодей — главный герой в его или ее собственной истории. Каждый человек — главный герой в своей собственной истории. Даже, если этот человек — засранец.

Это заставило меня рассмеяться.

— Ты имеешь в виду конкретного человека?

— Нет. — Он прищурился, глядя на меня. Я видела, как он, сделав глубокий вздох, исправился: — Вообще-то, да.

— Правда? И кого же?

— Ты помнишь Бэна?

Порывшись в памяти, я быстро выдала нужное имя.

— Бэн Салсмар — наркоман-насильник, — предложила я. — Да. К сожалению, я помню его. Он ответственный за мой образный мешок картошки, который я виновато таскаю с собой повсюду.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мне следовало пойти в полицию, как только мы вернулись с острова. А вместо этого я... не пошла.

³⁰ "Доктор Кто" (англ. Doctor Who) — культовый британский научно-фантастический телесериал компании "Би-би-си" об инопланетном путешественнике во времени, известном как Доктор. Вместе со своими спутниками он путешествует во времени и пространстве как для спасения целых цивилизаций, так и для собственного удовольствия.

— Кэйтлин, ты ничего не смогла бы поделать с Бэном. Тебе стоит выкинуть эту картошку.

— Я подслушала в прошлом году, что он был арестован за изнасилование несовершеннолетней, и, может, я могла бы сделать что-то, прежде чем у него появился бы шанс...

— Ну, это не совсем правда. Он не изнасиловал ее, потому что был остановлен, прежде чем успел сделать что-либо, помимо того, что усыпал ее и снял штаны.

Я ощутила мгновенное облегчение, теплотой разлившееся по моим венам.

Мартин рассматривал меня, прежде чем продолжить:

— Просто знай, что ты бы не смогла остановить его. Было бы просто твое слово против его, и у тебя не было доказательств. А ты слышала что-то, кроме этого?

— Только то, что было еще и видео-доказательство.

— Да, есть видео. Вообще-то, было несколько видео-записей с разных ракурсов. Он был арестован за применение наркотиков, нападение и попытку изнасилования. Его исключили после того, как видео показали администрации университета.

Помедлив на мгновение, я спросила:

— Он был осужден?

— Будет. Несколько парней из команды дадут показания. Плюс — есть видео. Его отец пытался затянуть рассмотрение дела, и из-за промедления еще несколько девушек выдвинули обвинения. Судя по теперешней ситуации, он столкнется с более чем одним обвинением в изнасиловании.

Мне стало дурно от этой новости — что несколько девушек тоже подверглись насилию — но ещё я порадовалась, что они двигались дальше.

— Ну, это хорошо, верно?

— Да. Это хорошо.

— Ну... отлично. Я рада, что его остановили.

— Я тоже. — Мартин долго смотрел на меня, и я знала, что он хотел что-то сказать. Я как раз собралась подтолкнуть его, когда он произнес: — Не думаю, что когда-нибудь благодарил тебя за ту ночь, когда ты пришла в дом братства и рассказала мне, что он запланировал.

Я слегка улыбнулась ему.

— Ничего. Ты узнал, кто была та девушка?

— Нет... но спасибо тебе, — сказал он официально. После чего добавил менее торжественно: — Я обещал тебе, что позабочусь о нем, и хочу, чтобы ты знала, я сдержал свое обещание.

Моя левая бровь непроизвольно выгнулась.

— Ты позаботился о нем?

Выражение его лица стало осторожным.

— Формально, он сделал все сам. Я просто установил камеры...

Я рассматривала его, догадываясь, что он принял более активное участие, чем просто установка камер.

Мартин тяжело вздохнул, укладываясь поглубже в подушки на диване.

— Как я уже сказал, каждый человек — главный герой в своей собственной истории.

Даже злодеи.

Я покачала головой.

— Не знаю... не обязательно. Я имею в виду, что иногда история больше, чем действующие лица, как в "Парке Юрского Периода"³¹. На самом деле, сам Парк был в центре истории, и все персонажи были второстепенными. Единственной их целью было реагировать на происходящее в Парке.

Мартин зевнул, поставив выпитое пиво на кофейный столик, и закрыл глаза.

— Это потому, что динозавры классные. Мы все второстепенные персонажи для них.

— Или ужин.

— Или ужин, — произнес он невнятно, небрежно кивая мне.

Я наблюдала за тем, как опадала и поднималась его грудная клетка, отметив, что он полностью расслабился. Если бы я замолчала, то он бы заснул меньше чем за шестьдесят секунд.

Но разговор — или стычка — с его бизнес-партнером ранее все еще изводил меня. Если он заснул бы, пришлось бы ждать еще день, чтобы задать интересующие меня вопросы.

— Сандеки, — прошептала я. — Почему я так не нравлюсь Эмме?

Он повернулся, его голова перекатилась на бок, и он тяжело вздохнул.

— Она не знает тебя.

— И поэтому я ей не нравлюсь?

— Да... если бы она знала... тебя... ты бы... ей понравилась.

Иииии он заснул.

Я рассматривала его долгим взглядом, но знала, что у меня не хватило бы духу разбудить его. Он был таким уставшим. Когда мы разговаривали, я видела, как спадало

³¹ "Парк юрского периода" (англ. Jurassic Park) — научно-фантастический фильм 1993 года режиссёра Стивена Спилберга, основанный на одноимённом романе Майкла Крайтона. Премьера фильма состоялась 9 июня 1993 года.

напряжение с его плеч. Ему был нужен выходной, неважно, какими гениальными, очень важными махинациями он занимался.

Поставив свой чай на кофейный столик, я вспомнила об одеялах в бельевом шкафу. Пройдя на цыпочках по коридору и схватив одно, я аккуратно уложила одеяло на его спящую фигуру и заправила между его бедром и диванными подушками, чтобы не соскользнуло. Отступив, я осмотрела Мартина. Не в силах сдержаться, я пропустила сквозь пальцы его волосы на лбу и легонько отодвинула их в сторону.

Он повернул голову в мою сторону, прижимаясь к моим медленным касаниям. Простое движение — то, как он невольно искал ласку и тепло, заставило меня грустно улыбнуться. Я забыла, каким потерянным был Мартин, как его использовала и забросила семья. В своем собственном горе после разрыва я и забыла, как мало у него было друзей и насколько редко он доверял людям.

От этого моему сердцу стало больно совершенно по-новому, направленной наружу, а не вовнутрь болью, и я ощущала вес своего детского эгоизма.

Ему нужен был друг, кто-то, действительно заботящийся о нем.

Я все еще переживала за него по большей части. Я была возможно (безусловно) влюблена в него. Так значило ли это, что я хотела лучшего для него? Хотела ли я видеть его счастливым? Даже если мы не нашли бы счастье друг с другом?

Я позволила ладони прижаться к его щеке на несколько секунд, прежде чем медленно отстраниться, принимая решение. Я собиралась дать нашей дружбе реальный шанс, а не просто использовать его как способ разделаться с Мартином Сандеки. Он заслуживал большего, чем это. Он заслуживал человеческой доброты и внимания.

Я собиралась отложить в долгий ящик непреодолимое чувство романтического притяжения и быть хорошим другом для него. Я собиралась стать его безопасным местом, другом, в котором он нуждался.

Глава 6: Периодические свойства элементов

Мой будильник в телефоне возвестил конец блаженству (сну). Было неприлично раннее утро. На мгновение я была сбита с толку окружающей обстановкой, но потом вспомнила, в чьей квартире была и о случившемся за последние двадцать четыре часа. От этого я проснулась намного быстрее.

Снаружи все еще было темно. Мое первое выступление сегодня было бы на шикарной вечеринке украшения елки³² в пентхаузе, недалеко от места, где жил Мартин. Я была благодарна за то, что были бы только мы с Фитцом. Я была не готова обсуждать парней для отвлечения с Абрамом или героин как целесообразный жизненный выбор с Джанет.

Отбросив в сторону одеяло и схватив вещи, я надеялась на цыпочках пройти в ванную настолько тихо, насколько смогла бы, не желая будить Мартина в столь ранний час.

Как оказалось, мне не нужно было беспокоиться о том, что могла разбудить его, потому что он уже был на ногах и выходил из своей комнаты одновременно со мной. Но он был одет в тренировочный костюм в то время, как я все ещё была в пижаме. Сначала он меня не заметил, потому что все его внимание было сосредоточено на телефоне.

— Мартин, — прошептала я — что склонна была делать рано утром, когда нормальная громкость речи — это святотатство — желая привлечь его внимание до того, как мы столкнулись бы в холле.

Он поднял глаза и нахмурился, как будто был смущен моим присутствием, а затем отступил на шаг.

— Почему ты встала в такую рань? Неужели я тебя разбудил?

— У меня выступление. — Я указала подбородком туда, где держала смокинг.

— Ага. — Его взгляд скользнул по мне, вероятно, подмечая мой сонный и помятый внешний вид.

Я решила здесь и сейчас: от того, как он смотрел на меня, я всегда ощущала бы себя неловко. Это была не его вина. Это все было из-за того, что он был Мартином: оттенок и насыщенность цвета его глаз вкупе с блеском и проницательностью взора, его тонкие черты лица, его высокий рост, изящные линии фигуры и движений — он не мог не быть причиной моего смущения так же, как и я не могла не реагировать на это.

Я приняла решение не бороться, а просто смириться с этим. Возможно, если я бы приняла то, как мое тело реагировало на него, не беря в расчет, что предпочитали мои разум и сердце, то смогла бы отвлечься от чувств до тех пор, пока они не стали бы обыденными.

³² Вечеринка украшение елки (Англ. tree-trimming party) — коктейльная вечеринка перед Рождеством, куда приглашаются только близкие друзья и члены семьи, чтобы вместе украсить елку. Гости приносят деревянные украшения, чтобы украсить ими дерево.

— Ты не пошел на работу? — необдуманно спросила я все еще шепотом.

— Ага. Я встречаюсь с несколькими парнями в эллинге для лодок на Гудзоне, и мы попробуем проплыть несколько тысяч метров перед завтраком. Река пока еще не замерзла, так что у нас есть еще несколько недель. Почему ты говоришь шепотом?

Я прочистила горло, ухитрившись немного повысить голос, хотя он все еще был низким и огрубевшим со сна.

— Я не знаю. Я всегда так делаю ранним утром. Мои уши, вроде как, еще не готовы к шуму.

Его рот скривился в легкой улыбке. Он медленно прошел вперед, пока не оказался между мной и ванной. Мартин прислонился к стене коридора и посмотрел на меня.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. — Его голос был мягким, низким, урчащим и приятным. Опять же, я позволила чувствам нахлынуть на меня, находясь так близко к нему в темном маленьком пространстве и говоря с ним низким интимным тоном. Ускоренное сердцебиение, горящие щеки, полный волнения желудок. Нет смысла сопротивляться.

Я попыталась перевести разговор обратно к нему и его утренней рутине.

— Итак, ты все еще занимаешься греблей? Это круто.

Он кивнул, глядя мне прямо в глаза, но выглядел при этом сбитым столкнувшись, словно разрывался.

— Я мог бы... я имею в виду, я мог бы все отменить, если тебе нужна компания этим утром.

— Но если ты откажешься, как они смогут гребсти? Разве не должны быть заполнены все места?

— Технически им нужно четное количество гребцов. Поэтому большинство из них — шесть человек плюс рулевой — должны прийти, но кому-то придется оставаться в запасе.

— Тогда иди и греби. Не беспокойся обо мне. Мне в любом случае нужно скоро уходить.

Мартин снова взглянул на свой телефон.

— Я могу задержаться еще на десять минут. Иди сюда. — Он жестом пригласил меня следовать за ним, отталкиваясь от стены и проходя мимо меня. — Я приготовлю тебе кофе, и у меня есть кексы.

Я посмотрела ему в спину, обдумывая это предложение, и последовала за ним на кухню. Я положила вещи на диван, когда мы проходили мимо. Он был крайне внимательным, может быть, хотел поговорить о ситуации с Эммой.

— Мне будет достаточно десяти минут, чтобы задать тебе вопросы о вчерашнем? Что произошло с твоим бизнес-партнером?

Он покачал головой, повернувшись в профиль ко мне, пока возился с кофе-машиной.

— Нет. Нет, я хочу поговорить с тобой обо всем этом, но этим утром у нас недостаточно времени. Я... — Он помедлил, видимо с трудом подбирая слова. — Я не хочу торопиться. Столько всего случилось — и десяти минут недостаточно, чтобы все объяснить. Какие у тебя планы на сегодня? Мы можем пообедать?

— Нет, если твой офис не в "Гарлеме"³³. У меня выступление там весь день. Может, лучше поужинаем?

— Нет. — Он нахмурился, поворачиваясь ко мне лицом и прислоняясь к стойке, а кофе-машина тем временем ожила. — У меня сегодня поздняя встреча за ужином.

— Ну, я буду здесь всю неделю. Уверена, у нас будет шанс поболтать в какой-то момент.

Он казался немного расстроенным. Это было простое раздражение от сложившейся ситуации, а не из-за меня.

— Спасибо за перерыв прошлой ночью. Но я хочу знать, что происходит с тобой. Чем ты занимаешься? Что собираешься делать? Есть ли какие-то большие перемены в твоей жизни?

Я слегка улыбнулась ему.

— Ты имеешь в виду те большие перемены, которые я могу достаточно кратко изложить за восемь минут или меньше?

— Да. Тонко подмечено. — Его ухмылка была удивительной, потому что была немножко самокритичной. А самокритика Мартина Сандеки в пять минут шестого утра выглядела по-настоящему восхитительно.

Но в то же время это становилось основной моей проблемой. Для меня каждая улыбка Мартина Сандеки была прекрасной. Каждое выражение лица в любое время, в любом месте. Я просто обожала его лицо, потому что, несмотря на нашу историю и его былую придурковатость, все еще восхищалась им.

— Ну, я изложу тебе краткую версию, тогда мы сможем обсудить все поподробнее позже, хорошо?

Он кивнул.

— Звучит неплохо.

— Ладно, дай-ка подумать. — Я стала перебирать последние девять месяцев, отбрасывая эпическую плаксивость, постоянные мелодраматические посещения шкафа и злобную акустическую гитарную музыку. — Сэм и я съехали из кампуса в начале лета. У

³³ Гарлем — район в северной части нью-йоркского округа Манхэттен, иногда считающийся родиной гангстеров и оплотом криминальных группировок.

меня было прослушивание в группу в июле. Решила поменять свою специализацию примерно в это же время и взяла перерыв на семестр — на осенний семестр — в занятиях, чтобы прослушать музыкальную программу.

По какой-то причине тот факт, что я сменила специальность, ощущался по-настоящему важным объявлением, особенно когда я произносила это вслух перед Мартином. Я скользнула глазами в сторону, чтобы проверить его реакцию, и увидела его улыбающееся лицо.

— Что ж, — начал он, затем замолчал, выглядя слегка потрясенным. Он отстранился от стойки и переместился ближе ко мне. — Это чертовски потрясающие новости!

Я рассмеялась отчасти, чтобы выпустить нервную энергию, отчасти, потому что его голос был намного громче и звучал таким радостным из-за меня. На самом деле он, казалось, был в полном восторге.

— Спасибо тебе. — Наклонив голову в сторону, я чувствовала себя слишком довольной из-за его реакции.

— Это на самом деле здорово. — Он сиял от счастья, а его улыбка сейчас была просто огромной. Очевидно неспособный с собой ничего поделать, Мартин подхватил меня с того места, где я стояла, замешкавшись на входе в кухню, и притянул в крепкие объятия.

Я рассмеялась от его несдержанного проявления восторга и обернула руки вокруг его поясницы.

— Да, ну, я знаю, что хочу музенировать, и знаю, что люблю сочинять, но не уверена, чем конкретно хочу заниматься.

Он отстранился, его руки сместили захват на моей руке чуть выше локтя, казалось, он желал видеть мое лицо, когда я бы озвучила остальные мысли.

— Хочу ли я учиться? Сотрудничать со студией звукозаписи? Записать саундтреки? Понятия не имею.

Желудок скрутило от тревоги. Моя мать стала бы спрашивать меня снова о выступлении на ее благотворительной кампании и сборе средств, как только бы каникулы подошли к концу. В конце концов мне пришлось бы принять решение.

Мартин принял мою гримасу мучительного беспокойства за нервозность из-за того, что я сменила специализацию, и сказал:

— Но ты заведешь много хороших знакомств в музыкальной школе с людьми, которые смогут помочь тебе разобраться, что делать дальше. Не раздумывай и используй их для своих знаний.

— Да. Точно. Я не прочь заполучить беспристрастное мнение эксперта.

Его улыбка вновь стала широкой, когда взгляд скользнул по моему лицу, а глаза решительно сияли.

— Это очень похоже на то, что бы обычно сказала бы Кэйтлин Паркер.

Конечно же, я улыбнулась в ответ, его радость за меня была опьяняющей и заразительной.

— Итак, ты имеешь в виду, что это было потрясающе сказано?

— Точно.

Его кофеварка запищала или зазвенела, или издала какое-то странное музыкальное оповещение, сообщая, что мой кофе был готов. Звук был очень официальный. Мартин не сразу отпустил меня, и на секунду я подумала, что он мог притянуть меня в ещё одни объятия. Вместо этого он вздохнул — его вздох был наполнен счастьем — и отпустил меня, отходя к шкафу и хватая чашку для кофе.

— Знаешь, нам нужно пойти и отпраздновать.

— Отпраздновать то, что я сменила специализацию?

— Да. И надеюсь другие вещи тоже.

— Какие это другие вещи?

Он поставил чашку на стойку передо мной, выглядя немного рассеянным, задумчивым.

Он медлил, прежде чем дать ответ на вопрос, но когда отвечал, его взгляд стал жестким и рассудительным, а тон подсказал, что он чуть-чуть был расстроен.

— Можно ускорить процесс, если ты прочитаешь несколько интервью, которые я дал за последние несколько месяцев. Потом, когда у нас будет время на то, чтобы поговорить, ты будешь знать... все.

— Конечно. Отлично. Это имеет смысл, — кивнула я, потягивая кофе.

Он, казалось, одновременно расслабился и занервничал. Я наблюдала за тем, как он сделал глубокий, бодрящий вздох.

— Хорошо, — сказал он, что прозвучало так, словно если бы я прочитала интервью, это было бы одновременно хорошо и плохо. Затем внезапно достал телефон и нахмурился.

— Я опаздываю. Мне нужно идти.

— Ладно. — Я ободряюще улыбнулась ему, потому что мне казалось, он нуждался в этом. — Увидимся позже.

Мартин замешкался, просто вглядываясь в меня, его выражение лица было непонятным. Я снова ощутила невольную реакцию от его взгляда. И снова я просто приняла дрожь моего тела и тепло как одну из жизненных истин.

Потом Мартин кивнул, повернулся и вышел.

Он просто... ушел, звук захлопывающейся двери его квартиры лишь подчеркнул его внезапное исчезновение.

Целую минуту я стояла на кухне, уставившись в дверной проем, где он исчез так бесцеремонно. Он даже не попрощался.

Чем дольше я смотрела, тем больше тишина раннего утра ощущалась резче и неприятней, так что я мысленно встряхнула себя, решив, что он, должно быть, спешил, и потянулась через стойку, где разглядела коробку с вышеупомянутыми кексами.

Определившись, что сейчас было самое время прочитать интервью, о которых он упоминал, я схватила первый попавшийся кекс и свой кофе. Теперь, когда у меня были еда и кофеин, мне не нужно было дополнительное время, которое я выделила на их покупку перед ближайшим концертом. Я оставила завтрак на кухонном столе и вернулась за ноутбуком, подсчитав, что у меня было около двадцати минут на чтение прежде, чем мне совершенно необходимо было бы принять душ.

Откусив кусочек вкусного бананово-орехового кекса, я вошла в веб-браузер и набрала в строке поиска: "Интервью Мартина Сандеки".

То, что всплыло, оставило вместо вкуса лакомого кекса во рту вкус песка.

Фотография за фотографией Мартин и рыжеволосая женщина заполнили страницу с результатами, очень красивая, миниатюрная, улыбчивая рыжеволосая девушка примерно моего возраста или немного старше. Она везде улыбалась — либо ему, либо на камеру. Фотографии были датированы еще августом, а самые последние всего три недели назад.

Они оба выглядели такими красивыми, молодыми и яркими и идеально подходили друг другу.

Сердце громыхало в ушах, и я решительно закрыла ноутбук, быстро моргая в пустоту. Это не было похоже на то, когда я увидела его с брюнеткой на моем выступлении на прошлой неделе. Это было по-другому. Всех этих чувств я старалась избегать на протяжении последних девяти месяцев, страх от неопровергимых доказательств того, что он двигался дальше, и картина Мартина с кем-то еще стали окончательным осознанием, от чего в груди появилось такое ощущение, словно его сильно сжимали тисками.

И еще, пока я сидела там, пребывая в шоке, успокаивая дыхание и глядя в пустоту, маленький голосок напомнил мне, что вчера он написал об отсутствии у него девушки. Он бы не стал мне врать, не тогда, когда я легко могла узнать правду. И, кроме того, Мартин никогда прежде осознанно не лгал мне, он не был лжецом.

Может, она была просто другом. По-настоящему хорошим другом. Другом, с которым он часто фотографировался с августа. Другом, с которым он виделся всё это время.

Потом другой маленький голосок спросил меня, почему это до сих пор имело для меня значение, ведь мы с ним расстались. И из-за этого маленького голосочка мне стало неизмеримо грустно.

Я ненадолго задумалась над тем, чтобы открыть ноутбук и продолжить поиски. Но вместо этого решила, что у меня не было времени рассматривать Мартина, красивую рыжую и мои смешанные чувства по данному вопросу, и мне все же надо было успеть на работу вовремя. Я всегда могла вернуться к поиску позже, если бы была достаточно смелой.

Я глотнула кофе и отбросила кекс, потом схватила ноутбук и вещи от туда, где я их бросила ранее. У меня было всё утро, чтобы продумать дальний план действий. Не было никакой необходимости опаздывать.

* * *

Вечеринка по поводу украшения елки была хорошей.

Целых три сата я провела, зациклившись на фотографиях Мартина и рыжеволосой девушки. Но время, проведенное в мучениях, в конечном итоге принесло пользу, когда я пришла к выводу, что однозначно еще была не готова читать его интервью или смотреть фотографии. Я знала свои недостатки, и видеть Мартина счастливым с кем-то еще, даже если сейчас у него не было девушки и они больше не были вместе, было не по моей части. Ещё нет.

У меня не было желания читать о статусе его отношений в Интернете.

Я решила, что мои вопросы о его бизнес-партнерше и ее намеках так же, как и новые вопросы о девушке на фотографиях, просто подождали бы, пока у нас с Мартином не появилось бы времени поговорить. Я чувствовала себя превосходно от этого решения. Менее взбешенной и взволнованной — взбешенной, потому что не могла придумать эквивалент настоящему слову, описывающему то, что я чувствовала. И я уже могла лучше контролировать свое психическое состояние.

Выступление в "Гарлеме" со всей группой прошло хорошо.

Хотя отношения между мной и Джанет всё еще были холодными. Уиллис вызвал нас, желая узнать, что случилось. Думаю, она ожидала, что я рассказала бы о наших разногласиях: о наркотиках и ее друзьях-наркоманах — но я не стала.

Вместо этого я сказала Уиллису, что у нас были разногласия по поводу того, кто самый авторитетный гитарист современной рок-эпохи — Джимми Хендрикс³⁴ или Джимми Пейдж³⁵.

Он сказал, что все понимал, хотя у нас обеих были хорошие доводы, но нам нужно было преодолеть наши разногласия, как нож, разрезающий арахисовое масло... или майонез... или что-то ещё, что не имело никакого смысла. У него действительно были самые безумные аналогии.

Как только он ушел, Джанет повернулась ко мне с сердитым взглядом, но уже выглядела менее враждебной.

— Почему ты не рассказала ему?

— Не рассказала ему что?

— Ты знаешь что.

— А зачем мне это? Это не мое дело. Если хочешь погубить себя, это твое дело. Но я не хочу смотреть на то, как ты это делаешь.

Ее хмурый взгляд сменился на недоверчивый.

— Почему ты ведешь себя так странно из-за этого? С тобой что-то случилось?

— Нет. Но тот факт, что ты думаешь, я странная, потому что не терплю героин, немного огорчает. Правда в том, что я терпеть не могу людей, которые растрачивают свой потенциал и в процессе уничтожают себя.

— Хммм... — Свирепый взгляд исчез, оставляя тревожную хмурость. — Видишь ли, я абсолютно не согласна. Героин помогает мне увидеть мир по-иному, открывает мой разум. Заставляет чувствовать себя свободной. Это не разрушает меня, это улучшает меня.

Я уклончиво пожала плечами, потому что ее слова казались безумием. Я никогда не употребляла наркотики, так что не могла прокомментировать ее авторитетное заявление, основанное на личном опыте. К тому же, у нас было пятнадцать минут до начала выступления — сейчас было не время указывать на обширные исследования, которые доказали, что героин уничтожал людские жизни. И к тому же, как-никак, он убивает людей.

Вместо этого я вытащила галстук-бабочку из сумки и, извинившись, отправилась в дамскую комнату. Я могла бы прикрепить ее и за кулисами, но только что вошел Абрам, а я обнаружила, что его присутствие сильно отвлекало. И волновало меня. Поэтому я стала избегать его.

³⁴ Джими Хендрикс (полное имя Джеймс Маршалл Хендрикс) — американский гитарист-виртуоз, певец и композитор. В 2009 году журнал "Time" назвал Хендрикса величайшим гитаристом всех времен.

³⁵ Джимми Пейдж (англ. Jimmy Page, полное имя Джеймс Патрик Пейдж) — британский рок-музыкант, аранжировщик, композитор, музыкальный продюсер и гитарист-виртуоз, стоявший у истоков Led Zeppelin и до самого конца остававшийся музыкальным "мозгом" группы.

Я нравилась ему. Я знала это. Несмотря на его предложение, чтобы я нашла себе парня для отвлечения, я не была глупой и заметила огромный неоновый намек, который он обрушил на мою голову в прошлую субботу. По словам Абрама, он ждал бы, пока я бы увидела и заметила его.

Чем больше я думала над этими словами, тем больше они напоминали мне аналогичное поведение у Мартина в прошлом.

Мне пришло на ум, может, я была настолько занята, прячась, пытаясь оставаться незаметной, что не обращала должного внимания на мир вокруг себя. Я была единственной, кто отчетливо не видел других. Может быть, мне нужно было перестать зацикливаться на внутреннем мире и начать обращать внимание на то, что было перед носом, начиная с Абрама.

Я никогда не хотела быть той, кто бросался в омут с головой, или девчонкой, которая мелькала в толпе на фестивале "Марди Гра"³⁶ и пыталась поймать бусы. Знаю, потребовалось бы некоторое время, чтобы действительно что-то получилось с Абрамом. Но теперь я охотно рассмотрела бы эту возможность.

* * *

Да, я провела неделю с Мартином на острове. Но на этом заканчивались основные сходства с нашей неделей на весенних каникулах.

После нашей предрассветной беседы в среду я не видела его следующие несколько дней. Когда я просыпалась утром, Мартин уже уходил. К тому времени, когда я приходила домой, Мартин уже спал или еще не приходил. Я не разговаривала с ним, кроме нашего ежедневного обмена записками.

Наступило утро четверга, когда, проснувшись, я нашла простую записку на кухонной стойке.

"Завтрак в холодильнике, если ты голодна. Я буду дома поздно".

— **Мартин**

На самом деле холодильник был забит все самым необходимым. Поскольку у меня было время, я приготовила себе яйца Бенедикт³⁷ и бекон, фруктовый салат с малиной и бананами. Еще я испекла шоколадные коржики с пеканом, убедившись, что убрала весь

³⁶ "Марди Гра" (фр. mardi gras, букв. "жирный вторник") — зачастую относится к карнавальным празднованиям во вторник после Масляной недели, накануне католического Великого поста.

³⁷ Яйцо Бенедикт — блюдо на завтрак — сэндвич с яйцом под соусом.

беспорядок. Признаться, я снимала стресс выпечкой. Моя склонная к драме сторона размышляла, если Мартин приходил домой поздно, значило ли это, что он был с рыжеволосой подругой. Но моя прагматичная сторона быстро набросилась на драматичную и заткнула ей рот.

Я оставила коржики в герметичном пластиковом контейнере на том же месте, где нашла его записку, и написала послание, которое гласило:

"Съешь меня".

— *Коржики*

Вернувшись ночью в квартиру Мартина, я нашла его пиджак на подлокотнике дивана, а дверь в его комнату была закрыта. Я предположила, что он уже спал, но он оставил мне записку на стойке, в которой было написано:

"Я бы съел все, что бы ты ни сказала мне съесть".

— *Мартин*

"P.S. Ты еще не прочитала интервью?"

Я заметила, что пластиковый контейнер из-под коржиков был пуст. Он съел все коржики.

Не позволяя себе увязнуть в маринаде неопределенности, ингредиентами которого были мои давнишние переживания и возникающее замешательство от неизвестности характера его отношений с красивой рыжей, а также загадочные намеки его бизнес-партнера, я набросала быстрый ответ:

"Мартин,

*У меня нет времени читать интервью,
когда нужно приготовить коржики. Вместо
этого я решила подождать, когда у нас будет
время для разговора или дискуссии. Я лучшие
услышу все от тебя, чем из Интернета".*

— *Кэйтлин*

Прошло еще несколько дней, и наш обмен записками продолжался следующим образом:

Утро пятницы

"Паркер,

Сделай мне побольше коржиков".

— **Мартин**

"Мартин,

Здесь много коржиков".

— **Кэйтлин**

Вечер пятницы

"Кэйтлин,

Что в этих коржиках? Магия?"

— **Мартин**

"Мартин,

*Нет, не магия. Но я использовала кровь единорога,
чтобы их можно было долго жевать".*

— **Кэйтлин**

Утро субботы

"Кэйтлин,

Кровь единорога? Ты смогла найти это на Манхэттене?"

— **Мартин**

"P.S. Сделай побольше кровавых коржиков".

"Мартин,

*На Манхэттене можно найти все...
кроме приемлемой квартирной платы".*

— **Кэйтлин**

"P.S. Вот твои кровавые коржики".

Вечер субботы

"Паркер,

Переезжай ко мне. Я приму коржики единорога как арендную плату".

— **Мартин**

"Сандеки,

*Я так давно тебя не видела, что начинаю думать,
что ты плод моего воображения, за исключением того,
что ты съедаешь мои коржики. Ты избегаешь меня,
потому что я пахну как крем-паста для зубов?"*

— **Кэйтлин**

Утро воскресенья

"Кэйтлин,

*С Рождественским сочельником. Ты
работаешь вечером? Я подумал, что смогу
смыться после обеда или вечером, если ты
будешь свободна. Ты хочешь погулять? Если ты
не сможешь сегодня, как насчет завтра?"*

— **Мартин**

*"P.S. Мне нечего говорить о крем-пасте
для зубов, но да. Запах — вот почему я избегаю
тебя".*

"Мартин,

*И тебя с Рождеством. У меня два
выступления сегодня с двух пополудни до часу
ночи. Но, чудо из чудес, я свободна на
Рождество, кроме короткого выступления,
которое закончится в четыре часа дня. Мы
можем погулять завтра утром. Еще, знай, что у
меня есть злободневные вопросы, на которые
ты еще не ответил. Мы сможем что-нибудь
приготовить, потом поесть... поскольку у нас*

нет елки, я могла бы подобрать святочное полено³⁸?"

— **Паркер**

"P.S. Я перестану пользоваться крем-пастой для зубов, но тогда тебе придется жевать еду за меня..."

Я действительно была благодарна за то, что мы с Мартином не виделись уже несколько дней. Записки позволили укрепить нашу дружбу без оглядки друг на друга, мешающей и делающей все напряженным. Он всё ещё был полностью и умопомрачительно привлекательным, как нравилось напоминать моим трусикам всякий раз, когда мы разделяли одно пространство.

Кстати, это дало мне время поразмышлять и признать, что была очень реальная возможность, что девушка с фотографий могла быть его подружкой. Я решила, что должна была быть счастлива за него, раз он полноценно смог двигаться дальше. Я решила это, но не чувствовала так. Поэтому я работала над этим чувством, работала над тем, чтобы жить дальше, потому что и он, очевидно, оставил прошлое позади.

Поэтому я перестала избегать Абрама.

И, как только я перестала избегать Абрама, он и я действительно фантастически проводили время вместе. Мы тусовались за кулисами, обсуждая в основном музыку и наше детство.

Мы ели вместе между выступлениями и сетами, а я изучила все его (видимые) тату, что они означали и почему он их сделал.

После концертов я сыграла несколько своих композиций для него, а он сыграл несколько своих для меня. Мы болтали и наслаждались компанией друг друга, и мне было очень-очень хорошо оттого, что я могла выразить свою симпатию к кому-либо. Я почти раскрепостилась.

Когда неделя подходила к концу, я заметила, что дела двигались в правильном направлении. Мартин был моим другом. Абрам был моим, может быть, в будущем больше, чем другом. Хотя у меня всё еще было "полное ведро" остаточных чувств к Мартину, в общем, это была хорошая неделя.

³⁸ Святочное полено — древний кельтский обычай сожжения тяжёлого чурбана во время декабрьского солнцестояния. Предпочтение отдавалось брювнам священного дуба.

По плану я должна была вернуться в Нью-Хейвен в понедельник. Я нашла билеты на поезд по хорошей цене, билеты на двадцать шестое декабря были почти в три раза дороже, чем на Рождество.

Утро Сочельника фактически было моим первым и единственным шансом исследовать город. Я составила список мест, с которыми хотела ознакомиться, скрестив пальцы, чтобы они были открыты. По пути я позвонила родителям, пожелав счастливого Рождества. Это был приятный разговор, они оба оказались счастливыми и расслабленными.

Моей первой остановкой был независимый магазин грампластинок на Гринвич Виллидж³⁹, где подавали пиво. Поскольку, когда я приехала, было только тринадцать минут одиннадцатого утра, я воздержалась от алкогольного напитка, но покопалась в винтажной коллекции грампластинок.

Я нашла несколько ценных, которые можно было добавить к моей коллекции. Когда я расплачивалась, испорченная обложка привлекла мое внимание. Это было оригинальное издание альбома Стиви Уандера "In Square Circle"⁴⁰, датированного 1985 годом. Я проверила список композиций на обороте и была рада увидеть "Очень счастливый".

Не желая передумать с подарком, я добавила его к моим покупкам, после чего покинула магазин. Моя следующая остановка была в книжном магазине, тоже на Виллидж, в котором предположительно были антикварные медицинские учебники. Я уже отправила папе его рождественский подарок, но он всегда искал гобелены для своего офиса.

Снова, после того как нашла нечто для папы, я наткнулась на кое-что для Мартина. На самом деле это было подписанное издание "Принцессы-Невесты"⁴¹, одной из моих любимых книг и фильмов на все времена. Я поймала себя на желании разделить с ним восторг от книги, и поскольку переплет был не первого издания, я, как ни странно, могла себе это позволить.

Потом я отправилась в кондитерский магазин, который был известен своими ирисками. Купив больше, чем требовалось, я решила завернуть излишки для Мартина.

На обратном пути к его квартире я проходила мимо магазина товаров для рукоделия и декора, в окне которого были рождественские чулки ручной работы. Опять же следуя порыву, я вбежала внутрь и купила чулок с экипажем в лодке и восьмью веслами на лицевой стороне и с весьма необычным черным графическим дизайном на красном хлопке. Еще они

³⁹ Гринвич Виллидж (точнее Гринич Виллидж;) — квартал на западе Нижнего Манхэттена (2-й округ). С начала XX века Гринвич-Виллидж стал пристанищем для людей богемы и радикальных политических деятелей.

⁴⁰ Альбом Стиви Уандера "In Square Circle" завоевал "Грэмми" за лучший мужской ритм-энд-блуз вокал на 28-й премии "Грэмми".

⁴¹ "Принцесса-невеста" (англ. The Princess Bride) — романтический фильм, снятый режиссёром Робом Райннером по мотивам одноимённого романа американского писателя Уильяма Голдмана. Сценарий к фильму написан самим Голдманом.

продавали керамические изделия. Я прихватила для него дозатор мыла в форме Хоббита, который больше походил на садового гнома с большими ногами, для его гостевой ванной.

Потом заметила удивительную ручной работы кофейную кружку с изображением бас-гитары, на которой было написано: "Всё об этой бас-гитаре". Это рассмешило меня, поэтому я взяла ее для Абрама.

Прежде чем подсчитать стоимость покупок, я нашла несколько классных канцелярских принадлежностей, настольный письменный набор, который тут же под правильным углом напомнил мне удочку, с надписью в самом низу: "Я не ленивый, просто люблю есть рыбу". Поэтому, конечно же, это было идеально для Мартина. Так что, разумеется, я прихватила и это тоже.

Возможно, я потратила больше денег, чем предусматривала, но я оценила то, что Мартин позволил мне бесплатно остаться в его доме. Меньшее, что я могла сделать, — это подобрать несколько классных вещичек для его квартиры. К тому же, я ощущала убедительную необходимость купить ему эти предметы. Увидев их, я почувствовала неоспоримую манию отдать их Мартину.

Я жонглировала своими сумками, пытаясь выудить ключи от его квартиры, и брела по холлу жилого здания, когда услышала знакомый голос, раздавшийся позади меня.

— Кэйтлин, можно с тобой поговорить?

Я замерла и напряглась, выждав мгновение, прежде чем повернуться и взглянуть через плечо. Голос принадлежал Эмме Кромвелл, и — хорошие новости — она не смотрела на меня, словно я была ответственна за вирус Эбола⁴².

Но она была настроена весьма решительно.

⁴² Вирус Эбола — род вирусов из семейства филовирусов, вызывающих геморрагическую лихорадку Эбола у высших приматов.

Глава 7: Атомы, молекулы и ионы

Повернувшись к ней лицом, я почувствовала себя, словно в ловушке, и немножко озадаченной от того, что следовало сделать дальше.

— Хм, привет, Эмма.

Меня воспитывали, что всегда нужно было говорить: "Приятно видеть тебя". Но в данном случае я чувствовала, что это было бы не уместно, потому что не хотела врать. Она подошла ко мне, глазами осмотрев меня и сумки в моих руках. Затем усмехнулась. Это не была милая ухмылка.

— Уже тратишь деньги Мартина?

Я вздохнула, потому что она и без того была неприятной.

— Нет. Я не трачу деньги других людей.

Ее глаза сузились, когда ее внимание вновь вернулось к моему лицу.

— Даже деньги твоих родителей?

— Это ужасно грубый вопрос, Эмма. Почему ты думаешь, что имеешь право грубить мне? — спросила я спокойно, потому что была спокойной. Она не расстроила меня, но мне было любопытно, почему она постоянно нападала на меня. Насколько мне было известно, я не посыпала солью землю вокруг ее дома и не удаляла данные с ее видеорегистратора.

Она выгнула брови вверх и приоткрыла губы. Очевидно, я удивила ее своим прямым вопросом.

— Я... я... — Она боролась с собой несколько секунд, потом ее выражение наконец-то смягчилось.

— Извини. Ты права. Это было грубо.

— Ты прощена. Не хочешь подняться, выпить чаю? Не могу разобраться с его кофемашиной, там слишком много кнопок. Такое чувство, что когда-нибудь я запущу её в космическое пространство.

Я не стала дожидаться её ответа, повернулась и пошла по направлению к лифту. В основном, это произошло потому, что у меня онемели пальцы из-за тяжести сумок. Я знала, она последовала за мной, потому что ее каблуки стучали по мраморному полу холла.

Оказавшись в лифте, я дождалась, пока она забралась в кабину, прежде чем нажать кнопку его этажа. Вошли еще несколько пассажиров, поэтому мы молчали в течение всей поездки. Точно так же в тишине мы прошли по коридору, и она молча ждала, пока своим ключом я открывала дверь.

Она схватила две мои сумки, помогая отнести их в гостиную. От меня не ускользнуло, как она заглянула внутрь, когда ставила их на стол за диваном.

— Сначала чай, или поговорим? — спросила я, сбрасывая с себя тяжесть зимнего пальто.

— Поговорим. Я не хочу чай.

— Хорошо. — Я покала плечами, бросая пальто на диван и занимая кожаное кресло.

— О чем ты хочешь поговорить?

Она не села. Я заметила, что она разрывалась от беспокойной энергии.

— Ты не сожалеешь даже самую малость? Хоть немного не совестно?

— Сожалею насчет чего?

Она фыркнула, словно я намеренно раздражала ее.

— Из-за Мартина. Из-за того, что он сделал для тебя.

Я вглядывалась в нее, наклонив голову на бок.

— В том-то и дело, Эмма. Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Она хмыкнула и скрестила руки.

— Ну да, мне что-то трудно в это поверить.

— Нет. Я не в курсе дел Мартина, я не искала новостей о нем. На самом деле, я избегала их.

— Но ты ведь прочла последние новости, так? Ты же в курсе текущих событий?

Я покачала головой.

— Не-а. Я провела последние девять месяцев, избегая мир, в моей жизни были только музыка и работа. Я не читала журналы или газетные заголовки почти год.

Что-то в её взгляде смягчилось, когда я говорила, и она несколько раз моргнула, словно смотрела на меня новым взглядом. Ее руки высвободились, упав по бокам. Эмма медленно села на диван, ее взгляд стал вдумчивым.

— Ты не знаешь о... обо всём, что случилось?

Я покачала головой.

— А Мартин... ты не спрашивала его?

— Я не видела его с утра среды, а потом он не захотел говорить об этом, поэтому я не давила.

— Ты не виделась с ним со среды?

— Не-а.

— Но разве вы двое снова не вместе?

— Конечно нет.

— Почему конечно нет?

Теперь я фыркнула.

— Не могла бы ты мне рассказать, из-за чего ты так расстроилась? Потому что мне нужно ехать на концерт через полчаса.

Мгновение она изучала меня, ее глаза сузились, но задумчиво, а не подозрительно. Наконец, она сказала:

— Ты знаешь о домах?

Я сдвинулась на сиденье. Эта тема была больным местом для меня.

— Ты имеешь в виду дома, которые Мартин получит как часть трастового фонда, учрежденного его отцом?

— Уже, он получил их. А потом продал примерно за сто двадцать миллионов долларов.

Это не было неожиданностью, учитывая, что я видела дом на Карибах.

— И тогда его отец?.. Что-то случилось?

Она покачала головой.

— Он ничего не смог сделать. К тому времени, как он узнал, дома были уже проданы, а деньги переведены в офшоры. Хотя он пытался добиться судебного запрета, даже подал прошение, чтобы возбудить дело, но оно было отклонено.

— Как мило. — Я вяло улыбнулась ей, а она кинула мне вопросительный взгляд. Я разъяснила: — Рада за Мартина, что он получил свою месть.

— Свою месть? Вряд ли. — Она закатила глаза, насмехаясь надо мной.

— Что ты имеешь в виду? Он продал дома, разве не так? Он не запустил свои причудливые спутники?

— Разумеется, он продал дома. Но что с того? Что такое жалкие сто двадцать миллионов для человека, заслуживающего миллиарды? Ничего. Судебный запрет Денвера не более чем трусость. Честно говоря, думаю, Денвер искал причину лишить наследства Мартина. По праву, сейчас Мартин — единственный сын Денвера. Он унаследует более двадцати миллиардов, если просто будет терпеть и молчать.

— Двадцать... миллиардов? — Мой разум с трудом вмещал так много денег. Это было как гуголплекс⁴³ пиратского золота.

— Да. — Она кивнула, добавив с впечатляющей насмешкой: — Деньги инвестировали в проект спутника, но вместо того, чтобы использовать первые спутники, вытесняя из бизнеса "Сандеки Телеком", в чем и был весь смысл его вмешательства и

⁴³ Гуголплекс (от англ. googolplex) — число, равное десяти в степени гугол: 10¹⁰¹⁰⁰. Как и гугол, термин "гуголплекс" был придуман американским математиком Эдвардом Казнером и его племянником Милтоном Сироттой. Число гуголплекс больше числа всех частиц в известной нам части вселенной, которое составляет величину от 10⁷⁹ до 10⁸¹.

инвестиций, он предложил правлению ориентировать спутники на передачу Интернета в наиболее нуждающиеся районы.

— Он что?

— Ничего, кроме продажи домов, не пошло по первоначальному плану, — сказала она в основном для себя. — Он выбросил деньги на ветер!

Я пыталась не выказывать интерес, но мне было любопытно. План Мартина и его нежелание отклониться от него — это то, почему мы расстались, по крайней мере, в моем сознании.

— Выбросил деньги на ветер? Что ты имеешь в виду? — Я подобрала пушинку с колена моих джинсов.

— Он пожертвовал шестьдесят миллионов. — Она сказала эти слова, словно у них был привкус кислятины.

Я смотрела на нее очень долго, а она смотрела в ответ. Её зеленоватые глаза наблюдали за мной с настоящим интересом, словно она внимательно следила за моей реакцией на эти новости.

Уверенная, что ослышалась или неправильно поняла, я наконец спросила:

— Прости, что? Он пожертвовал шестьдесят миллионов? Кому?

— Некоммерческому фонду, который он основал в начале прошлого лета. Он предоставляет финансирование для стартапов⁴⁴, ориентированных на обучение сельских преподавателей, как внутри страны, так и на международном уровне, применяя новейшие учебные технологии и веб-интерфейсы⁴⁵.

— Я не понимаю. Он продал дома за сколько? Сто двадцать миллионов?

— Приблизительно, да.

— И половину он пожертвовал, а остальную часть потом инвестировал в проект спутника?

— Нет. Пожертвования и инвестиции составили шестьдесят миллионов. У него еще осталась другая половина — или около того — на нескольких банковских счетах в оффшорах.

— Я запуталась. Ты только что сказала, что он инвестировал в проект спутника.

— Нет. Он не вложил ни во что. Фонд, который он создал, и есть та доля, которая была выделена для проекта спутника. Он лишился своего дохода. Все доходы поступают в

⁴⁴ Стартап (от англ. startup company, startup, букв. "начало процесса") — термин, впервые использованный Forbes в августе 1976 года и Business Week в сентябре 1977 для обозначения компаний с короткой историей операционной деятельности. Стартапом может быть названа организация, создающая новый продукт или услугу в условиях высокой неопределенности.

⁴⁵ Веб-интерфейс — это совокупность средств, при помощи которых пользователь взаимодействует с веб-сайтом или любым другим приложением через браузер.

фонд, после этого используются для приобретения оборудования для школ и студентов и финансируют программу по подготовке учителей.

Я тихо вдохнула, пытаясь сложить в уме историю, которую она рассказала.

— И он... что? Он отдал шестьдесят миллионов долларов фонду, который сам же учредил?

— Да.

— Итак, спутник все равно будет запущен?

— Да.

— Но он владеет только долей в фонде?

— Да.

— И он... не получает прибыль?

— Он теперь уже не получит никакую прибыль. Он выбросил миллиарды долларов и, вероятно, единственный шанс отомстить отцу.

Я покачала головой, потому что ощущала себя сбитой с толку.

— Зачем он это сделал? Почему он отдал их?

Она ухмыльнулась. Я восприняла это как неприятную ухмылку.

— А почему, как ты думаешь?

Я продолжала качать головой.

— Понятия не имею. Это не имеет никакого смысла.

— Из-за тебя. Он сделал это из-за тебя.

Я перестала качать головой, вместо этого издала нелицеприятный высмеивающий звук, который был похожим на бульканье.

— Что? Нет. Нет... Он так сказал? Он сказал тебе, что отдал шестьдесят миллионов из-за меня?

Ее ухмылка исчезла, и она вдруг стала выглядеть уставшей, старше.

— Нет. Но ему и не нужно было. Мы планировали это три года. Потом он встретил тебя, и всё изменилось. Конечно же, ты и есть причина.

— Нет. Это не имеет никакого смысла. Мы не вместе.

— Он хотел вернуть тебя. Вот почему он это сделал.

— Он сказал тебе, что...

— Нет. Мы никогда не говорим о таком деръме. Мы не приятели, мы бизнес-партнеры. Но у меня прекрасно работает голова, и я видела его после того, как ты разбила ему сердце. Потом внезапно все его планы изменились, и он бросил свое будущее, потому что дочь Джосс Паркер забила ему голову деръмовой альтруистической фигней? Да... Он хотел тебя вернуть, по крайней мере, последнее время он только этим и занимался.

Я слышала только половину ее тирады, потому что потерялась в собственных мыслях. Я начала говорить, но, честное слово, забыла, что она была в комнате.

— Мы не виделись с марта, и тогда это была всего неделя. Он никогда не звонил мне, никогда не пытался связаться со мной. Не раньше чем полторы недели назад, и он ничего не сказал об этом. Ничего. Он даже не собирался что-нибудь рассказывать. Если он сделал это для меня, то он бы позвонил или попытался бы наладить контакт. — Мое внимание вновь вернулось к Эмме, и я обратилась к ней, просто потому что она была единственным человеком в комнате.

— Правильно? Он мог позвонить мне и рассказать, если хотел снова быть вместе. Он бы не стал ждать месяц. Мартин бы так не сделал, это не имеет смысла...

Она пожала плечами, поджав губы.

— Ну, я понятия не имею, чего он сейчас хочет. Я имею в виду, я думала, он хотел увидеться с той молодой студенткой из СОР — Сельской Образовательной Реформы (благодетель человечества в исследовательском центре в Вашингтоне) — еще одно кровоточащее сердце мученика. Но теперь я не знаю, раз уж ты здесь.

Я невольно вздрогнула от этой новости, подтверждающей мои подозрения, что он с кем-то встречался. Я почувствовала, как весь воздух словно высосало из комнаты, а мое сердце проткнули вилкой. Я потерла грудную клетку, место над моим сердцем.

— Он... он с кем-то встречается? — Я чуть не задохнулась от слов.

— Да. Не знаю, как ты упустила это, они были на всех "шестых страницах" с августа. Они не могут пройти по улице в компании друг друга, чтобы их не сфотографировали. Проблема в том, что они просто красиво смотрятся вместе. Ее семья, как твоя. Понимаешь, много впечатляющих предков с впечатляющими добрыми делами. — Взгляд Эммы то и дело двигался вверх-вниз по моей фигуре, прежде чем она добавила: — Ты не похожа на нее, но у него определенно есть свой типаж.

— Как она выглядит? — спросила я, мой вопрос бесконтрольно вырвался наружу.

Эмма закатила глаза.

— Я не знаю, невысокая, очень хорошенская, рыжие волосы, изящная. Какая разница?

Это была та самая девушка, которую я видела ранее на неделе на фотографиях, когда сделала ошибку, "погуглив" Мартина, чтобы прочитать интервью, о которых говорили он и Сэм.

— Прости, но я терпеть не могу сплетничать и давать советы по поводу отношений человеку, который украл мой доход.

— Твой доход? — спросила я запинаясь.

— Да. Мой доход. Я должна была получить процент от его доли. А теперь, как видишь, все пропало. Вместо этого он предложил мне должность в примерном фонде и долю от его права на трансляцию в странах третьего мира.

— Его что, что, что? Права на трансляцию? — Я заставила себя перефокусироваться на разговоре, реальных вопросах, а не на той, с кем у него были отношения... или с кем он недавно виделся. Честно говоря, я была в состоянии сосредоточиться только на себе, потому что Мартин прямо написал мне, что у него не было девушки, а я поверила, что он сказал мне правду.

Конечно, это просто означало, что он сейчас был один. Но это не значило, что он был одинок все время после того, как мы расстались. Эта мысль вызывала тошноту и более сильный укол вилкой в сердце, поэтому я задвинула эти мысли подальше.

Эмма насмешливо фыркнула.

— У него было несколько безумных идей, и он вложил оставшиеся три миллиона. — Она взмахнула рукой в воздухе, словно его идея была комаром, а она пыталась его прихлопнуть. — Он приобрел права на трансляцию — все, в основном, в странах третьего мира. Он фактически обладает монополией на сетевой трафик синдицированных телепрограмм⁴⁶ в течение следующих пятидесяти лет, а также крупными сайтами такими, как "Нетфликс"⁴⁷, "Амазон"⁴⁸ и так далее. — Потом она добавила себе под нос: — Не большая польза, когда в этих районах почти ни у кого нет компьютеров и они не могут подключиться к Интернету.

Я уставилась в точку над ее головой, пока в моей голове складывалась картина. Неосознанно я выразила свое мнение вслух осмысленным потоком:

— Право на трансляцию в странах третьего мира никогда не принесет прибыли... пока в слабо развитых районах невозможно получить недорогой доступ к Интернету. Или бесплатный доступ.

— И пока им не предоставляют компьютеры, — излишне добавила она.

Я задержала на ней пристальный взгляд, и мой рот приоткрылся от удивления, поскольку Мартин и вправду был гением.

— Ты имеешь в виду, если им предоставят компьютеры примерный фонд? И тот же фонд затем научит их пользоваться ими? Примерные фонды получат деньги от прибыли

⁴⁶ Синдицированная телепрограмма, продюсер которой продаёт права на её показ сразу нескольким телекомпаниям и независимым станциям.

⁴⁷ Нетфликс (англ. Netflix) — американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа. Основана в 1997 году.

⁴⁸ Амазон (англ. Amazon.com, Inc.) — американская компания, крупнейшая в мире по обороту среди продающих товары и услуги через Интернет и один из первых интернет-сервисов, ориентированных на продажу реальных товаров массового спроса.

спутников, которые распространяют недорогой или бесплатный Интернет во все слаборазвитые районы?

Ее взгляд стал задумчивым, потом удивленным, затем пораженным.

— О мой Бог.

Я кивнула, ухмыляясь его сообразительности.

— Он не обсуждал это с тобой? Вы двое вообще о чем-нибудь разговариваете?

— Нет. Я не... я была так зла, я не хотела говорить об этом.

— И ты не выяснила это?

— Нет. — Она слегка рассмеялась, покачав головой. — Мартин всегда говорил, что ты умная, и он был прав. Я имею в виду, теперь, когда ты указала на это, все стало так очевидно. Думаю, просто я была настолько зла, что он не довел дело до конца по первоначальному плану, к тому же этот дурацкий фонд... О мой Бог. Мы не собираемся делать ничего близкого к тому, что могли бы сделать, если бы он сразу же инвестировал в спутниковую компанию, он и близко не будет так богат, как его отец, но вау. Мы можем срубить миллиард. Может, два.

— Это может потребовать заранее разработанного плана, но да. Примерно через десять лет, после того как фонд сделает свое дело и спутники, которые врачаются там, предоставят людям в сельских районах Африки и тропических лесах Бразилии высокоскоростное Интернет-обслуживание, он будет зарабатывать просто на потоковом видео⁴⁹, которое будет использоваться в третьем мире.

Она смотрела на меня и улыбалась. Это был первый раз с нашей встречи, когда я увидела ее улыбку. Ее глаза сияли от восторга, и злость испарилась. Это был почти милый момент.

Потом она разрушила его, радостно вздохнув и сказав:

— Господи, я люблю этого мужчину.

* * *

Эмма осталась на чай, и она была разговорчивой. Еще у нее была привычка постоянно перекидывать через плечо свои длинные пшеничного цвета волосы. Это не раздражало бы меня так сильно, если бы она не стала так внезапно несдержанна в том, как сильно восхищалась Мартином.

⁴⁹ Потоковое видео — это процесс преобразования видео и аудио в сжатый цифровой формат, а затем распространение данных через компьютерные сети.

На самом деле, она говорила только о нем: какой он был умный, какой интеллигентный, как он собирался изменить мир. Он был для нее Стивом Джобсом⁵⁰, Биллом Гейтсом⁵¹ и Марком Цукербергом⁵² в одном лице, за исключением того, что родился в роскоши, поэтому был способен существенно изменить ситуацию к лучшему в начале своей жизни, не дожидаясь докучливых инвесторов.

— Ты знаешь, что Марку Цукербергу было девятнадцать, когда она создал "Фейсбук"? А Стиву Джобсу, основавшему "Apple", двадцать один?

— Хмм. — Я знала это. Думаю, каждый в моем поколении знал эту информацию — по крайней мере, каждый человек с заумными убеждениями. Кроме того, я знала, что Стив Джобс был просто достаточно умным и наглым парнем, который использовал своего друга Стива Возняка⁵³, украл его идеи и выдал их все за свои.

— Хотя никто не похож на Мартина. Никого, кто бы обдумал план действий, как это делает он, кто видел бы полную картину. Он совершенно гениален. — Ее глаза внимательно осмотрели меня сверху вниз, словно она ожидала, что я поболела бы за Мартина, может, предложила бы, чтобы мы посвятили ему фан-сайт, и была раздражена, что я, казалось, не разделяла ее энтузиазм.

Я не могла понять, нравилась мне Эмма или нет. Кроме того, я не могла решить, имело ли это значение. Возможно, это во мне говорил наивный борец за добро, но я была разочарована, что она не видела преимущества фонда Мартина до тех пор, пока я не обратила внимание, что его план и фонд в конечном счете принесли бы ей миллионы. Мне не нравилось, что ее преданность, казалось, зависела от того, сколько денег она могла бы сорвать с него.

К тому же, я не переставая думала об очень симпатичной рыжей, с которой он предположительно встречался и с кем бесконечное количество раз фотографировался. Я снова убедилась в благородстве своего решения никогда не искать какие-то новости или интервью, связанные с Мартином, пока окончательно не рассталась бы с ним. Просто от мыслей о нем с кем-то другим мне хотелось броситься в месячный парад драмы.

— Ты знала, что я работала на отца Мартина? — спросила Эмма ни с того ни сего.

⁵⁰ Стив Джобс — американский предприниматель, получивший широкое признание в качестве пионера эры IT-технологий. Один из основателей, председатель совета директоров и CEO корпорации Apple. Один из основателей и CEO киностудии Pixar.

⁵¹ Уильям Генри Гейтс III — американский предприниматель и общественный деятель, филантроп, один из создателей (совместно с Полом Алленом) и бывший крупнейший акционер компании Microsoft.

⁵² Марк Эlliот Цукерберг — американский программист и предприниматель в области интернет-технологий, долларовый миллиардер, один из разработчиков и основателей социальной сети Facebook. Руководитель компании Facebook Inc.

⁵³ Стивен Гэри (Стив) Возняк — американский изобретатель, инженер-электронщик и программист, соучредитель компании Apple Computer (ныне Apple Inc.) вместе с Стивом Джобсом и Рональдом Уэйном в 1976 году.

Удивленная, я покачала головой.

— Нет. Я не знала этого. Что случилось?

— Ты знакома с Денвером Сандеки?

— Да... к сожалению.

— Точно. Он полный осел. Он гений, но осел, а это означает, что он высокомерный.

И он известен сексуальными домогательствами к сотрудникам. Как только привыкнешь к нему, это... терпимо. В основном, я просто игнорировала эту часть моей работы. Но моя работа на Денвера закончилась, как только я познакомилась с Мартином. Он был юнцом в старшей школе, а я организовывала корпоративное мероприятие в доме Денвера в Санта-Монике. Мартин определенно не выглядел как семнадцатилетний. Я знала, кто он, поэтому старалась быть милой. Он начал задавать мне все эти вопросы о том, что я делаю для его отца, а я подумала: "Этот парень сообразительней, чем его отец. Он займет его место!" Также помогло то, что он был полностью не заинтересован во мне, кроме моих знаний. В отличие от его отца, он, казалось, был более заинтересован в том, что я говорю, чем в размере моего лифчика.

— Итак, как ты стала бизнес-партнером Мартина?

— Ну, у меня был доступ к информации, которого не было у Мартина. Так что Мартин отвел меня в сторону на одной из вечеринок и спросил, нравится ли мне работать с его отцом. По началу я была осторожной, но со временем поняла, что у него есть план. И, честно говоря, мне понравилась мысль подставить Денвера Сандеки — он такой отвратительный. Я согласилась остаться у его отца и передавать Мартину любую информацию, которая будет полезной. Я рассчитывала, что, как только Мартин будет достаточно мне доверять, он поделиться со мной своими планами. Он так и сделал, остальное ты уже знаешь.

— Хмм... — Я рассматривала её. — Ты слишком сильно доверились подростку.

Не говоря уже о том, что она призналась в корпоративном шпионаже, словно в этом не было ничего особенного.

— Да, — подумав, признала она. — Но в Мартине что-то есть, верно? Ты знаешь, что я имею в виду? Он внушает доверие. Люди хотят следовать за ним. Я думала о своей должности у его отца и знала: кроме полученного опыта работы, у меня не будет карьерного роста в "Сандеки Телеком". Денвер управляет компанией так, будто это закрытый клуб только для джентльменов. Я выполняла работу руководителя, а обращались со мной как с секретаршей в 1950-х.

— Это звучит ужасно.

— Я доверилась Мартину, и он никогда не заставлял меня чувствовать, что заинтересован в чем-то еще, кроме моих мозгов. Хочу сказать тебе, это было так освежающее.

— Уверена. — Я кивнула, взглядываясь в нее и обнаружив, что она была искренней. Эмма может и была корпоративной акулой, но хорошо аргументирующей, способной корпоративной акулой. Я уже лучше понимала, почему Мартин выбрал ее.

— Что думаешь об этом месте? — Она указала на квартиру Мартина, потягивая кофе, таким образом сменив тему, и выдала мне дружелюбную улыбку.

— Мне нравится. Очень подходит Мартину. — Я не задумывалась над этим, пока она не спросила, но квартира очень походила на Мартина. Здесь не было беспорядка, но она не была совсем стерильной. Она была комфортной. И в нем чувствовалось, что ты был дома.

Не думаю, что она слышала меня, потому что за ее вопросом последовало:

— Я постоянно говорю, что ему нужно перебраться в место получше. Мы не можем устраивать здесь вечеринки. Эта квартира... нормальная. Но он должен жить в пентхаузе. Ты знаешь, что он сам выбирал всю мебель? Я пыталась заставить его воспользоваться услугами декоратора. — Она покачала головой, словно он был глупым ребенком. — Иногда я забываю, как он молод, как много ему еще нужно узнать о корпоративной среде. В конце концов, он посмотрит на вещи моими глазами.

Я открыла рот, чтобы спросить, почему он не мог устраивать вечеринки в этой квартире, по-моему, она идеально подходила для этого, но потом она снова заговорила:

— Может, ты сможешь мне помочь. Вместе мы поможем ему увидеть причину. Уверена, у тебя хорошие перспективы, учитывая то, кем являются твои родители. Пожалуй, ты лучше подойдешь, чтобы убедить его, чем я, — многозначительно хихикнула она.

Я пыталась сдержать крайний ужас, который я ощущала, чтобы он не отразился на моем лице. Я решила, что ей пора было уходить.

Она начала собираться, когда я упомянула, что мне нужно было собираться на работу. Стоило отметить, что она была исключительно милой ко мне, когда уходила, спросив, смогли бы мы пообедать в следующий раз, когда я была бы в городе.

— Думаю, будет просто замечательно для Мартина, если мы с тобой подружимся, — сказала она, затем добавила, чтобы прояснить: — Так он не будет разрываться в своем доверии по отношению к любой из нас.

Я уклончиво улыбнулась ей и кивнула, но было такое чувство, словно она обращалась ко мне на другом языке. Я не знала, как относиться к корпоративной прозорливости и налаживанию контактов.

Как только Эмма ушла, я быстро справилась с упаковкой подарков для Мартина, запихнув настолько много, насколько вместилось в его чулок, спрятала всё под мою кровать, после чего отправилась на концерт.

Я старалась не позволять себе увязнуть в мыслях, что Мартин основал фонд и совершил потрясающие филантропические изменения в своем грандиозном плане как какой-то жест, чтобы вернуть меня, как изначально предположила Эмма. Если он хотел меня, Мартина, которого я знала, просто объявился бы у меня на пороге и потребовал, чтобы мы помирились.

Нет. Было что-то большее в этой истории с фондом. Я в этом была уверена. Может быть, это было как-то связано с тем, что он встречался с симпатичной рыжей...

Мне снова стало тошно от этих мыслей в дополнение к уколам вилкой в сердце, поэтому я выбросила их из своей головы.

Я решила, что подождала бы, прежде чем делать какие-то выводы, пока не расспросила бы Мартина и у меня не было бы всей информации.

Глава 8: Химические свойства неметаллов

Рождество в Нью-Йорке просто волшебное.

Еще это время для перепихонов на пьяных праздничных вечеринках, включая вопли с коллегами после слишком много выпитого спиртного и грязные поцелуйчики с горячим парнем за четырнадцатифутовой пластиковой елкой.

Но после третьего сета за вечер мне казалось, что зрители были гораздо занимательней, чем наша группа. Мы выступали на вечеринке в Сочельник для нескольких больших компаний в небоскребе в центре города. Уиллис рассказал мне, что изначально они пригласили выступить настоящую группу, но две недели назад они отказались. Под настоящей группой имелись в виду записывающиеся музыканты, которые писали и продавали собственные композиции.

И поэтому они терпели нас, а мы их, и этот сет был очень неприветливый, задавая бунтарский тон всему вечеру. Уиллис решил, что мы должны были закончить третий сет "Я хочу быть спокойным" группы "Рамоунз"⁵⁴.

Когда мы уходили со сцены, это был первый раз, когда они нам поаплодировали, я даже услышала несколько свистков в благодарность.

— Оставшуюся часть ночи играем панк, громко и вызывающе, — сказала Джанет, выуживая сигарету из сумочки.

Абрам достал из кармана свою пачку сигарет, его голос прозвучал сердито и напряженно, когда он сказал:

— Эти лохи меня задолбали.

— Согласен. — Уиллис двинулся к Джанет, протянув руку за сигаретой. Я никогда прежде не видела его курящим. На самом деле я была почти уверена, что он бросил несколько лет назад.

— Кэти, ты не хотела бы прогуляться? — Фитц с надеждой улыбнулся мне. Он был действительно милым, красивым, добрым. А еще из-за него в моих трусиках ничего не происходило.

Я начала подозревать, что мои трусики на самом деле были моим мозгом.

Прежде чем я успела ответить, Уиллис рассмеялся над предложением Фитца.

— Куда ты пойдешь прогуляться? На крышу? Будешь расхаживать по небольшой площадке и дрожать, пока яйца не отвалятся. Мы должны вернуться туда через пятнадцать минут, юноша.

⁵⁴ "Рамоунз" (The Ramones) — американская рок-группа, одни из самых первых исполнителей панк-рока, оказавших влияние как в целом на этот жанр, так и на многие другие течения альтернативного рока.

— Нет, спасибо, думаю, мне нужно найти дамскую комнату. — Я пожала плечами и не стала дожидаться ответа кого-нибудь. Точнее, я поспешила выйти через огромную стальную дверь, потому что мне действительно очень нужно было воспользоваться уборной.

Я прошла через выложенный стеклом коридор, звуки играющей музыки с вечеринки преследовали меня большую часть пути. Я остановилась, наткнувшись на лифт и разветвление в коридорчике. Пожав плечами, я решила пойти налево в незнакомый коридор. С одной стороны было стекло, спускающееся к атриуму несколькими этажами ниже. Другую сторону занимали офисы.

Вскоре я поняла, что ходила по кругу и возвращалась туда, откуда начинала. Это были плохие новости, поскольку мой мочевой пузырь уже посыпал предупреждающий желтый флаг, и я попрыгала на месте, чтобы удержать себя в руках. К счастью, я столкнулась с парочкой подвыпивших женщин, которые вызвались меня проводить. Я интуитивно последовала за ними, посылая безмолвную благодарность небесам, когда они наткнулись на невзрачную — без каких-либо опознавательных знаков — женскую комнату с несколькими кабинками.

В тот же момент я быстро закрылась в кабинке и, закончив со своими делами, побежала обратно за кулисы. Я промчалась через дверь как раз вовремя, чтобы услышать, как Фитц сказал:

— Она даже не с тобой! Кэти — не твоё дело...

Я остановилась и заморгала от открывшейся передо мной сцены. Абрам ухмылялся Фитцу, упираясь плечом в кирпичную стену. Фитц стоял посередине комнаты и, казалось, был очень взбешен. Уиллис находился между ними, видимо, удерживая их на расстоянии. А Джанет нигде не было видно.

Все взгляды обратились ко мне, когда я вошла. Я совсем не знала, что делать. Единственный человек, который, казалось, не переживал, был Абрам. На самом деле, он выглядел абсолютно довольным.

Я в недоумении широко раскрытыми глазами уставилась на это трио и слегка помахала находящимся в комнате.

— Эй парни... что случилось?

* * *

Абрам не переставал бросать страшно довольные взгляды в мою сторону. Я предположила, что он делал все это, чтобы вывести из себя Фитца, поэтому я не обращала внимания на его выходки.

Но потом внезапно во время последней песни его выражение лица стало сдержаным и раздраженным, его глаза сузились, глядя на меня, когда мы заканчивали последний куплет. Не успела я уйти со сцены, как почувствовала его руку на моем плече, направляющую меня к стальной двери, которой я пользовалась ранее, разыскивая уборную.

— Куда вы собрались? У нас ещё один сет! — крикнул Уиллис позади нас.

— Просто небольшая прогулка, — отозвался Абрам через плечо, практически волоча меня за собой.

Как только дверь позади нас закрылась, я потребовала:

— Отпусти мою руку, это не очень удобный способ для прогулки.

Он не повернулся, но его рука скользнула вниз по моей. Абрам переплел наши пальцы вместе и продолжил вести меня вперед.

Мы пришли к развилке в коридоре, и я тут же сообщила:

— Это круг. Не важно, каким путем ты пойдешь, в конечном итоге мы вернемся сюда. — Честно говоря, я слишком устала, чтобы обращать внимание на его странное поведение.

Он потянул меня направо и наконец заговорил:

— Твой парень здесь.

— Мой парень?

— Биржевой брокер. — Его глаза скользнули по мне, его массивная челюсть подергивалась, а карие глаза стали темными и несчастными.

Я споткнулась, заставив Абрама остановиться.

— Мартин? Мартин здесь? Я не видела его.

— Он появился в конце последнего сета.

— Он там?

— Да. Так почему он здесь? Я думал, вы расстались.

Я отдернула руку от Абрама и скрестила руки на груди. Мое сердце теперь колотилось.

— Мы расстались. Но мы... мы друзья. Я остановилась у него.

— Ты остановилась у него?

— На этой неделе. Я остановилась в его квартире на Манхэттене на неделю.

Руки Абрама опустились на бедра, и он разочарованно вздохнул.

— Если тебе нужно было место, где остановиться, ты могла позвонить мне. Тебе не стоило останавливаться у своего бывшего пафосного мудака.

Я сморщилась, мне не понравилось, что Абрам назвал Мартина пафосным мудаком. Я знала, что эта реакция была глупой, поскольку когда он делал это прежде, я не возражала.

Но отношения между мной и Мартином изменились. Да, я всегда заботилась о нем. Но теперь, когда я отпустила гнев из-за нашего разрыва, мне не хотелось, чтобы люди обзывали его.

— Послушай, он не пафосный мудак. Как я сказала, мы друзья. В этом нет ничего такого.

— И ничего не произошло?

Я успокоилась, но чувствовала себя обязанной спросить:

— А это должно тебя касаться?

Он стиснул зубы, его глаза внезапно потемнели.

— Предполагаю, что не должно. Это не мое дело.

Очень долго мы молча смотрели друг на друга, и я практически видела, как он выстраивал между нами воображаемую стену. Он принимал решение в уме, ведя диалог в своей голове, пока я стояла здесь и ждала его настоящего ответа.

Но он не ответил. Он закрылся в себе, спрятав свои мысли и чувства, и я поняла, что мы с Абрамом были очень похожи.

Он не был бесстрашным. Мы оба скрывали чувства.

Он мог предложить переспать с Фитцом несколько недель назад или воспользоваться им как парнем для отвлечения, чем бы это не обернулось, потому что я не была в опасности влюбиться в Фитца. И тогда Абрам не был бы моим парнем для отвлечения. Он хотел быть со мной, но хотел, чтобы у нас всё было по правилам, идеально, разложено по полочкам, прежде чем он на самом деле ввязался бы в эти отношения.

На мгновение я задумалась, что если Абрам пытался подтолкнуть Фитца в этом направлении, исходя из той сцены, которую я застала ранее.

Я чувствовала, как ироничная, понимающая улыбка тронула мои черты лица, и слегка засмеялась, понимая, что если и хотела смелости и честности, то нужно было, чтобы это исходило от меня.

— Послушай, я думаю, ты нравишься мне. И думаю, тебе я тоже нравлюсь. Мне не нужен парень для отвлечения. На самом деле мне вообще не нужен парень. Но я бы хотела, чтобы у меня был партнер. Мне бы хотелось быть частью команды.

Холодное выражение лица Абрама не изменилось, но я видела, как что-то мелькнуло в его глазах — вспышка одобрения, понимания.

Он прочистил горло, его взгляд переместился на ковер, а потом обратно ко мне.

— Это не мое дело, я знаю. Но мы — по крайней мере, я — хорошо провели время с тобой на этой неделе. Итак, что мы будем делать? Ты возвращаешься к бывшему?

Я покачала головой.

— Нет.

— Ты порвала с ним?

Я медлила, мое внимание привлекло место позади плеча Абрама, когда я задумалась над вопросом, над тем, как ответить честно.

— Я не знаю. Он был моим первым во всем. Я начинаю думать, что не возможно по-настоящему избавиться от этого человека, единственного, кто заставляет тебя чувствовать словно... Но может быть, возможно двигаться дальше.

Мгновение он молчал, потом тихонько признался:

— Я понимаю. Я знаю, что ты имеешь в виду.

Мы обменялись друг с другом быстрыми сочувствующими взглядами и вялыми улыбками. Я переплела пальцы, когда он засунул руки в карманы.

— Кэти... ты хочешь порвать с ним? Ты хочешь быть со мной?

Мои глаза столкнулись с Абрамом, и я поняла, чего ему стоило задать этот вопрос. Как бы я не хотела ответить: "Да, я хочу порвать с Мартином. Да, я хочу быть с тобой", я не могла. Потому что мои чувства были гораздо сложнее простого да или нет.

Он кивнул едва уловимым движением так, будто я уже ответила и он обдумывал это.

Прежде чем он бышел слишком далеко, я поспешила объяснить:

— Мне не нравится чувствовать себя так. Мне не нравится находиться в подвешенном состоянии, желать сразу двух совершенно разных вещей. Да, я хочу порвать с Мартином. Я знаю, что он двигается дальше, поскольку у него была девушка с тех пор, как мы расстались, по крайней мере, одна, о которой я знаю. И, честно говоря, я не доверяю ему настолько, чтобы он смог снова причинить мне боль. Но часть меня чувствует, что еще не всё кончено.

— Это просто твоё желание. — Он не выглядел расстроенным, он, казалось, смирился. — Но я понимаю это. Я согласен. Потому что я тоже чувствовал, что не все кончено между мной и моей бывшей. Я не двигался дальше, а мечтал, чтобы все было иначе.

— А ты сказал ей?

— Нет. Я был трусом. — Он произнес это без злости, просто трезво оценивая себя.

— Когда ты остановился? Когда ты наконец почувствовал, что все кончено?

— До недавнего времени не хотел. Пока я не встретил тебя.

Я вздохнула. Его слова, сказанные сильным и глубоким голосом, его проникновенные карие глаза заставляли мое сердце болеть.

— Абрам...

— А он знает?

— Знает что?

— Что ты все еще надеешься?

Я не ответила. Мне и не нужно было. Абрам саркастически ухмыльнулся мне и покачал головой, его взгляд был дразнящим, но еще немного грустным, словно он жалел меня.

— Мы с тобой очень похожи, Кэти.

Я вернула ему ухмылку и пожала плечами, признавая свою слабость.

— Я не знаю, как сказать ему. Я чувствую себя парализованной. Я не хочу разрушить нашу дружбу.

Абрам сократил расстояние между нами и положил руку на мое плечо, прижимая меня ближе к своей широкой груди и направляя нас обратно, чтобы сыграть последний сет.

— Если он не оставил все в прошлом и желает того же, тогда тебе нужно положить конец его страданиям и рассказать ему, что происходит у тебя в голове. Будь храброй.

— Ха! И это говорит Абрам. Трус по собственному признанию.

Он продолжил, словно я и не говорила ничего:

— Но если он оставил все в прошлом, тебе нужно знать наверняка. Потому что тогда и ты тоже сможешь оставить все в прошлом.

* * *

Мартин был среди зрителей. Он стоял возле бара в окружении других людей. Я заметила его, как только мы вышли на сцену. Для себя я объяснила это явление, рассудив, что он был на несколько дюймов выше ростом, чем остальные.

Но на самом деле я нашла его так быстро, потому что это был Мартин. Думаю, мой химический анализ крови менялся, когда мы были вместе, потому что найти его в толпе оказалось чрезвычайно легко.

Он поднял глаза и нашел мой взгляд, удерживая его, пока я не отвернулась. Я чувствовала на себе его взор на протяжении всего сета. Сначала это отвлекало. Но потом я успокоилась, приняла это, а затем ощутила себя странно обнадеженной.

Закончив последнюю песню, думаю, мы все были удивлены полученным аплодисментам. Вечер начался не очень хорошо, но идея Джанет по поводу панк-рока и протеста, казалось, привела все в порядок. Я обратила внимание на зрителей, и мои глаза снова незамедлительно нашли Мартина. Он поднял телефон, жестом указывая на него. Я поняла, что это значило: проверь свой телефон.

За кулисами меня ожидал Фитц, который внезапно выскочил, оказавшись между мной и моей сумкой.

— Эй, итак, ты не хочешь пойти выпить?

Я обошла его.

— Нет, спасибо. Я действительно устала.

— И ее кое-кто ждет, — монотонно сказал Абрам, натягивая свое теплое пальто.

Фитц скользил взглядом между нами.

— Кто? Ты?

— Не-а. — Абрам встретился со мной взглядом, и я была впечатлена, какие разные чувства там были: юмор, сожаление, одобрение, усталость и губительное удовольствие из-за того, что он усложнил жизнь Фитцу.

Я проверила телефон, увидев, что Мартин прислал мне два сообщения. В первом были указания о том, где его встретить. Второе гласило:

Мартин: Не уходи с группой, я подвезу тебя к моей квартире. Я не видел тебя и не разговаривал всю неделю.

Я хмуро посмотрела на второе послание, чувствуя, словно это было ненужным дополнением. Чем больше я изучала текст, тем больше это напоминало приказ. Я закатила глаза. Типичный Мартин. Я быстро напечатала ответ.

Кэйтлин: Ты мне не начальник.

Мартин: Я знаю. Но иногда я веду себя так.

Кэйтлин: Почему?

Мартин: Потому что тебе это нравится.

Я уставилась на его последнее сообщение. Оно заставило мое сердце нестись галопом. Мне нравилось это. Нравилось спорить с Мартином, бросать ему вызов, наперекор его попыткам командовать мной. Или мне нравилось это, когда мы были вместе.

Абрам был прав. Я все еще надеялась. А еще было столько всего неразрешенного между нами. Даже если бы я рассказала ему, что у меня все еще были к нему чувства и он бы ответил на них, что бы это значило? Все причины, из-за которых мы расстались, казалось, испарились, за исключением самой большой: он выбрал свою месть вместо нас... или, может быть, нет.

То, как Эмма описала всю ситуацию, прозвучало так, словно Мартин не привел в действие свой план мести. И все же он позволил мне уйти весной. Господи! Я была в замешательстве. Я не знала, могла ли ему доверять.

Тем не менее, еще была девушка с фотографий. Даже если он отказался в конце концов от своей мести, он смог двигаться дальше с кем-то другим, а не со мной.

Я рассеяно собрала свои вещи и ушла из-за кулис, лишь отдаленно осознавая, что Фитц и Абрам все еще разговаривали и что это могло иметь отношение ко мне. Я легко нашла лифты, звуки продолжающейся вечеринки постепенно затихали по мере того, как я удалялась от места событий.

Но потом я начала осознавать, что кто-то был позади меня, и повернулась, чтобы увидеть Уиллиса. Он выглядел мрачным.

Я вопросительно посмотрела на него, остановившись и обернувшись к нему лицом.

— В чем дело?

— Я думал, мы уже обсудили это.

— Что?

— Ты и Абрам. Ты и Фитц.

Я с облегчением вздохнула.

— Ничего не происходит с Абрамом. Мы с ним просто друзья.

— Что насчет Фитца? В последнее время он смотрит на тебя, словно ты суши-ролл с тунцом.

— Между мной и Фитцом ничего не происходит, по крайней мере, не с моей стороны.

Он скрестил руки.

— Не гадь мне на ноги, говоря, что это глазурь.

Лифт звякнул, оповещая о прибытии.

Между тем, я превосходно поработала над тем, чтобы не рассмеяться от мысленного образа дефекации на ногу Уиллиса, потом пытаясь выдать это за шоколадная глазурь.

— Еще раз говорю, ничего не происходит.

— Я говорил тебе прежде, что не хочу, чтобы ты отправилась в "матрасный тур".

Эту фигню между тобой и парнями нужно прекратить.

— Уиллис, я неучаствую в разборках парней. О чем бы они не спорили между собой.

Уиллис задумчиво кивнул, но потом его внимание привлекло что-то позади меня. Я повернулась посмотреть, что это было, и увидела Мартина, стоявшего внутри лифта, прищурившегося и сфокусировавшегося на Уиллисе.

— Ох... ох! — Я полностью повернулась, чувствуя, как мои щеки покраснели, пока я раздумывала, как много из этого разговора мог подслушать Мартин.

— Ты что-то хотел? — Я услышала вопрос Уиллиса.

— Да. Ее. — Мартин указал подбородком на меня, когда наклонился вперед, схватив мою руку, и втянул в лифт.

Уиллис фыркнул.

— Занимай, блядь, очередь.

— Эй! — возразила я.

Мартин проигнорировал меня, прикрывая собой, видимо, он неправильно понял, что подразумевал Уиллис.

— Не разговаривай с ней так.

Я услышала, как Уиллис фыркнул.

— Я, черт побери, буду делать все, что захочу, сынок.

Ух, ох... Из всех слов, какими мог обозвать Уиллис Мартина, "сынок", вероятно, было самое худшее.

— Когда такие громкие слова исходят от такого ничтожного человека, они теряют свою силу. Так что послушай, дедуля, ты будешь относиться к ней с уважением, или я...

— Ты ничего не сделаешь. Он ничего не сделает. — Я прыгнула на Мартина, закрывая одной рукой ему рот, а другой нажимая на кнопку закрытия двери. — Пока, Уиллис. Увидимся завтра, — прокричала я, пока закрывались двери.

Когда лифт наконец-то начал спускаться, я убрала руку от его рта и тяжело оперлась на стену позади меня, позволяя голове откинуться назад с глухим стуком.

— Этот парень придурок, — сказал он. Нет, вообще-то он прорычал это.

Я вздохнула, закрывая глаза.

— Мартин...

— Что?

— Этот парень — мой босс.

— Тебе нужен новый босс.

— Не мог бы ты попробовать быть более милым?

— А я что делаю?

— Ты не очень мил с Уиллисом.

Я слышала, как Мартин передвинулся, шелестя своим пальто.

— Он заслужил это.

— Ты неправильно понял суть разговора.

— Действительно? Я неправильно понял "Занимай, блядь, очередь"? — Он казался очень разъяренным.

Я снова вздохнула и открыла глаза, скользнув ими в сторону и всматриваясь в него.

— Да. Уиллис может быть грубым. Но он не оскорблял меня. Я уверяю.

— Не важно. Мне не нравится этот парень.

— Просто потому что тебе не нравятся люди, не значит, что ты можешь ходить тут, относясь к ним как к дерьму. Неужели так трудно быть милым?

— Это бы заняло много времени. — Он сказал это совершенно невозмутимо, и, конечно же, это заставило меня рассмеяться.

— Ох, Мартин... — Я смахнула слезы с глаз. Я смеялась так сильно, что выступили слезы, но ещё я была совершенно измученной.

Почти минуту он смотрел, как я смеялась над ним, и нехотя улыбнулся, покачав головой.

— Впрочем, я мил с тобой.

— Это должно заставить меня чувствовать себя особенной? Что ты считаешь меня достойной любезности?

— Да.

Двери открылись, и Мартин схватил мою сумку, закидывая ее на плечо и выводя меня из лифта, при этом положив руку на мою поясницу.

— Ну, это не так, — сказала я устало. — Моя самооценка не поднимается и опускается в зависимости от твоего обхождения или мнения обо мне. Я не хочу какого-то особенного обращения, а настаиваю, чтобы ты относился ко мне, как ко всем остальным.

— Этого не произойдет.

— Почему нет?

Сначала он не ответил. На самом деле он молчал так долго, что я уже было подумала, он не собирался отвечать. Он вывел меня из здания через главный вход туда, где ожидала его машина. Мужчина стоял рядом с ней, как парковщик или охранник, ожидая нас. Мартин открыл для меня пассажирскую дверь, взял за руку и помог забраться внутрь.

Но прежде чем захлопнулась дверь, я услышала, как он сказал:

— Потому что ты Кэйтлин.

Глава 9: Межмолекулярные силы и строение жидкости

В машине мы не разговаривали, наверное, потому что во время быстрой поездки я заснула. На короткое время я очнулась, когда Мартин поднял меня из машины в свои объятия. Я свернулась в клубок в его руках, потому что была сонной и от него пахло Мартином. Во время небольшой прогулки к лифту я опять заснула, но на этот раз мне приснился сон.

Мы вернулись на яхту. Солнце садилось. Воздух был горячий и соленый. Мартиннес меня по ступенькам вниз в нашу каюту. Его руки были ласковыми, нежными, нуждающимися — такими же, как и его взгляд. На нас обоих практически ничего не было надето — только остатки купальных костюмов — ощущение его кожи напротив моей, и сочетание нашего тепла было опьяняющее. Он положил меня на кровать, перемещаясь над моим телом. Затем скользнул своими мозолистыми руками под мой купальник. Прикасаясь ко мне. Я вздохнула. Я доверяла ему. Его необъятные глаза пленили мои. Он наклонился, чтобы поцеловать меня...

Вздрогнув, я проснулась в настоящем, когда он укладывал меня на кровать в моей комнате в его квартире и переместился, чтобы снять мои туфли. Мое тело горело и находилось в замешательстве. Мой разум все еще занимали сон о нас вместе и все способы, какими я отчаянно хотела его.

— Я сама. — Мой голос был дрожащим, когда я согнула ноги и немного приподнялась, сдвинув волосы с лица, нуждаясь в том, чтобы он ушел, прежде чем увидел бы мое дезориентирующее желание и замешательство.

— Засыпай. — Он схватил мою правую ногу и снял туфлю.

— Нет, я сама. — Я пошевелила ногой, пытаясь высвободиться из его захвата.

— Кэйтлин. — Его рука скользнула под штанину, лаская голень, заставив меня застыть и посыпая поток лавы из "да, пожалуйста" к моему центру. — Засыпай. Я просто сниму твои туфли.

Я не могла ответить. Его рука на обнаженной коже моей ноги предвещала потерю у меня дара речи. Его глаза были видны даже в кромешной тьме, и я не могла отвести взгляд. Насколько жалкой я была? Мартин непроизвольно прикоснулся к моей ноге, не сводя с меня глаз, а я мысленно умоляла его снять свои штаны. Потом мои. Потом наше нижнее белье. Потом...

Но он так не сделал. Он удерживал мой взгляд, пока снимал мои туфли. Он поставил их на полу в изножье моей кровати. Затем повернулся и ушел. А я испытала ощущение, кажется, сродни падению с очень высокого здания.

Вскоре я услышала мягкий щелчок двери, легла обратно на кровать и уставилась в потолок, беспокойная и переутомленная, мой центр пульсировал, горел от желания. Я старалась удержать дыхание под контролем так же, как силу и остроту моих желаний.

И странная мысль пришла мне в голову.

На самом деле, не такая уж странная. Я прикасалась к себе раньше, но никогда с тех пор, как была с Мартином. Раньше это было что-то вроде эксперимента, исследование натуры, подкрепленное равнодушным любопытством. В то время я хотела довести себя до оргазма, потому что хотела узнать, на что это было похоже, о чем весь сыр-бор. Мой эксперимент ничего не принес, вместо этого я почувствовала себя неизмеримо глупой.

Но сейчас призрак моей мечты и его устойчивый запах заполнили комнату, и мысль уже не казалась такой глупой. На самом деле я все еще могла ощутить его запах на себе — дорогое мыло и лосьон после бритья. Мое желание, моя тяга к нему внезапно стали чем-то непреодолимым. Я не могла дышать. Я задыхалась от этого.

Я знала, что он был в квартире. Я могла слышать, как он ходил. Закрыв глаза, я представила его. Расстегнув рубашку, я отстегнула лифчик спереди, позволив другой руке спуститься вниз по животу к брюкам, под пояс, в трусики. Я действовала, как на автопилоте, мои движения были навязчивыми.

Я уже была мокрой. И когда прикоснулась к себе, меня ошеломило, какой чувствительной я была, какой восприимчивой. Я посмотрела вниз и представила, что Мартин смотрел бы на меня, видел бы то, что видела я: мои пальцы на обнаженной груди, мой гладкий живот, освещенный только огнями большого города, мое запястье, исчезающее под поясом смокинга.

Возможно, он сидел бы на краю кровати, говоря мне сделать это. Наставляя, восхваляя меня и говоря нежные — но при этом грязные — слова ободрения. Просто мысли о нем, видящем меня вот так и получающем удовольствие от этого, сделали мое дыхание прерывистым, и я ощутила, что была близка к краю освобождения.

Я в нетерпении расстегнула брюки и раздвинула ноги. На этот раз я представляла его на стуле в конце кровати. Он мог бы видеть меня, всю меня и просто молчаливо рассматривать. Возможно, на нем был бы надет костюм, молния на брюках была бы расстегнута и открыта, и он поглаживал бы себя...

Иии... это случилось. Я кончила. Я уткнулась лицом в подушку, чтобы не закричать. Если бы я продолжила фантазировать, то предусмотрела бы, что воображаемый Мартин тоже достиг бы освобождения и удерживал бы мой взгляд, когда мы бы вместе кончали.

Я пришла в себя относительно быстро, произошедшее оставило меня вымотанной, но неудовлетворенной. Я убрала руки от своего тела и отвернулась от двери. Потом натянула рубашку, застегивая, поджала колени к груди и уставилась в окно с видом на Центральный парк, на высокие здания с их мерцающими вдалеке огнями.

Холодный комок из пустоты поселился в моем животе. Я наконец-то поняла, почему Абрам пытался заставить меня обдумать вариант с парнем для отвлечения.

Горячее тело. Мягкие прикосновения. Нежный поцелуй и шепот. Это все имело значение. Правда, они бы не заполнили пустоту, но смягчили бы боль от падения.

Мой подбородок задрожал, и я постаралась дышать нормально. Глаза щипало. Я боролась с желанием заплакать, яростно кусая нижнюю губу, сосредоточившись на добровольной боли, которую я причиняла своими зубами, а не на зияющей дыре в моей груди, которая так и не подавала признаков заживления.

Но потом я вздрогнула и напряглась, потому что услышала безошибочный звук открывающейся двери в мою спальню. Я затаила дыхание и крепко зажмурилась, слава Богу, что сейчас я была не лицом к окну.

— Кэйтлин? — прошептал он. Мурашки побежали по моей коже от звука его голоса, но я не ответила.

Черт, я не могла дышать. Я не хотела, чтобы он видел меня. Я была уверена, как только он увидел бы мое лицо и переднюю часть моей одежды, он понял бы, чем я тут занималась. Я не хотела, чтобы он знал. Если он посмотрел бы в мои глаза, то узнал бы, что я всё еще сходила с ума по нему. И если был хоть малюсенький шанс, что он посмотрел на меня с жалостью, я не хотела этого видеть.

Поэтому я ничего не сказала.

Я почувствовала, что он подошел ближе. Он нависал над краем кровати. Мартин поставил что-то на прикроватный столик... звук был словно от стакана. Сердце стучало в ушах, и я зациклилась на этом, игнорируя желание повернуться к нему и выставить себя дурочкой, рассказать ему, что мне было все равно, даже если он меня не любил. Я любила его. Я хотела его. Я нуждалась...

Я настолько сильно сосредоточилась, что вздрогнула от удивления, когда ощутила одеяло, мягко укрывающее мои плечи. Мои веки автоматически испуганно открылись, и я увидела Мартина, стоящего передо мной и накрывающего одеялом из шкафа.

— Засыпай. — Он снова прошептал это, внимательно проследив очертания одеяла, наверное, чтобы убедиться, что я была полностью накрыта.

Но потом его глаза переместились к моим, и наши взгляды столкнулись, или, по крайней мере, это ощущалось так для меня, словно лобовое столкновение. Он замедлился и остановился. Он выглядел удивленным.

— Что, — начал он и замолчал, потом пристально посмотрел на меня. Он казался смущенным от того, что увидел. — Ты всё ещё злишься на меня из-за Уиллиса?

Я покачала головой.

— Нет. Просто устала. — Мой голос был грубым, сбивчивым.

Он нахмурился, слегка подняв подбородок, и я могла сказать, что он мне не поверил. Его глаза скользили по моему телу, которое теперь было накрыто одеялом, и хмурились с явным подозрением.

— Что ты делала...

Я прокашлялась, прерывая его.

— Я устала. Спокойной ночи, Мартин.

Я уткнулась головой в подушку, мои волосы обеспечили скрывающую завесу. Особенно прямо сейчас, при виде на него, все стало сложнее, болезненней.

Он ушел не сразу. Прошло несколько секунд, мое сердце с каждым мгновением поднималось все выше к горлу. Но потом я услышала, что он ушел: его шаги по деревянному полу, мягкий щелчок двери.

И впервые за последние несколько месяцев я заплакала.

* * *

Я дождалась, пока не услышала, что дверь в комнату Мартина закрылась. Ещё через десять минут я обмоталась полотенцем и прошла на цыпочках в ванную. Мое лицо было красное и покрыто пятнами, а глаза зудели от странного приступа слез. Нахождение под горячими струями душа сотворило чудеса с моим душевным спокойствием. Мне потребовалось время, чтобы вымыть волосы и намылить тело, наконец-то выключив воду, я почувствовала тепло, умиротворение и гораздо большее спокойствия.

Вернувшись обратно в спальню, я быстренько переоделась в пижамные штаны для йоги, в одну из моих футболок с концертов "Death Cab for Cutie"⁵⁵, которую использовала в качестве пижамы, и носки с Авраамом Линкольном. Как раз, когда я забиралась обратно в

⁵⁵ Death Cab for Cutie (часто сокращают до Death Cab) — американская инди-рок группа, основанная в Беллингеме, штат Вашингтон, в 1997 году.

кровать, мои ноги зацепились за что-то под ней. Я включила свет и наклонилась, чтобы посмотреть под матрас.

Это были чулок и подарки Мартина. Я совсем забыла о них в своей сонливой — потом возбужденной, затем депрессивной — дымке. Я вытащила их из тайника и выключила свет переключателем. Прижав подарки к груди, я задержала дыхание, прислушиваясь к любым звукам движения, идущим из других мест в квартире. Насколько я могла различить, все было тихо.

Я снова на цыпочках вышла из комнаты, на этот раз направляясь к камину. Я раздумывала, что могла как-нибудь повесить его чулок, а потом положить остальные подарки на камин. Но, войдя в гостиную, застыла на месте, и у меня отвисла челюсть от удивления.

Мартин купил елку.

Она была маленькой, как рождественская елка Чарли Брауна⁵⁶, высотой не больше чем четыре фута. Малютка-елка была в жестяном ведре, покрытом белыми огоньками, еще пока ничем другим не украшенная, даже без звезды на верхушке.

Однако, не елка была ответственна за мое оцепенение. Причина, почему я стояла по ту сторону коридора, всё еще сжимая подарки Мартина, с выражением шока и ужаса, из-за того, на чем стояла елка.

Его простая рождественская елка покоилась на верхней части старинного пианино "Стейнвей". На пианино была большая красная лента и бант, обернутый вокруг. Я не могла пошевелиться. Это была самая красивая картинка, которую я когда-либо видела. Маленькое минималистское дерево, классическое пианино с большим красным бантом — оба находящиеся около камина Мартина из серого камня в его теплой, уютной книжной гостиной. Окна по другую сторону от камина открывали вид на заснеженный Нью-Йорк позади.

Такое чувство, что я смотрела на картинку в журнале. Если бы я увидела эту картинку в глянце, то задержалась бы на странице, возможно, даже вырвала бы ее и поместила бы в файл моей идеальной жизни. Я не могла пошевелиться, потому что не хотела двигаться. Я хотела остаться в этой картинке навсегда.

— Что ты делаешь?

Я вззизгнула, подпрыгнула и неизящно повернулась на звук голоса Мартина, задыхаясь от тяжелого шокированного вздоха. Я изо всех сил пыталась удержать в руках пакеты, но в миг все поплыло перед глазами, и моя хватка ослабла. Мартин бросился вперед,

⁵⁶ Фраза "Рождественское дерево Чарли Брауна" использовалось в США и Канаде, чтобы описать бедно выглядящее или некрасивое маленькое дерево. Фраза появилась из-за рождественской ели Чарли Брауна из телевизионного сериала "Рождество Чарли Брауна".

увидев, что я уже роняла коробку, и поймал ее одной рукой, в то время как другой удерживал меня.

— О Боже мой, ты напугал меня. — Я закрыла глаза, мое сердце стучало в горле, пока не поутих поток адреналина.

Его рука скользнула с моей талии к плечу, сжимая его.

— Я думал, ты была уставшей.

— Была. Я имею в виду, я устала. Но я ожидала, что ты пошел спать.

— Я слышал, как ты принимала душ, и не мог уснуть.

— Ты не мог уснуть, потому что я принимала душ?

Игнорируя мой вопрос, он вместо этого спросил:

— Ты в порядке?

Я кивнула, немного рассмеявшись и взглянув на него одним глазом.

— Ты прозевал Санта-Клауса. Он сбросил эти вещи для тебя, но ушел, обидевшись, когда не нашел коржиков.

Он пожал плечами, ослепительно мне улыбнувшись.

— Эти кровавые коржики мои. А толстяку нужна диета.

Это рассмешило меня еще сильнее, и мы оба закончили смеяться вместе через несколько минут. Как только веселье и удовлетворение от нашей общей шутки прошло, я поймала Мартина за разглядыванием подарков в моих руках.

— Что это?

— Просто несколько вещичек, которые я увидела и подумала, что тебе может понравится.

Он поднял взгляд, его улыбка становилась мягче, когда его глаза изучали мое лицо.

Он спросил в удивлении:

— Это все мне?

— Да. Но предполагалось, что ты не будешь знать об этом до утра. Поздравляю, ты разрушил Рождество.

Мартин сжал губы вместе и окунул меня взглядом, напоминающим наше время на яхте прошлой весной, словно я была прекрасной и странной.

— Технически, уже утро.

— Ох, ну в таком случае... — Я шагнула вперед и водрузила изобилие упакованных подарков ему на руки. — Счастливого Рождества, Мартин.

Он принял их осторожно, смещаясь в сторону, чтобы убедиться, что ни один из них не упал бы.

— Иисус, Кэйтлин!

— Точно, Иисус. — Я кивнула. — Иисус — причина сезонная.

Это только снова его рассмешило, пока он изо всех сил пытался удержать свою охапку.

— Я имею в виду, помоги мне донести все эти вещи до дивана.

Ухмыльнувшись ему, я взяла самую ненадежно примостившуюся коробочку и повернулась к дивану, немного споткнувшись, когда мой взгляд снова упал на пианино и елку. Прилив неопределенного счастья распространился от желудка к конечностям.

— Тебе нравится? — спросил он позади меня, очевидно заметив, что перехватило мое внимание.

— Это для меня? — спросила я, нахлынувшие эмоции: смущение, надежда, обнадеживающее замешательство — заставили мое горло сжаться.

Я слышала, как он положил вещи на диван, и почувствовала жар его тела прямо за спиной, прежде чем его руки обхватили мои плечи, а его щека прижалась к моему виску.

— Конечно же, это для тебя. — Его урчащий голос был немного громче шепота.

Я положила руки на его предплечья и сжала, довольная тем, что он не мог видеть мое лицо, потому что я была поражена. Мои надежды и сомнения выдали себя, пытаясь прийти к соглашению, чтобы я могла понять, что означал его подарок. Мне пришлось прочистить горло, прежде чем заговорить:

— Я... я не понимаю.

— Чего не понимаешь? Это пианино. Парень настроил его вчера, и оно готово для тебя. Можешь что-нибудь сыграть.

— Сейчас?

— Да. Сейчас.

Я не могла этого сделать. Я не хотела трогать его. Если я прикоснулась бы к нему, тогда захотела бы сохранить его, а эта квартира была не моя, чтобы что-то оставлять. И когда пришло бы время нашего расставания, что было неизбежно, я могла потерять кое-что.

Нет. Пианино было не мое, как и Мартин больше не был моим.

Поэтому я покачала головой, отбрасывая эти сентиментальные мысли, и вместо этого решила его поддразнить:

— Ты подарил мне пианино для своей квартиры.

— Да.

— Так что придется навещать тебя, чтобы поиграть.

— В этом и была задумка.

— Так это шантаж

— Это мотивация.

Я позволила голове опуститься на его плечо и взглянула на него.

— Это подкуп в наилучшем виде.

Он ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Это заманчивое предложение.

— Лучше не пытайся соревноваться со мной в подбиении синонимов. Давай остановимся на заманчивом вымогательстве.

— У меня с этим все в порядке.

— Но тебе не стоило покупать мне пианино с целью обеспечить мой приезд. Друзья навещают друг друга. Если ты захочешь, чтобы я приехала, просто попроси меня.

Его руки напряглись, а потом отпустили меня. Я почувствовала, как он отошел, и услышала его тихий вздох.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— А мы закончим этот разговор? — Я повернулась, увидев, как он вышел.

— Да. Но мне нужно немного виски, чтобы закончить этот разговор, — крикнул он из кухни.

— Виски? Ты пьешь виски?

— Да. Он хорош. Тебе бы понравилось.

— Полотенца с монограммой, визитные карточки, модные часы, угловой офис, а теперь еще и виски. Словно я уже не знаю тебе больше. Ты сейчас занимаешься гольфом? Довольно скоро ты выйдешь на пенсию и переедешь в Майами.

Он расхохотался, появляясь с двумя бокалами и двумя бутылками красной жидкости без этикетки.

— Хорошо. Никакого виски. Как насчет сангрии⁵⁷?

— Ох! Я буду сангрию.

Я передвинула все подарки с центра дивана в противоположный конец, пока он наливал нам обоим по бокалу, располагаясь с другой стороны. Сангрия была очень-очень хорошей. На вкус даже не ощущалось, что там был алкоголь, если не считать немножечко красного вина.

Я потягивала свою.

Между тем, Мартин поспешно глотнул из своего бокала, а потом снова наполнил его.

— Итак... — Я взглянула на него, пока он рассматривал свое добро.

— Как я и сказала, просто попроси — и я приеду в гости.

⁵⁷ Сангрия — испанский среднеалкогольный напиток на основе красного вина с добавлением кусочков фруктов, сахара, а также небольшого количества бренди и сухого ликёра.

— Хорошо.

— Тебе не стоило покупать пианино.

Он сделал еще один глоток своей сангрии, после чего отставил бокал в сторону. Выбрав коробочку, он разорвал упаковку и небрежно сказал:

— Я знаю, что мне не стоило покупать тебе пианино, но мне нравится слушать, как ты играешь, намного больше, чем те вещи, которые ты играешь в группе. Я хочу слушать твою музыку, те композиции, которые сочинила ты сама.

Он ухмыльнулся, когда выяснил, что же было внутри оберточной бумаги, и отложил это.

— Мне нравится. Я воспользуюсь этим, когда буду отсыпать тебе письма.

Это был письменный набор с ленивым рыбаком. Моя грудь наполнялась теплом — хорошая причина дарить кому-либо подарок и понимать, что ему он нравился. К тому же... письма от Мартина.

— Открывай остальные. — Я подпрыгивала на месте, пребывая в радостном волнении от открытия подарков и бросая ему дозатор для мыла в виде Хоббита, но незаметно спрятав виниловую пластинку Стиви Уандера. Я чувствовала себя немного странно от этой записи. Когда он поставил для меня "Очень счастливый" на яхте, это ощущалось, словно он пытался поделиться со мной. Но эта запись была всего лишь записью, ведь так? Или, может быть, нет.

Я отбросила свое беспокойство подальше и сделала большой глоток сангрии.

Он покорно открывал свои подарки, смеясь, улыбаясь и просто в целом фантастически проводя время. Я впитывала всё это: прекрасные чувства и его выражение счастья — сохраняя это на потом, накапливая на случай, если мне понадобились бы воспоминания. Ещё я выпила два стакана сангрии и начала подозревать, что в ней содержалось гораздо больше алкоголя, чем в простом красном вине.

— "Принцесса-невеста"? — Он пролистал первые несколько страниц книги, его брови вопросительно выгнулись.

— Тебе понравится. Там полно напарников и второстепенных персонажей, например, великан, который сочиняет стихи, и мужчина, разыскивающий другого мужчину, убившего его отца, и у него шесть пальцев, и...

— Разве это не фильм?

— Да. Они оба замечательные, но тебе нужно сначала прочитать книгу, а потом уже посмотреть фильм. И смотри. — Я наклонилась вперед, пролистав страницы к началу и указав на завитушку автографа: — Эта подписана автором.

Я бросила ему довольную ухмылку, отчего он улыбнулся в ответ. Откинувшись обратно на своем сидении, ощутила тепло и небольшое головокружение, сангрия и недостаток сна сказались на моей голове.

— Спасибо тебе, — сказал он мягко. — Я прочту ее следующей. Потом ты приедешь на пиццу, и мы посмотрим фильм.

— Звучит неплохо. — По некоторым причинам эта мысль вызвала у меня грусть, будущее, в котором предполагалось, что я приехала бы навестить его через пару недель и посмотрела бы "Принцессу-Невесту".

Я с тихим вздохом протянула ему последний подарок, чувствуя необъяснимую нервозность из-за записи и благодаря его за напитки, которые он предложил перед подарками и разговором.

Часть меня надеялась, что когда он открыл бы подарок, то посмотрел бы на это как на простую запись музыканта, который ему нравился. Другая часть надеялась, что он прочел бы в этом нечто большее и сказал бы мне, что желал того же, но я не задерживала дыхание. Мартин был не из тех, кто загадывал желания. Когда он чего-то хотел, он брал это или, по крайней мере, говорил об этом.

Если бы он все еще хотел меня, тогда бы уже что-то сделал, что-нибудь сказал. Поэтому... не стоило задерживать дыхание.

Он откинул бумагу, его большая ухмылка все еще была на месте. Потом он перевел взгляд на лицевую сторону альбома, и его ухмылка исчезла. Он заморгал. Густая и горячая кровь пульсировала в венах, и я боролась с желанием закрыть лицо руками. Тем не менее я не спряталась. Вместо этого я подбадривала себя, решив, что приняла бы все, что произошло бы дальше, как взрослая.

Казалось, что он смотрел на обложку записи целую вечность, и когда он наконец-то взглянул на меня, то всего лишь перевел на меня взгляд. Какая-то дикость и отстраненность в его глазах резали, словно острый меч. Он рассматривал меня. Воздух в квартире изменился, стал тяжелее, жарче.

— Ты сожалеешь об этом? — спросил он, глядя в сторону, его голос был холодным и спокойным. Он положил запись на кофейный столик вместе с другими подарками.

Я сильно сглотнула и смогла прохрипеть:

— Что?

— Ты сожалеешь о том, что мы сделали? — Его взгляд снова вернулся ко мне, удерживая мой, подталкивая к ответу. — Что я был твоим первым? Первым парнем, в которого ты...

— С которым у меня были отношения, основанные на химической реакции?

Его гримаса подсказала мне, что ему не понравился мой выбор слов. Но эта фраза сорвалась с языка в слабой попытке защитить мое сердце, в некой инстинктивной потребности удержать разговор от того, чтобы он не стал слишком серьезным.

Мартин исправил:

— Была влюблена.

Я уставилась на него, давая своему ноющему сердцу время успокоиться, задумавшись, могла ли я быть дерзкой или честной. В конце концов, я решила быть дерзкой и честной одновременно, потому что сангрия сделала меня храброй, но недостаточно храброй, чтобы рискнуть всем.

— Нет. Нет, вовсе нет. Я не жалела ни о чем. Во-первых, ты довольно красивый, ты же знаешь. Даже горячий. Я никогда не буду сожалеть, что получила хоть что-то из этого. — Я указала на него, затем указательным пальцем описала круг, заставив его слегка улыбнуться и закатить глаза.

Вынужденный слегка смущенный смех получался чертовски хорошо у Мартина Сандеки.

— А, во-вторых, ты, казалось, действительно знал, что делал, знал, как сделать вещи проще, лучше для меня. Поскольку я собиралась потерять свою девственность в какой-то момент, конечно же, я хотела потерять ее с опытным человеком.

Тогда он перестал улыбаться, веселье в его глазах угасло, а его рот изогнулся в нечто, что было не совсем хмурым видом.

— И наконец... — начала я, но остановилась, решив отказаться от того, чтобы быть дерзкой и просто абсолютно честной, однако, мои глаза остались прикованными к штанам для йоги.

— И наконец я была влюблена в тебя. Я хотела тебя и не из-за всего этого, — я снова указала на него указательным пальцем и описала круг, — но потому что я хотела тебя, Мартин, все, кем ты был, как ты заставлял меня себя чувствовать и как, надеюсь, я заставляла чувствовать тебя.

Я сделала паузу, глубоко вздохнув для храбрости, после чего встретилась с ним взглядом снова и добавила:

— Я хотела тебя.

— Я тоже был влюблен в тебя.

От его слов я почувствовала, словно на мой день рождения кто-то спустил все шарики. Я вяло улыбнулась ему, затем отвела взгляд, но ничего не сказала, потому что знала, что он на самом деле никогда не любил меня. Это знание было сейчас, как кость в горле.

Если бы он любил меня, то выбрал бы нас вместо своей мести.

Если бы он любил меня, как я любила его, то он не чувствовал бы сейчас платоническое безразличие по отношению ко мне. Ему было бы не достаточно просто быть моим другом. Он бы боролся так же, как и я.

Если бы он любил меня, как я любила его, то поиск Мартина Сандеки в Google не выдал бы его фотографий с симпатичной рыжей, которая, в чем я была убеждена после последнего разговора с Эммой, была его последней девушкой.

Я глянула на свой стакан. Он снова был пустым.

— Что?

— Что — что?

— Почему ты так на меня смотришь?

— Потому что я в ауте от сангрии.

— Нет. Прежде ты смотрела на свой стакан. — Его глаза сузились с подозрением. — Ты не веришь мне. — Об этом он заявил так, как будто мысль только что пришла ему в голову.

Я уклончиво пожала плечами и потянулась за бутылкой слева от меня, намереваясь налить в стакан побольше, чтобы напиток не заканчивался так быстро.

— Ты не веришь, что я любил тебя. — Он констатировал это как факт, и я ощутила, как настроение в комнате изменилось от дружелюбного к враждебному.

— Угу... — Я снова пожала плечами. — Какая теперь разница? Это в прошлом.

— Это важно. — Его возрастающий гнев стал почти осозаемым.

Я ощущала всплеск яростного негодования и попыталась отстраниться от своих ощущений по этому поводу, потому что, если бы я не сделала этого, то все закончилось бы тем, что на его лице оказалась бы сангрия.

Вместо этого я попыталась быть pragmatically правдивой.

— Ну, если от этого тебе станет лучше, то я уверена, что очень сильно нравилась тебе. И было очевидно, что ты делал героическое — но неудачное — усилие, чтобы почувствовать что-то большее.

— Ого. — Он вдохнул, потом снова выдохнул, словно я выбила из него весь воздух.

— Все действительно звучит дерзковато, когда ты говоришь это вслух.

Ага. Он был супер-пупер взбешенным.

Но я не чувствовала сожаления из-за того, что сказала, может быть, небольшой укол вины, но не сожаления. Он был королем грубой (и резкой) честности. Если ему не нравилось или он не мог справиться с моей честностью, то это было чертовски плохо.

Независимо от уверенности в собственной честности, беспокойство и тревога поселились в моей груди. Я заставила себя взглянуть на него.

— Послушай, изворотливые штанишки, прислушайся к фактам...

— К черту факты. — Его глаза адски горели, но его голос был на удивление низким и тихим.

— Ну, вот видишь, в этом мы расходимся. — Я махнула ему своим вновь заполненным стаканом, но отвела взгляд. — Это пример. Твой язык общения. Ты не видел проблем, разговаривая со мной вот так, никогда не видел. Так не разговаривают с людьми, которых любят.

— Так разговаривают, когда увлечены кем-то.

— Нет. Это ненормально. Это неуважительно.

— Мы все не можем быть равнодушными роботами.

Я проигнорировала это заявление, очевидно сделанное с намерением ранить мои чувства, и высказалась, напоминая другие факты:

— А потом ты выбрал месть твоему отцу вместо нас.

— А ты выбрали карьеру своей матери вместо нас.

Я кивнула.

— Да. Да, это так. Потому что так было правильно.

— Не дай Бог тебе сделать что-нибудь для себя. Не дай Бог тебе быть эгоисткой всего на одну, блять, секунду и позволить своей страсти взять то, что ты хочешь. — Это было сказано сквозь стиснутые зубы. Могла сказать, что его раздражительность увеличивалась и он изо всех сил пытался удержаться, чтобы вместе с этим не повысить свой голос.

— За счет хороших, невинных людей? Это не любовь, Мартин. Любовь должна сделать тебя лучшим человеком, любовь должна... — Я двигала руками по кругу, расплескав немного вина на его кожаный диван. Я вытерла его нижней частью своей футболки, подбирая нужные слова. — Она должна изменить твой характер в лучшую сторону, не уничтожить. Если ты любил меня, если бы ты хотел как лучше для меня, тогда бы ты не захотел, чтобы я разрушила карьеру моей матери из-за моего собственного эгоизма.

— Я хотел, чтобы ты выбрала меня. — Он не кричал, но было заметно, что он едва контролировал свой порыв припугнуть силой своего голоса.

Я тихонечко ответила:

— А я хотела, чтобы ты выбрал меня.

Он посмотрел в сторону, на его виске бился мускул, линия челюсти и губ стала резкой.

Я пожала плечами.

— Поэтому я выбрала благоразумие, а ты — страсть, а эти два чувства несовместимы.

— Я выбрал страсть?

— Да. Месть твоему отцу.

Он медленно кивнул.

— Да. Я был одержим этим. — Его слова стали неохотным признанием, когда его глаза уставились на что-то поверх моего плеча.

— Это любовь всей твоей жизни. — Слова сорвались с языка, прежде чем я смогла понять, и я мгновенно пожелала забрать их обратно. Одно дело — быть честной и совершенно другое — полностью раскрыть свою обиду. Мартин вздрогнул, словно я ударила его.

Я не хотела, чтобы это было жестоко, но это вышло жестоко. Мое сердце сжалось от резкой боли, потому что я видела, что мое необдуманное заявление причинило боль Мартину. Я не хотела сделать ему больно. Это было совсем не то, чего я хотела.

— Моллюски, — сказала я, качая головой, пытаясь придумать, как извиниться и при этом не выставить себя еще больше злой ведьмой. — Извини, Мартин. Извини. Я зря это сказала.

— Это правда. Это то, кого ты видишь, и то, кем я являюсь. — Его тон был холодный, наполненный неприязнью и сарказмом. — Ты все еще думаешь, что я высокомерный мудак, и это все, кем я всегда буду для тебя. — Последняя часть прозвучала так, словно он говорил сам с собой.

Я скривилась.

— Я не хотела сделать тебе больно.

— Слишком поздно. — Это заявление сопровождалось злобной усмешкой.

Другой острый укол сильно ударил меня в сердце, и я ощущала холод и небольшую тошноту.

— Ладно, ну, тогда я официально сволочь. Я принимаю этот титул и выводящие из себя взгляды, которые сопровождают его. — И снова я не могла встретиться с ним взглядом. Я заняла себя опустошением своего бокала.

— Паркер, — вздохнул он, очевидно расстроенный, потирая лицо руками. — Мы можем оставить это в прошлом?

Я кивнула, по-прежнему глотая, и в конце концов смогла ответить искренне, но, пожалуй, слишком громко и с невнятной речью.

— Да! Да, давай никогда не говорить о прошлом снова.

— Это не то, что я имел в виду.

— Сандеки. — Я наклонилась вперед, оставляя свой стакан на столе и подобрав под себя ноги в центре подушки, вставая на колени прямо перед ним. — Несмотря на всю мою ужасность, я действительно хочу, чтобы мы были дру...

— Ты напилась, Кэтлин? — Он прервал меня, сверкая глазами с опасной смесью отчаяния и едва сдерживаемого гнева.

— Нет. Я просто пьяная достаточно, чтобы сказать, что у меня на уме, и не ломать над этим голову.

— Что ты делала ранее в твоей комнате, прежде чем я вошел?

Я замерла и уставилась на него, на меня обрушился шок от взволнованного замешательства. Его вопрос оказался неожиданным, заставил меня задержать дыхание. Уверена, что выглядела виноватой, потому что именно так я себя чувствовала. Он смотрел на меня с высокомерной уверенностью, как будто уже знал ответ, словно думал, что я была трусишой.

Я почувствовала себя безоружной.

Я все же никогда не смогла бы сказать ему правду.

— Я... я была...

Он не дал мне шанса солгать.

— Если я поцелую тебя прямо сейчас, ты вспомнишь это завтра?

— Зачем ты... зачем ты меня поцелуешь? — Я не поспевала за этим разговором.

— Потому что ты красивая. Потому что я хочу. — Его взгляд переместился на мои губы, и он казался совершенно агрессивным, в то время как мое сердце билось в горле.

— Правда? Ты серьезно? Или ты настолько пьяный, что чувствуешь ностальгию?

— Нет. Я просто достаточно подвыпивший, чтобы сказать то, что у меня на уме, и не ломать над этим голову. — Он смытировал мои предыдущие слова сквозь стиснутые зубы.

Я ничего не могла с собой поделать и задала свой следующий вопрос, потому что мне нужно было знать:

— Будет ли это что-то значить?

— Целовать тебя всегда что-то значило для меня. Будет ли это что-то значить для тебя? — Несмотря на свою злость, он, казалось, тщательно подбирал слова.

— Думаю, это бы смутило меня. А мы... мы все еще будем друзьями? После этого? Если мы поцелуемся? — Я не могла тщательно подбирать слова. Они вылетели из моего рта, как груда сбивающего с толку хаоса.

Он пожал плечами, словно ему было все равно, но его взгляд стал резким, угрожающим.

— Если ты этого захочешь.

Его ответ ощущался, как удар в живот, потому что я не хотела быть его другом, не совсем. Я хотела, чтобы он любил меня. Я хотела, чтобы он все еще желал меня, как желала его я. Но я хотела быть его другом, потому что это было правильно. Потому что я волновалась за него. Потому что я хотела, чтобы он знал, у него было безопасное место.

Эта перемена причиняла боль, и прилив разочарования прорвался к поверхности моей души, заставляя мое горло сжаться. Я всё еще ничего не могла поделать с отчаянным желанием, закручивающимся в нижней части моего живота просто от одной мысли о поцелуе, всего лишь еще один раз. Я хотела его так сильно.

Мартин наклонился вперед, его глаза пленили мои, хотя они и были сердитыми, граничащими с враждебностью. Он положил руку на мое бедро, продвигаясь вперед, его большой палец скользил вверх-вниз, привлекая все мои ощущения к теплу его ладони.

— Что если мы поцелуемся и я прикоснусь к тебе? Что если мы трахнемся? Ты будешь помнить это завтра?

— Да, я буду помнить. Но я не понимаю, зачем тебе делать это. — Намек на мольбу появился в моем голосе, а мои глаза жгли непролитые слезы. Мартин остановил свое продвижение, теперь только десять дюймов отделяли нас, его глаза вглядывались в мои.

— Это будет что-то значить для тебя? — спросил он мягко, затем его голос стал немного грубым, когда он спросил: — А между друзьями может быть секс? Без обязательств? Можем ли мы просто доставить друг другу удовольствие на одну ночь?

Рука Мартина продвинулась на дюйм выше по моему бедру, передавая тепло своих пальцев ближе к моему центру. Было очевидно, что он был зол на меня, поскольку его прикосновения ощущались мстительными, наказывающими своей мягкостью.

Я покачала головой, хотя мое тело, а в особенности область рядом с моими трусиками, было в огне из-за него, из-за его прикосновений, из-за его внимания. Боль была физической, создавая трудности в формулировании слов.

— Я не так устроена, — призналась я неловко, мой голос дрожал, когда я сжала руки в кулаки, потому что они начали дрожать. — Я думаю, еще одна ночь вместе просто с целью доставить друг другу удовольствие будет концом наших отношений.

К тому моменту, как я закончила говорить, всё мое тело дрожало от усилий, чтобы удержать себя подальше от него.

Я прочитала в его глазах голод, но еще увидела обиду и злость. Его пальцы сдвинулись с моего бедра, а я поймала его руку, прежде чем он смог бы полностью отстраниться. Я бережно держала ее в своих ладонях, и он позволил мне это.

Мой голос был дрожащим, а в глазах потемнело, когда я собрала все свое оставшееся мужество и сказала:

— Мартин, извини за то, что я сказала. Я вижу, что ты злишься на меня, я сделала тебе больно, и мне жаль. Но я не хочу потерять тебя окончательно. Не снова.

Злость в его взгляде утихла, но не исчезла полностью. Он кивнул, проскрежетав челюстью, и отвел глаза.

Он воспользовался моей хваткой на его руке и потянул меня вперед, но я сопротивлялась, чувствуя, как саднило кожу. Я не доверяла ему и, конечно же, не доверяла себе, чтобы противостоять ему.

Его взгляд снова поднялся ко мне, когда он почувствовал мое сопротивление. Он взглядывался в мое лицо, вероятно увидев мое смущение, боль и опасения, потому что его глаза сразу же наполнились чем-то, что выглядело похожим на прилив сожаления.

— Извини, Кэйтлин. Я... Боже, я такой придурок. Извини. — Сказав это, Мартин поднял руку, больше не удерживая меня, и смахнул большим пальцем две упавшие слезинки с моей щеки, его ладонь двинулась обратно по моей челюсти, бережно держа мое лицо.

— Иди сюда. — Он сглотнул, и я увидела, с каким усилием он это сделал. Он снова потянул меня за руку, и в этот раз я позволила ему прижать себя к его груди. Он переместил нас обоих на диване, пока мы не легли горизонтально, я полулежала на нем, уютно устроившись между его телом и диваном.

Я была так растеряна.

— Извини, — сказал он снова. — Извини меня.

Я всхлипнула.

— И ты меня. Я тоже извиняюсь. Я не хотела сделать тебе больно.

Его рука сжала меня.

— Ты прощена, и очевидно ты была права: я все ещё придурок.

Что-то в том, как он сказал "я всё ещё придурок", заставило меня чуть-чуть рассмеяться, но неопределенность и томительная боль в моей груди мешали мне расслабиться, когда я растянулась возле него. Его предложение использовать тела друг друга ощущалось как оскорблениe, словно надругательство над священностью того, чем мы были связаны, по крайней мере, с моей стороны, и предполагаемой дружбой и доверием, которое мы построили.

И до сих пор...

Я почувствовала, как он нежно гладил мои волосы, другой рукой удерживая мою, играя с ней. Он поднял мои пальцы к своим губам и легонько касался их, лаская поцелуями кончики и костяшки пальцев. В конце концов я заставила себя расслабиться, смятение превратилось в грусть и наконец в изнеможение.

Моя щека уперлась в его грудь там, где билось его сердце, и я слушала его медленное, а потом равномерное биение, убаюкивающее меня.

Глава 10: Химическое равновесие

Я проснулась в своей постели с Мартином в качестве матраса.

Что означало, мы были в моей постели и я растянулась поверх Мартина. Я нахмурилась, исследуя свою память, чтобы подготовить себя полностью, если у нас был безумный секс, а я отрубилась во время этого. Но потом я вспомнила все из поздней ночи/раннего утра и вздохнула — одновременно сильно разочарованная и спокойная от облегчения. Он, должно быть, отнес меня в мою комнату и решил остаться со мной, ожидая моего пробуждения, а я была такой истощенной, что не проснулась.

Поступок очень по-мартиновски. Он был умен, поэтому знал, что я избегала бы его этим утром после вчерашней неловкости. Но я не смогла бы избежать Мартина в своей постели.

— Ты уже проснулась?

Я кивнула в подушку, поворачиваясь лицом к нему. Я приоткрыла глаза и изучающе посмотрела на него. Было очевидно, что он не спал уже какое-то время. Я проверила, где были мои руки, где были его руки, и так далее. В принципе ни одно из наших прикосновений нельзя было назвать недружескими или неуместными, но я воспользовалась возможностью, подняв и переместив ногу, как бы между прочим, между его.

— Да. Но с трудом, — пробормотала я, зевая.

— Хорошо. Я умираю с голоду.

Он слегка ущипнул меня за ребра, заставляя подпрыгнуть и запищать. Воспользовавшись моим невольным приступом, он перекатился на меня, захватывая и пленяя мой взгляд своим, напоминая мне момент девять месяцев назад прямо перед тем, как я потеряла девственность. Мое горло было сухим, как пустыня Сахара. Я злилась румянцем, но не могла отвести взгляд.

Он был сексуален. Эпической противозаконной сексуальностью. Внезапно я проснулась окончательно и поняла, что была не в силах пошевелиться.

— Паркер, что случилось ранее этим утром ничего не меняет, и я говорю не о дозаторе для мыла в виде Хоббита. — Его тон был непреклонным, хотя то, что он командовал мной, не ощущалось неловко. — Я был придурком и очень сожалею. Ты ясно дала понять, что не хочешь рисковать нашей дружбой, и я постараюсь уважать это.

Я заморгала и кивнула ему, улыбаясь своей лучшей храброй улыбкой.

— Я тоже, — прохрипела я.

Мгновенная хмурость сжала его черты, и он, колеблясь, всматривался в меня, его взгляд блуждал по моим губам. Но потом он сделал большой вдох, скатился и отодвинулся, а потом вовсе вышел из комнаты.

Он крикнул через плечо напряженным голосом:

— С тебя музыка, с меня завтрак.

* * *

Завтраком был какой-то вид восхитительных яиц, запеченных с луком, беконом, шпинатом и множеством бекона. Запах от этой стряпни заполнил квартиру, наполняя мой рот слюной.

Пока он был на кухне, я уставилась на пианино, ощущая себя захваченной его силой притяжения. Оно было таким красивым, таким великолепно-притягательным. Клавиши были из настоящей слоновой кости, что означало, антикварному пианино было более пятидесяти лет, и теплыми на ощупь. Я нажала средним пальцем на ноту "си", создавая насыщенно-глубокий и красивый звук.

— Сыграй.

Я взглянула на него.

Должно быть, вчера он наведался к булочнику и кондитеру, потому что принес мне очень свежее вишнево-сырное пирожное, кекс с бананом и орехом и восхитительную чашечку черного кофе. Мартин положил свои продукты на столик рядом с пианино, затем выпрямился, сурохо глядя на меня, но его слова были нежными:

— Пожалуйста, сыграй.

Я видела, это что-то значило для него, поэтому села, сделав вздох для храбрости, и выбрала примерную мелодию. Между тем, Мартин замешкался возле скамейки. Затем, будто неожиданно приняв решение, он наклонился и поцеловал меня в щеку, его утренняя щетина царапала мое лицо, оставляя теплый след на моей коже.

— Тебе нужно переехать ко мне навсегда. — Он повысил голос, исчезая в кухне. — Подумай о переезде. Я был серьезен насчет того, что приму коржики в качестве оплаты.

Я рефлекторно ухмыльнулась, моя мелодия становилась легкой и глупой по мере того, как я размышляла о том, что стала бы соседкой Мартина. До тех пор, пока мы оба ни с кем не встречались, были не женаты и никогда не напивались вместе сангрией, это казалось выигрышной идеей.

Я позволила себе потеряться в импровизации, хотя в основном она была основана на песне, которую я написала за лето после выпитого "Ред Булла", когда была не в состоянии

спать в течение сорока восьми часов. Изначально композиция была безумной, но я сделала ее медленной, добавив всего строфу в басовом ключе⁵⁸, и закрыла глаза.

Заканчивая, я отпустила клавиши, с последним аккордом нажимая на сустейн-педаль⁵⁹, позволяя нотам звучать дольше, пока они не затихли, отражаясь в воздухе эхом воспоминания. Это был действительно великолепный инструмент.

Открыв глаза, я поняла, что Мартин сидел на одном из ближайших клубных кресел, локти были на подлокотниках, его большой палец легонько поглаживал нижнюю губу вперед-назад, а глаза внимательно смотрели на меня.

Я выпрямилась, прищурившись, посмотрела на него и на комнату, выходя из оцепенения.

— Извини... как долго я играла?

Он не ответил сразу же, и я заметила, что он тоже немного затерялся в мечтах.

— Мартин?

Он встрепенулся, его взгляд резко сфокусировался на мне.

— Да?

— Как долго я играла?

Его глаза метнулись в сторону к месту на стене позади меня. Я повернулась и проследила его взгляд, увидев настенные часы, которые указывали на то, что я играла почти сорок пять минут.

— Господи! Запеканка готова? — Я потянулась за моим кофе, обнаружив, что стакан был чуть теплым, и надулась. — Холодный кофе.

— Не волнуйся, у меня много кофе. — Его голос был сдавленным, когда он вырвал чашку из моей хватки и скрылся в кухне. — И завтрак готов.

Я последовала за ним, задержавшись у входа и оценивающе наблюдая за красивым мужчиной, который двигался по кухне, словно он знал, что делал.

— Как и где ты научился готовить? — спросила я, когда он открыл духовку, которуюставил на разогрев, и вытащил форму для запекания.

— Мать была поваром. Ее звали Эсмеральда. Она научила меня.

— Хмм... — Я схватила свою чашку кофе оттуда, где он ее оставил на стойке, и вылила холодный напиток в раковину. — Мы можем сыграть в сорок вопросов, пока завтракаем?

— Сорок вопросов?

⁵⁸ Басовый ключ — второй по распространённости ключ после скрипичного. Этим ключом пользуются инструменты с низким звучанием: виолончель, фагот и т.д.

⁵⁹ Сустейн-педаль — педаль внизу пианино, используется для того, чтобы "зажать" на педали звук или аккорд, освободив руки для других звуков, партий или инструментов.

— Да. — Я сполоснула чашку, потом передвинулась, чтобы снова наполнить ее свежим кофе. — Эмма заходила вчера и...

— Эмма была здесь вчера? — Его тон подсказал мне, что он не был счастлив.

— Да, ничего особенного. — Я сделала глоток горячего напитка, поставила его на небольшой кухонный стол, потом повернулась к шкафчикам, чтобы поискать тарелки для завтрака. — Мы поговорили. Все прошло хорошо. Но она вложила много информации в мой мозг, и, думаю, мне потребуется как минимум сорок вопросов, чтобы получить ответы, которые я ищу.

— Какую информацию она выдала? — Своим боковым зрением я видела, как он схватил ножи и вилки.

— Ну, теперь ты тоже сможешь сыграть в сорок вопросов. Сначала я задаю тебе вопрос, потом ты задаешь мне. Нет необходимости вести подсчет сколько, просто мне хотелось бы прояснить как можно больше неизвестного, насколько возможно, прежде чем уехать домой этим вечером.

На мгновение он замолчал, пока мы накрывали на стол, потом сказал:

— Это верно. Я забыл, что ты уезжаешь сегодня.

Я критически оценила результат нашей работы, сочла его удовлетворительным и села рядом с ним, когда он подавал запеканку.

— Я начну. Отвечу на твой вопрос о том, какой информацией поделилась Эмма.

Он кивнул, взглянув на меня настороженно, потом схватил кекс и разломал его пополам. К тому времени, как я закончила рассказывать историю визита Эммы днем ранее, он съел три порции рагу, два пирожных и кекс. У него был уже третий стакан апельсинового сока и вторая чашка кофе.

Я убрала из разговора все мои эмоции, стараясь касаться только фактов, но он несколько раз перебивал меня и просил разъяснить, делая мой рассказ длиннее. Я решила опустить ту часть, где мы с Эммой обсуждали его последнюю девушку, поскольку чувствовала, что ее существование не совсем относилось к предстоящей теме разговора.

Наконец я смогла задать ему вопрос:

— Итак, мой вопрос: почему ты создал фонд как владелец преобладающего пакета акций в венчурной компании, вместо того, чтобы сохранить всю прибыль для себя?

Он поерзal на своем сидении, и я увидела, что он обдумывал, как лучше ответить на этот вопрос.

— Ты можешь рассказать мне правду, Мартин, в чем бы она не заключалась.

— Я знаю. — Он выпил еще кофе, разглядывая меня поверх края своей чашки.

— На самом деле, было несколько причин.

— Ладно, что же было главной причиной?

— Что если я начну с самых важных бизнес-причин?

— Хорошо.

Он прочистил горло и поставил кофейную чашку на стол, наклонившись вперед.

— После того, что сделал мой отец с твоей матерью, пытаясь использовать нас, чтобы контролировать ее, я понял, что если бы я инвестировал непосредственно в спутниковые системы в венчурной компании, запускающей спутники, тогда был бы небольшой шанс — но всё же шанс — что он сможет отсудить мои инвестиции. Поэтому я учредил фонд. Его некоммерческий статус узаконил эти деньги, в сущности это означает, что он не сможет заявить права на него. Я не хотел ставить под угрозу проект.

— Но ты отдал шестьдесят миллионов и в последствии миллиарды долларов доходов.

— Но это не важно для меня настолько, как продвигать спутниковые системы. Я имею в виду, я возглавляю фонд. У меня такое же право голоса в спутниковых системах, как и было прежде. Только прибыль получаю не я — она идет в фонд.

— Итак, — я старалась понять его мотивацию, — запуск спутников был важнее, чем денежная часть твоего плана мести? Извини за такое выражение, но я думала, что главной целью мести против твоего отца было постепенно уничтожить его и в процессе стать в три раза богаче.

Он уставился на меня, скрипя зубами, его подбородок еще долгое мгновение нервно подергивался, как будто он спорил сам с собой. Но потом он внезапно заявил:

— Когда ты ушла, план мести, как ты его назвала, больше не имел никакого смысла. Мне потребовалось некоторое время, но я понял все еще в июне, за три недели до моего дня рождения, прежде чем получил доступ к трастовому фонду. Ты была права. Сосредоточить всю свою энергию на гребаном Денвере Сандеки — пустая трата времени. И ты бы знала все это, если бы прочитала любое из моих интервью.

Я села прямее, удивленная, чувствуя себя так, словно мне отвесили пощечину, но не со всей силы, это больше походило на выговор в стиле "очнись же, бестолочь".

Прежде чем я смогла остановить себя, одолеваемая поднимающейся волной негодования, сказала:

— Послушай, я бы прочитала интервью, но когда я искала в Google, все, что мне выдало, — это фотографии тебя с твоей девушкой или бывшей девушкой.

Мартин хмуро посмотрел на меня, его лицо скривилось, словно говоря мне, что он понятия не имел, о чем я говорила. Наконец он высказался:

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Рыжие волосы. Миниатюрная. Симпатичная. Никого не напоминает? Эмма еще упомянула, что вы встречались.

Его губы раздвинулись, и он прищурился, взглянув на меня, как будто увидел в совершенно новом свете.

Я больше не могла удерживать его взгляд, потому что почувствовала внезапный всплеск страха, что его глаза вскоре затуманило бы жалостью. Вместо этого я уткнулась в свою запеканку и пыталась бороться с нарастающей болью, чтобы не выдать себя.

Я пробормотала:

— Как я и говорила тебе на прошлой неделе, когда ты приходил в кафе, я не зря избегала новостей о тебе.

Он ответил не сразу, но я чувствовала его глаза на себе, рассматривающие меня. Боковым зрением я видела, что он положил вилку на тарелку и облокотился на стол.

— Я рассматривал доктора Паттерсона как моего заместителя в фонде для управления. Роуз Паттерсон — девушка с фотографий — его дочь. — Его голос и слова казались осторожными.

Я откусила кусочек очень вкусной запеканки, которая уже не казалась вкусной, старательно отводя взгляд.

— Правда?

— Да

— Ладно. — Я твердо решила не плакать. Я не собиралась быть глупой девчонкой, которая лила слезы, когда говорила со своим бывшим парнем о его нынешних подвигах. Поэтому, чтобы убедиться, что я не заплакала бы, я отдалилась от него, его слов и своих чувств.

Мгновение он молчал, всё еще глядя на меня.

— Я говорил тебе на прошлой неделе, что ни с кем не встречаюсь.

Я пожала плечами.

— Это действительно не мое дело.

— Роуз была способом познакомиться с доктором Паттерсоном.

Я кивнула, прочистив горло, осознав, что я очень-очень не хотела разговаривать об этом. Убедившись, что опоры вокруг моего сердца были полностью укреплены, я подняла глаза обратно к нему и попыталась вернуть разговор к первоначальной теме.

— Итак, ты говорил об интервью?

— Кэйтлин...

— Ты решил, что месть того не стоит?

— Черт возьми, просто послушай секунду.

— Хорошо. Я слушаю. — Я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, не показывая ему ровным счетом ничего.

— В действительности я никогда не был с Роуз. Мне нужно было встретиться с ее отцом. Она была... — Мартин выглядел расстроенным и, казалось, искал у кухонного стола правильных объяснений.

Наблюдая за его страданиями, я внезапно поняла ситуацию и добавила за него:

— Она была средством для достижения цели? Ты использовал ее из-за того, кто ее отец?

По какой-то причине эта мысль заставила меня ощутить себя одновременно лучше и хуже.

Мартин стиснул зубы.

— Возможно, это будет иметь больше смысла, как только я объясню больше о фонде.

— Ладно, расскажи мне о фонде.

Я видела, как с большим вздохом увеличилась его грудная клетка, а его глаза вернулись к моим, но теперь они выглядели настороженными, я себя ощущала так же.

— Фактический план — альтернативный источник поставки интернета для сельских районов — все еще был нужен даже без конечной цели, которая заключалась в том, чтобы отомстить моему отцу. Так что, вместо того, чтобы сосредоточить свою энергию на Денвере Сандеки, я обратил свое внимание на то, как я смогу работать с командой, которую собрал, чтобы сделать эту затею осмысленной и прибыльной. Мы делали это не для того, чтобы вытеснить моего отца из бизнеса, хотя это в конечном итоге может произойти, и, по крайней мере, "Сандеки Телеком" и всем остальным большим монополиям придется значительно снизить цены. Мы делали это, потому что это было разумным. Это уникальная возможность, и да, это сделает мир лучше.

Его рот изогнулся в ровную строгую линию, и он пристально посмотрел на меня.

— Я понимаю, — сказала я, потому что понимала. Как намекнула Эмма, Мартин действительно отказался от мести. Я подумывала о том, чтобы сказать ему: "Я горжусь тобой", но не смогла заставить себя сделать это.

Вздохнув, Мартин уставился на свою тарелку и покачал головой.

— Я продал дома с помощью Эммы. Она сделала так, чтобы это произошло, до того как узнает Денвер. Половину от прибыли я отправил в оффшоры, а остальную часть пожертвовал в фонд. Фонд инвестировал деньги в спутниковые системы. Эмма объяснила тебе, чем занимается фонд, верно?

Я кивнула.

— Ну, доктор Паттерсон в настоящее время возглавляет аналитический центр в Вашингтоне, именуемый Сельской Образовательной Реформой. Он посвятил свою жизнь, пытаясь уравнять возможности детей в недостаточно обслуживаемых районах. Знаю, я не лучший человек, чтобы руководить деятельностью этого фонда, но если я действительно хочу добиться успеха, а я хочу этого, мне нужен именно этот фонд. А он эксперт и увлечен этим вопросом. Я думаю, что он мог бы быть лучшим кандидатом.

— Поэтому ты познакомился с ним через его dochь?

— Да. Я подружился с ней, потому что хотел познакомиться с ним. — В этом признании не было нотки сожаления.

— Так вы друзья?

Я заметила пелену, которая заволокла взгляд Мартина, прежде чем она исчезла. Он изучал свою тарелку, но я знала, что в действительности он не видел ее.

Наконец он сказал:

— Я использовал Роуз, чтобы добраться до ее отца. И это сработало. Он, вероятно, займет эту должность.

Я почувствовала, как упало мое сердце. Я хотела попросить его уточнить степень его отношений с Роуз, но в конечном счете решила, что не стоило. Если бы он хотел мне сказать, он бы рассказал. И он не был моим парнем, мы не были в отношениях. Это было не мое дело, чтобы спрашивать.

Его глаза поднялись к моим, в них была новая грань, словно он готовил себя к моей реакции.

Я пожала плечами, чувствуя разочарование, но смирившись со своим местом.

— Итак, фонд. Тебе он нужен это для достижения успеха?

Он вздохнул, и я не могла сказать, это было из-за облегчения или разочарования, что я не стала давить по поводу Роуз.

Тем не менее, он ответил на мой вопрос:

— Да. Хотя миссия фонда благородна, в конечном итоге я использую работу, которую они делают, чтобы заработать деньги для себя. Много-много денег.

Я снова кивнула.

— Я поняла это, когда Эмма сказала, что ты приобрел право на трансляцию и потоковое вещание в недостаточно обслуживаемых районах на следующие пятьдесят лет.

— Хорошо. Я рад, что ты поняла это. Потому что я никогда не собирался становиться самоотверженным человеком. Если я вижу цель для извлечения прибыли, я использую ее. — Его тон был суровым, словно он пытался сообщить что-то особо важное

для меня, словно он нуждался, чтобы я поняла, хоть он отказался от своих планов мести, он не стал вдруг филантропом.

— Ну, тогда я отменю заявку на святость, которую заполнила от твоего имени. — Я улыбнулась ему кривой улыбкой, которая не коснулась моих глаз, надеясь, что он понял бы, что я никогда не ожидала от него, что он стал бы святошкой.

Но он не понял.

— Кэйтлин... — Он выглядел недовольным, отодвинул свою тарелку в сторону и оперся руками на стол. Его хмурый взгляд был задумчивым и суровым. — Я никогда не собирался быть человеком, который думает о благородстве прежде чем о личной выгоде, для меня это не привычное дело, как у тебя. В будущем я могу сделать такие вещи, с которыми ты не согласишься. Но я надеюсь, что...

Я остановила его, накрывая его руку своей.

— Остановись, послушай секунду. Я знаю, что ты не идеален. Никто не идеален. Я знаю, что твое воспитание сделало тебя борцом за выживание. И ты должен был таким стать. Я понимаю это. Но месть — это выбор, а самозащита — это инстинкт.

Его глаза были серьезными, я видела, что он понял смысл моих слов. Я сжала его руку, затем продолжила:

— Ты сказал мне несколько недель назад в "Блюз Бине", что у тебя несметное количество логических умозаключений и причин или что-то вроде того. Но еще ты сказал, что ты бы не отказался от моей самоотверженности, включая любую мученическую фигню.

— Разве я так сказал? — невозмутимо спросил он, борясь с улыбкой.

— Практически. Примерно. С моей точки зрения, эта дружба хороша для нас обоих. Я делала много ошибок. Так же, как и ты. И, может быть, мы сможем дойти до точки, где мы доверимся друг другу достаточно, став отражением для другого человека. Я дам тебе знать, когда тебе будет необходимо больше святости в твоей жизни. Ты дашь мне знать, когда я буду вести себя как самоотверженная мученица. Как тебе это?

Он улыбнулся уголком рта, когда его взгляд блуждал по моему лицу.

— Это звучит неплохо.

— Еще я скажу тебе, когда ты перейдешь черту между горячим молодым руководителем и настороженным корпоративным предателем.

— Мы снова говорим о моих полотенцах?

— Ты имеешь в виду твое постельное белье с монограммой? Если так, то да.

Он раздраженно рассмеялся.

— Они были подарком на новоселье от Эммы.

— Я сожгу их.

— Хорошо.

— И заменю их пляжными полотенцами с "Властелином колец".

— Это тоже хорошо. Мне насрать на мои полотенца, лишь бы они вытирали меня.

— Приятно слышать. Ну тогда я добавлю несколько с "Моим маленьким пони"⁶⁰.

Мы обменялись маленькими улыбками, и я выпустила его руку, использовав паузу в разговоре как возможность стащить кекс с шоколадной стружкой. Сделав это, я заметила, что Мартин прикасался пальцами к своим мозолям, растирая подушечкой большого пальца более жесткие участки кожи.

Я догадалась, что он еще не все сказал, поэтому подсказала:

— Есть что-то еще, что мне стоит знать? Ты сделал тату за последние несколько месяцев?

— Нет. А ты? — Его глаза стрельнули в меня.

— Да. Это кентавр, взирающий на единорога по радуге. — Я откусила кусочек кекса и улыбнулась.

Он выглядел напуганным.

— В самом деле?

— Возможно.

Его брови выгнулись, а глаза автоматически опустились вниз по моему телу, как будто он мог увидеть отвратительную предполагаемую татуировку через мою одежду.

Внезапно прервав себя, он закрыл глаза, прижимая основание ладони ко лбу, и покачал головой.

— Вообще-то, есть кое-что еще, что ты должна знать. Есть другая причина, по которой я учредил фонд, вместо того, чтобы получать прибыль напрямую, и это связано с твоей матерью.

— С моей матерью?

Он снова открыл глаза, одарив меня очень прямым и резким взглядом.

— Да. Деятельность спутниковых систем подпадает под юрисдикцию ее сенатского комитета. Но мои права на трансляцию и потоковое вещание нет, тем более, что большинство из них является для международного пользования. Фонд является некоммерческим и не регулируется как некие коммерческие корпорации. Применяются другие нормы.

— Ладно...

⁶⁰ "Мой маленький пони" (My Little Pony) — детский анимационный сериал Hasbro Studios и DHX Media, транслируемый на телеканале Discovery Family (бывший Hub Network).

— Суть в том... — Он сделал паузу, внимательно глядя на меня. — Суть в том, что мы с тобой можем... дружить и твою мать не смогут обвинить в какой-либо правомерности — конфликте интересов или предвзятости.

* * *

— Тебе не стоило ехать.

— Мне хотелось.

— Ты хотел провести рождественский день в центре для пожилых людей в Квинсе?

Мартин пожал плечами, переключая передачу. Машина издала урчащий звук.

Между тем, я всё еще обдумывала информацию, которую он взорвал во время завтрака. Мне всё еще было интересно, каким точно был характер его отношений с Роуз Паттерсон. К тому же, я не могла перестать думать о том факте, что он целенаправленно организовал свое участие в проекте спутника и учредил фонд так, чтобы наша дружба не скомпрометировала мою мать.

Я не хотела приписывать слишком многое его действиям, но это, казалось, означало, что он думал обо мне и некой будущей дружбе со мной несколько месяцев назад, когда основал фонд. И этот бурлящий мысленный процесс скрутил меня в комок из путаницы.

Потому что я не понимала, что его действия месяцы назад значили для нас сейчас.

На самом деле я уже открыла рот, чтобы задать этот вопрос, когда Мартин нарушил тишину своим собственным вопросом:

— Почему ты уезжаешь сегодня вечером? Останься еще на день. — Он бросил на меня взгляд, его вопрос и немногого требовательное заявление вытянули меня из моих мыслей. Он вернул свое внимание на дорогу. — Я возьму завтра выходной и покажу тебе город.

— Очень мило с твоей стороны, но билеты на завтрашний поезд очень дорогие. Но я хотела попросить тебя о том...

— Я подвезу тебя домой.

— Нет. — Я поморщилась, покачав головой. — Не будь глупым. Дорога займет у тебя около четырех часов. К тому же, я обещала Сэм, что буду дома сегодня вечером, чтобы мы могли поужинать вместе. Она будет одна весь день, и у нас есть план.

— План?

— Да. Мы собираемся обменяться подарками, выпить вина из коробки и, обедаясь, смотреть последний сезон "Доктора Кто"⁶¹.

⁶¹ "Доктор Кто" — культовый британский научно-фантастический телесериал компании "Би-би-си" об инопланетном путешественнике во времени, известном как Доктор. Вместе со своими спутниками он

Он кивнул, а я заметила, что уголок его рта изогнулся вниз, выражая неодобрение. Могла сказать, что он потерялся в своих мыслях. Тем временем я снова набиралась мужества, чтобы спросить его о фонде.

Внезапно он задал вопрос:

— Когда ты снова будешь в Нью-Йорке? Когда твоё следующее выступление?

— Ох, ну. — Я прочистила горло, сгибая пальцы на коленях. — Не раньше конца января, насколько я знаю. К тому же, занятия начинаются со следующего семестра, и по новым факультетским требованиям мне придется сократить время с группой.

— Ты кажешься... счастливее. — Глаза Мартина стрельнули ко мне, он изучал мое лицо.

Его слова и то, как он наблюдал за мной, когда произнес их, словно он уважал и ценил меня, заставили ощутить в моей груди беззаботность и легкость. Я поняла, что он пытался быть хорошим другом. Я взглянула вниз на свои руки, смущаясь под его пристально-оценивающим и изучающим взглядом.

— Я счастлива. — Я кивнула на это утверждение.

Я была счастлива.

Даже без Мартина я была счастлива, и это осознание вызвало прилив благодарности из-за него, из-за нашей недели на острове и из-за нашего странного Рождества в Нью-Йорке, согревая меня от макушки до пальчиков ног.

Потому что я хотела, чтобы он знал, он помог мне и за это я всегда была бы благодарна, я продолжила спонтанно:

— Я люблю музыку, я люблю музенировать и сочинять. Ты был прав, подталкивая меня. Ты сделал что-то значимое в моей жизни, и я не думаю, что благодарила тебя за это. Так что... — Я подняла глаза, он наблюдал за мной с жадным интересом. — Спасибо тебе, Мартин. Спасибо, что нашел меня в том шкафу в кабинете химии, увидев в первую очередь меня. Спасибо за то, что помог мне найти себя.

Мы были на светофоре, и Мартин изучал меня долгим взглядом. Он задумчиво двигал челюстью и, казалось, обдумывал проблему некой важности. Я дала ему время и тишину для размышления.

Наконец он сказал:

— Извини.

Или, по крайней мере, я думала, это было тем, что он сказал. Но шанс, что Мартин Сандеки сказал "извини" ни с того ни с сего, практически равнялся нулю. Более вероятно, что он бы сказал "я звезда" или "я Феррари".

Я попыталась разъяснить:

— Что? Что ты сказал?

— Извини меня, — повторил он, его глаза скользили по моему лицу, в то время как губы изогнулись в небольшую улыбку, вероятно, потому что я выглядела такой абсолютно недоверчивой.

Светофор сменился на зеленый, и мы начали движение. Когда он заговорил, его глаза не отрывались от дороги:

— Я подвел тебя, а ты доверяла мне. Я думал... после весенних каникул, думал, что смогу дождаться тебя. Я надеялся, что ты передумаешь, думал, ты блефуешь, что в конце концов ты согласишься видеться со мной тайно — таким образом мы получим то, чего оба хотим. Но когда я преследовал тебя в студенческом союзе и ты сказала мне, что я уничтожил тебя... я понял, ты права и каким чертовски глупым я был, дожидаясь. До меня не доходило, что между нами все кончено, пока ты не попросила меня уйти. А когда ты это сделала, я осознал, что было слишком поздно.

Отрезвление, которое сопровождалось противными воспоминаниями и серьезными вопросами, отгоняло мои немногие приятные ощущения и заменяло их на медленное тепло недовольства и возобновляющийся прилив дискомфорта. Я вспомнила этот день с абсолютной ясностью, словно это случилось только что. Я вспомнила, как хорошо он выглядел в тот раз, насколько неизменившимся, пока я практически умоляла его оставить меня в покое.

А потом он выглядел сломленным. Его агония была материальной, отражением моей собственной.

Я взглянула на его профиль, действительно посмотрела на него. Он был всё тем же Мартином, но другим. Мы оба стали настолько изменились. Я больше не пряталась в шкафах, а он не терял самообладания.

— Ты заслуживаешь лучшего, — сказал он тихонько. Он произнес это, словно говорил сам с собой.

Мартин въехал в центр для пожилых людей и припарковал машину. Его движения были резкими, словно он был недоволен сам собой или сожалел о своих словах или воспоминаниях. Как бы там ни было, он был взволнован и встревожен, когда выходил из автомобиля. Между тем, я чувствовала себя неспособной сложить кусочки головоломки в моей голове воедино.

Он выглядел отлично в тот день в студенческом союзе, потому что не думал, что мы расстались. И это осознание заставило меня ощутить пустоту, потому что я недооценила его. И он заслуживал лучшего.

Глава 11: Молекулярные формы

Мартин остался на выступлении, но ситуация была весьма напряженной.

Уиллис пристально смотрел на Мартина.

Фитц глядел на Абрама.

Джанет уставилась на пожилых граждан. Я предположила, что она не очень-то их любила.

А Абрам... ну, он играл на своей гитаре и игнорировал раздражение.

К счастью, в выступлении было всего два сета из классических рождественских хитов. Когда все закончилось, большинство участников группы разошлись в рекордно короткие сроки и без всяких любезностей. Я надеялась, что тяжелое напряжение было результатом недели, практически беспрерывно проведенной вместе, и мы вернули бы наши привычки после перерыва.

Абрам замешкался, занимая себя упаковкой бас-гитары. Как только мы остались одни, он подошел туда, где я запихивала в сумку мой галстук и пиджак, и остановился прямо напротив меня.

— Хей, — сказал он, его улыбка была скромной и искренней, но, как и всегда, с намеком на дерзкую ухмылку.

— Эй. — Я взглянула на него одним глазом. — Ты выглядишь так, словно задумал что-то не доброе.

— Я? Никогда. — Его ухмылка увеличилась, когда он дотронулся до моей руки, вытягивая ее лицевой стороной вверх между нами. Потом он поместил в центр моей ладони небольшой пучок зелени, перевязанный белой ленточкой.

— Что это? — Мое внимание разделилось между ним и маленьким свертком.

— Это омела. — Его улыбка стала кривоватой, а в темных глазах плескалась радость. — Для исполнения всех твоих желаний.

Я рассмеялась, хотя уверена, что мой смех был омрачен унынием, а затем вздохнула.

— Ты хороший человек, Абрам Флетчер.

— Как и ты, Кэйтлин Паркер.

Я смотрела вверх на него, а он смотрел вниз на меня. Я знала, он ощутил мою грусть, потому что его кривая улыбка превратилась в вопросительно-хмурый взгляд.

— Эй... всё в порядке?

Я не знала, как ответить, но в итоге мне и не нужно было, потому что Мартин выбрал именно этот момент, чтобы войти в комнату. Оба, Абрам и я, обернулись к тому, кто

прервал нас. Взгляд Мартина сузился, когда он оценил сцену перед ним, его глаза опустились туда, где Абрам все еще удерживал мою руку между нами.

Прежде чем он смог надвинуть маску на свое лицо, я увидела целый спектр эмоций, мелькнувших позади его глаз, но ни одной постоянной. В конечном итоге, это была просто нечитаемая мешанина.

Наконец, он выпрямился, став выше ростом, а его взгляд перескочил обратно ко мне, холодный и отстраненный.

— Ты готова? Я не хочу, чтобы ты опоздала на свой поезд. — Его тон был ровный, как и линия губ.

— Да, почти. — Я повернулась к сумке и аккуратно поместила омелу в передний карман, потом извлекла подарок, который приобрела для Абрама, и вручила ему. — Вот, это для тебя.

Его брови изогнулись четкой дугой, и вернулась его маленькая искренняя улыбка.

— Для меня?

— Ага. Тебе не обязательно открывать прямо сейчас. Положи под елку и сохрани, пока тебе не понадобится кружка.

Он рассмеялся и закатил глаза.

— Ну, спасибо за то, что испортила сюрприз.

— Всегда пожалуйста. И тебе спасибо за... другие вещи.

— Пожалуйста. — Абрам вежливо кивнул мне, потом поднял подбородок в сторону двери, где ждал Мартин, его глаза не отрывались от моих. — Теперь иди. Я не хочу, чтобы ты пропустила свой поезд.

* * *

Мартин донес мою сумку до машины, что было глупо, потому что она почти ничего не весила. Но я позволила ему, поскольку у меня сложилось стойкое впечатление, что нести мою однофунтовую сумку значило для него больше, чем для меня.

К тому же он хмурился.

Мои подозрения относительно его настроения подтвердились, как только он выехал на проезжую часть. Он ехал очень быстро, напористо и нетерпеливо. Я проверила надежность моего ремня безопасности.

Одна из тех ситуаций, когда я чувствовала, что если бы мы и вправду были созданы друг для друга, в таком случае я бы знала, что нужно было сказать. Но я не была уверена,

был ли он расстроен из-за своего внезапного признания по пути к центру пожилых людей или был раздражен из-за чего-то еще.

Несмотря на это, я чувствовала, что вынуждена была разрушить молчание и что-то сказать. Я была не очень хороша в угнетающем общении между нами.

— Итак, моя мать хочет, чтобы я выступила на ее кампании по сбору средств. — Я позволила себе мельком взглянуть на него, наблюдая, как жесткие линии его профиля смягчались — не полностью, но почти.

— Твоя мать хочет, чтобы ты выступила? То есть она не против замены химической технологии на музыку?

— Если быть честной, на самом деле я даже не дала ей выбора. Я просто решила, а затем сообщила им о моем решении. Потом начала работать на двух работах, чтобы убедиться, что смогу обеспечить себя финансово.

— Потому что ты думала, они могут ограничить тебя?

Я покачала головой, прежде чем он закончил задавать вопрос.

— Нет. Я никогда не была обеспокоена, что они ограничат меня. Просто мне важно было доказать себе, что смогу обеспечить себя финансово, что музыка была моей профессией, а не просто хобби, финансируемое моими родителями.

Он кивнул, и я заметила, что большая часть напряженности спала с его плеч. Может быть, отвлечение было правильным методом.

— Я могу понять это. Я имею в виду, если задуматься над этим, ты большего добилась своими силами, чем я. Все мои деньги, все деньги, которые я вложил в дело, достались от моего отца, хотя он не охотно отдал их мне.

— И тебя это беспокоит? — Я пыталась сохранить свой голос тихим и нежным, чтобы он не подумал, что я осуждала его, потому что это было не так.

Он пожал плечами, но затем ответил:

— Честно? Да. Он использовал меня. Я использовал его. Я так чертовски устал быть использованным и использовать людей. Я... — Он замолчал, его грудная клетка поднималась и опадала с тихим вздохом. — Я просто устал от всего этого.

— Тогда перестань использовать людей, — сказала я, не подумав.

Мартин взглянул на меня, потом обратно на дорогу, выражение его лица колебалось между недоверчивым и удивленным.

— Просто перестать использовать людей?

— Да. И не позволяй им использовать себя.

Я видела, как уголок его рта неохотно изогнулся вверх, когда он почти незаметно покачал головой.

— Ладно... возможно, я попробую это.

То, с какой с легкостью он согласился на мое предложение, заставило меня почувствовать себя храброй, поэтому я подтолкнула его:

— Может быть, хотя бы извинившись перед людьми, которых ты использовал.

Я видела, как его бровь выгнулась, а улыбка дрогнула.

— Ты хочешь, чтобы я извинился перед своим отцом?

— Ох, черт, нет! Не перед ним, никогда перед ним. Но может быть... перед Роуз?

Улыбка Мартина полностью исчезла. С минуту мы молчали, и могла сказать, что он проявил к моему предложению серьезное внимание. Я решила снова оставить его наедине со своими мыслями.

Потом внезапно — и я предположила, что, в основном, для себя самого — он сказал:

— Мы не встречались, но она была моим другом, а я использовал ее. Она хотела быть больше, чем друзьями, но я не... я не смог. По крайней мере, я был честен в этом с самого начала.

Я прикусила свою верхнюю губу, потому что по непонятным причинам чувствовала, что хотела улыбнуться. Это была, вероятно, жестокая, эгоистичная часть меня, та часть, которая танцевала джигу на Центральном вокзале. Я была освобождена, поэтому очень обрадовалась, что он и Роуз никогда не встречались. Поскольку, очевидно на каком-то фундаментальном уровне, я была эгоистичной гарпиею и никогда не хотела, чтобы Мартин обрел счастье, если не я была его источником.

Но вместо того, чтобы улыбнуться, я предложила:

— Тогда извинись перед ней и приложи все усилия, чтобы не быть таким парнем. Будь просто хорошим другом.

Его улыбка вернулась, когда он смотрел на дорогу, но на этот раз она была мягче.

— Я думаю, что так и сделаю.

— Хорошо.

Для нас это был милый дружеский момент. И это ощущалось... приятно, важно. Мы затахли в товарищеском молчании, предыдущее напряжение между нами, казалось, было совершенно забыто.

Глаза Мартина метнулись к моим, потом в сторону, а я проследила за его руками, сжимающими руль.

— Так рад, что ты сменила специализацию.

Я одарила его дразнящим недоверчивым взглядом.

— Почему? Потому что я была отстойной в химии?

— Нет-нет. Ты превосходна в химии. Плюс, ты превосходишь меня по части быть невыносимым. — Улыбка Мартина превратилась в хитрую, и он взглянул на меня. Потом подмигнул.

Хитрец флиртовал со мной!..

ФЛИРТОВАЛ!

СО МНОЙ!

ПОСЛЕ НАШЕГО ДРУЖЕСКОГО МОМЕНТА!!!

Горячее возмущение затопило мой организм с внезапной силой. Я не могла поверить, что он снова завел разговор о друзьях с привилегиями после нашего разговора прошлой ночью, после того как сильно это обидело меня. Я не могла делать этого с ним. Прежде чем я смогла сдержаться, протянула руку и ущипнула внутреннюю сторону его бедра чуть выше колена.

— Ты грязно и бесстыдно флиртуешь! — выпалила я.

— Ой!

— Это не больно, любитель пофлиртовать.

— Я за рулем. Ты пытаешься убить нас? — Его слова не имели никакого эффекта, поскольку он улыбался и пытался не рассмеяться.

— Больше никакого флирта. — Я скрестила руки на груди и сдвинулась ниже в кресле, уткнувшись подбородком в грудь, снова закипая.

Я почувствовала его глаза на себе, прежде чем он спросил:

— Почему?

— Потому что это... — Я поймала себя на том, что задыхалась от большого вдоха воздуха, и посмотрела в окно.

Тишина была не товарищеской. Она была напряженной и неудобной. Я боролась со своим желанием протянуть руку и ущипнуть его посильнее.

— Почему? — спросил он снова, в этот раз его тон был более мягкий, любопытный.

Я тяжело вздохнула и попыталась отбросить некоторый, возможно, иррациональный гнев, который поселился в моей груди.

— Я любила тебя, Мартин. Ты был... — Я снова замолчала, прочистив горло, прежде чем смогла закончить: — Ты был моим первым во всех отношениях, и потерять то, что было у нас, имело большое значение для меня. В тот месяц, после нашего расставания, я потеряла двадцать фунтов. Я не чувствовала никакой радости. Я даже не хотела печенья. Обстоятельства не улучшались, и я не начала двигаться дальше вплоть до августа.

И вновь воцарилась тишина. Он переключил передачу, включив поворотник. Автомобиль замедлился. Мы остановились на светофоре. Я слышала, как он сделал вдох, словно хотел что-то сказать.

Всё еще глядя в окно, я прервала его, прежде чем он смог это сделать.

— Я не думаю, что готова к тому, чтобы ты флиртовал со мной. Это... причиняет боль. Мне нужно, чтобы мы были либо в одних отношениях, либо в других. Промежуточные действия просто пугают меня. Поэтому не флиртуй со мной. И не намекай на секс без обязательств между нами.

— Кэйтлин, я делаю всё неправильно...

— Просто остановись. Просто, — я взглянула на него, позволяя намеку на мольбу проникнуть в мой голос, — перестань сбивать меня с толку. Будь хорошим другом.

Он торжественно кивнул, его челюсть нервно подергивалась, а внимание вернулось к дороге. В очередной раз напряжение повисло и окружило нас, проникая внутрь автомобиля.

Я пыталась вытолкнуть грусть из головы. Пыталась и потерпела неудачу. Поэтому я чувствовала полное раскаяния облегчение, когда спустя пять минут мы подъехали к Центральному вокзалу.

Он открыл для меня дверь машины и помог закрепить огромный рюкзак на своем месте. Он прокомментировал размер моего рюкзака. На несколько минут мы задержались возле багажника его машины, продолжая наш безопасный спор, пока неудобный разговор не сменился неловким молчанием.

В течение пяти секунд я смотрела на свои туфли, потом заставила себя посмотреть в его глаза.

— Ну, — сказала я громче, чем следовало, кивая безо всякой причины. — Думаю, я увижу тебя позже.

Его челюсть сжалась, пока глаза всматривались в мои, испытывая.

— Ага...

Я протянула руку, сделав бодрящий вздох и чувствуя какую-то неизвестную эмоцию, растущую в моей груди, сжимающую ее. Он медлил, потом положил свою руку в мою. Никто из нас не сжал руку другого. Мы просто так и стояли: рука в руке, замерев в ожидании, обмениваясь странными взглядами.

— Когда я увижу тебя? — спросил он.

— Я позвоню тебе, когда буду знать точные даты наших следующих выступлений в городе. Может быть, мы сможем заказать пиццу.

Он кивнул, не совсем хмурясь.

— Мы можем посмотреть "Принцессу-Невесту".

— Да, это звучит неплохо.

— А ты сможешь навестить твоё пианино.

Я одарила его полуулыбкой и сдвинулась, чтобы уйти, но он усилил свой захват, останавливая мое продвижение. Я взглянула на наши руки, потом обратно на него.

— Мне нужно идти.

— Верно. — Он снова кивнул, опять не совсем хмурясь. Он позволил моим пальцам ускользнуть, сделал шаг назад и повторил: — Верно.

— До свидания, Мартин. — Я потянулась в багажник за своим спальным мешком, мой взгляд еще раз метнулся к нему. Он не смотрел на меня. Его руки были в карманах, а внимание на его туфлях. Я подождала мгновение.

Когда он ничего не сказал, я повернулась и пошла в сторону вокзала. Поскольку я почувствовала себя странно и непреодолимо вынужденной, на этот раз обернулась назад.

Он всё еще был там, точно там, где я его оставила, и смотрел, как я уходила. Поэтому я помахала. Он помахал в ответ, засунул руки в карманы, но не сдвинулся с места, чтобы уйти.

После долгого момента я оторвала взгляд от него и вошла в здание.

Глава 12: Атомная теория материи

Спустя неделю без общения, в течение которой я изо всех сил пыталась игнорировать все недружеские чувства к Мартину, я получила от него очень милое сообщение на Новый Год ровно в полночь. Оно гласило:

Мартин: Я бы хотел, чтобы ты была здесь, мы смогли бы начать этот Новый Год вместе.

Это было мучительно-нежно.

И сбивало с толку.

Я не ответила сразу же, потому что не знала, что сказать. Было ли это дружеское сообщение?

Мое сердце неистово забилось и запуталось в моей груди, мне было трудно уснуть, потому что я зациклилась на его сообщении. Я дождалась следующего утра, чтобы ответить. В ясном свете дня я перечитала его сообщение снова. Прагматичная и здравомыслящая Кэйтлин решила, что я подразумевала слишком многое под простым сообщением с пожеланиями, и я решила использовать безобидный и дружелюбный ответ:

Кэйтлин: Счастливого Нового Года! Я бы хотела, чтобы ты был здесь, тогда я могла бы показать тебе новые полотенца. Поищу "Неожиданную вечеринку", чтобы приехать на этой неделе.

После я уставилась на экран, а когда он не ответил спустя десять минут, отложила телефон в сторону. На самом деле, это был идеальный дружеский ответ. Я не могла понять, почему это заставило меня чувствовать себя так паршиво.

Я не знала, как ориентироваться в этих водах с Мартином. Да, я собиралась сделать это вслепую. Но ближе к вечеру первого января я осознала — после прочтения его сообщения, по крайней мере, двадцать раз — что я не понимала собственное сердце. В общем, я бесцельно перебирала клавиши синтезатора, пытаясь составить музыкальное сопровождение в качестве проводника для моих беспорядочных чувств.

Мысли начали формироваться, что ощущалось подозрительно похожим на начало плана, который, по моему предположению, был началом решения. Я собиралась поговорить начистоту с Мартином. Собиралась оставить все это здесь: все мои беспорядочные и неорганизованные решения — и быть храброй. Я была в подвешенном состоянии неопределенности и устала от этого.

— Я даю тебе мою копию "Космо". Можешь принести ее на кухню, когда закончишь?

Я заморгала от внезапного появления Сэм в моей комнате, потом взглянула на копию "Космополитен", которую она просто бросила на мою кровать.

— Ты даешь мне свою копию "Космо"?

— Да. Одалживаю. Там есть глупый тест "Насколько вы и ваш друг совместимы", я хочу, чтобы ты его прошла.

— Если он глупый, тогда зачем ты хочешь, чтобы я проходила его?

— Чтобы мы смогли потом посмеяться. Кстати, помнишь мою подругу Кару? Та, с которой мы ходили на танцы? Которой нужно было место, где остановиться?

— Ах, да. Возможная новая соседка.

— Та самая. Дай мне знать, в какой вечер на следующей неделе мы сможем собраться все вместе, чтобы ты смогла побеседовать с ней и поделиться своим списком работы по дому. В ближайшее время нам нужно принять решение.

Мгновение я рассматривала Сэм, пока она листала нашу почту.

— Сэм... тебе нравится список работы по дому?

Она пожала плечами, не поднимая глаз.

— Меня это не волнует. Я знаю, что тебе нравится, но ты намного опрятнее, чем я.

Грязная посуда не вызывает у меня аллергическую сыпь.

С этим заявлением она вышла из моей комнаты.

Мои глаза вернулись к журналу на кровати. Сильно отфотошопленная и ретушированная модель украшала обложку — больше обработанной пикселизации⁶², чем реального человека. Я с отвращением скривила губы на ее нереально длинные ноги и неестественный изгиб талии и груди.

В основном, журналам требовалась Джессика Рэббит⁶³ — анимированный персонаж, а не настоящие женщины. Черт, даже супермодели больше не годились. С настоящими женщинами журналы не продавались. Нереалистичные и болезненные образы женской красоты продавали журналы. И в этом не было вины мужчин, потому что женская читательская аудитория диктовала и увековечивала цикл дисфункций, а не мужчины. Именно женщины.

Женщины во многом были врагами реалистичного представления красоты. Мы навредили себе собственными эгоистичными интересами... и это было грустно. Я вздохнула

⁶² Пикселизация — метод цифровой обработки изображений, заключающийся в существенном уменьшении разрешения изображения или его части.

⁶³ Джессика Рэббит (англ. Jessica Rabbit) — мультипликационный персонаж детективных нуар-романов о кролике Роджере, созданных писателем Гэри Вульфом, а также комиксов, киноадаптации и мультсериалов.

на модель и раскрыла журнал, изучая содержание и без интереса отмечая, что там было интервью с последней победительницей "Топ-модель по-американски"⁶⁴.

И тогда я вспомнила.

Я вспомнила, что отказывалась читать интервью Мартина в "Men's Health"⁶⁵ в течение лета. Теперь, когда статус его отношений с Роуз Паттерсон был ясен для меня, я не чувствовала никакой тревоги при мысли, что могла столкнуться с их совместными фотографиями.

Сделав тревожный вздох, я спрыгнула со своей кровати и, в спешке хватая компьютер, споткнулась о стул. Пришлось просмотреть немного фотографий улыбающейся Роуз, но мне наконец-то удалось найти журнальную статью.

Интервью было дано за месяц до его дня рождения, а опубликовано месяцем позже. У него не было особенного сюжета. На самом деле, интервью было довольно коротким и почти в конце журнала. Здесь было несколько его фотографий: по пояс голого, конечно же, и в спандексе — он выглядел задумчивым и мускулистым, пристально смотрел на воду с голубым небом позади себя.

Первая половина была о том, что он был самым молодым капитаном команды в Американской Университетской Ассоциации Гребли. Но, как и предупреждала Сэм, вторая половина была обо мне.

Корреспондент: Сейчас мы хотим спросить тебя о твоей личной жизни, тем самым делая услугу для всех наших читательниц. Существует ли какая-то особенная девушка?

Мартин: Нет. Уже нет.

Корреспондент: Уже нет?

Мартин: Нет.

Корреспондент: Есть желание вдаваться в подробности?

Мартин: Нет.

Корреспондент: Одно время у тебя были романтические отношения с Кэйтлин Паркер, дочерью сенатора Джосс Паркер. Этот слух правдивый?

Мартин: Да.

Корреспондент: Но вы расстались?

Мартин: Да.

Корреспондент: Это имеет отношение к политике сенатора Паркер?

Мартин: Нет. Это связано с тем, что я был настоящей з*дницеей.

Корреспондент: Bay! Надо понимать, что Кэйтлин Паркер — единственная, кто ушел?

Мартин: Как хотите, но я предпочитаю думать о ней просто как о единственной.

⁶⁴ "Топ-модель по-американски" (англ. America's Next Top Model) — телевизионное реалити-шоу, в котором участники состязаются за звание "Топ-модели по-американски" и получают шанс начать карьеру в модельном бизнесе.

⁶⁵ "Men's Health" (с англ. Мужское здоровье) — ежемесячный мужской журнал, издаётся в 45 странах мира.

Корреспондент: Тогда ладно. Тебе следует знать, что ты только что разбил множество сердец этим заявлением, но давайте двигаться дальше. Итак, что же дальше планирует Мартин Сандеки?

Первый раз читая это, я не понимала и половину из того, что там было сказано. Второй раз из сотни я остановилась на той части, где Мартин сказал: "Как хотите, но я предпочитаю думать о ней просто как о единственной", и моя грудь сжалась.

Если я раньше думала, что была зациклена на Мартине, то просто не знала истинного значения этого слова. Я старалась вспомнить каждый взгляд, каждый разговор, которые у нас были за последние несколько недель. По сути я была как белка в колесе порочного круга.

Если я была единственной, как сказал Мартин, тогда почему он не пытался связаться со мной до декабря?

Потому что ты сказала ему оставить тебя в покое — вот почему. Так он и оставил тебя в покое.

Но теперь он что? Он порвал со мной? Он хочет быть друзьями? Тогда это означает, что я никогда не была единственной.

Это точно. Ты не единственная.

Тогда почему он сказал это в интервью?

Может, ты была единственной в течение лета, но он изменил свое мнение, или, может быть, ты единственная, но он ждет, что ты подашь ему сигнал.

Сигнал? Какой? Да прежний Мартин просто бы рассказал мне о своих чувствах! Что я должна была делать?

Я не знаю! Спроси его!!! У МЕНЯ НЕТ ОТВЕТОВ ДЛЯ ТЕБЯ, ПОТОМУ Я — ЭТО ТЫ!!!

Прекрати кричать на меня...

Отправляясь спать в тот вечер, я была все еще эпически сбита с толку.

Однако, испытывала растущее чувство ответственности за нынешнее положение моих отношений (или не отношений) с Мартином.

* * *

Наступило второе января, и я была очень рада вернуться в "Блюз Бин", готовить кофе, делая что-то на автомате, хотя — надо признаться — все еще мучилась из-за Мартина Сандеки. Но вместо того, чтобы зацикливаться на "что если", я перешла к беспокойству о моем плане противостояния ему.

Я собиралась сделать это.

Я собиралась договориться с ним встретиться на нейтральной территории и в упор спросить об интервью и тексте сообщения на Новый Год. Я собиралась надеть свою кепку плохой девчонки и быть зрелой, как подобало взрослому человеку.

Вот почему, когда в тот день Мартин Сандеки вошел в "Блюз Бин", парализующий шок пронесся по моему телу и я уронила стеклянный мерный стаканчик, который держала. Он разбился о пол, создавая действительно неприятный грохот.

Челси сделала резкий вздох и отпрыгнула назад от моего неумышенного беспорядка, возможно, потому что она надела совершенно новые кожаные слипоны⁶⁶ на мягкой подошве и не хотела осколков стекла рядом со своими ногами.

— Ты напугала меня! — Она прижала руку к груди, взмахнув ресницами, словно она могла потерять сознание.

Клиент-мужчина, который был возле стойки (и с которым она флиртовала последние десять минут), одарил меня суровым хмурым взглядом и потянулся вперед, обхватив ее за предплечье.

— Ты в порядке? Тебе нужно присесть?

— Да. Да, я так думаю. — Она кивнула и одарила его благодарной улыбкой.

Она повернулась ко мне лицом так, чтобы она смогла сесть на стойку. Только перед тем как взмахнуть ногами, Челси заговорщически подмигнула мне, потом повернулась к протянутым рукам мужчины. Он был Брэдом Питтом. Или, по крайне мере, так она отметила его, когда он вошел.

К счастью, зал был пуст, за исключением Челси, Брэда Питта, Мартина и меня.

Мартин не подошел к стойке. Он пошел напрямую ко мне, стоящей возле кофемашины, его глаза прошлись по мне, словно ища повреждения.

— Ты в порядке?

Я кивнула, издавая усталый смешок.

— Да. Просто... неуклюжая.

Он одарил меня полуулыбкой.

— Позволь мне помочь тебе прибрать это.

— Все в порядке, я могу справиться.

Но он уже вошел в дальнюю коморку и быстро вернулся с веником.

— Я уберу, а ты приготовишь мне американо⁶⁷.

⁶⁶ Слипоны (англ. Slip-on) — легкие кеды без шнурков. Состоят из верхней части — парусина и резиновой подошвы.

— Мартин...

— Не спорь со мной хоть раз. Только один раз, пожалуйста.

Я сжала губы, показывая ему, что была недовольна.

Он передразнил выражение моего лица, но у него это выглядело смешно. Затем он сделал чудное лицо. Скосил глаза и обнажил передние зубы, как будто он был кроликом.

Я удивилась ему.

— Что ты делаешь?

— Делаю смешное лицо в попытке заставить тебя перестать смотреть на меня так, словно я убил твою золотую рыбку. Что ты делаешь?

Конечно же, это заставило меня рассмеяться.

Проблема в том, что я не могла перестать смеяться, как только начала. Это было нелепо, что он напомнил мне наше время на острове, используя мои собственные границы и стратегии против меня, чтобы он мог вымыть пол. Но это сработало. Это отвлекло меня от беспорядка, отвлекло от моей одержимости Мартином Сандеки. Смеяться было хорошо — необходимое освобождение. Я смеялась так сильно, что мне пришлось держаться за прилавок. По правде говоря, я была парализована смехом.

Он хмыкнул и прищурил глаза от моей неспособности контролировать истерику, но, воспользовавшись преимуществом моего заторможенного состояния, подмел стекло и выбросил его в мусорное ведро.

Как только снова смогла дышать, все еще вытирая слезы, я отвернулась от него и схватила бумажный стаканчик, чтобы сделать ему американо.⁶⁷ Думаю, в данный момент мне не стоило доверять что-то бьющееся.

Закончив, он положил веник и совок, потом перешел обратно на другую сторону кофе-машины, ожидая своего напитка.

— Чувствуешь себя получше? — спросил он.

Я кивнула.

— Ты можешь взять перерыв?

Мой взгляд мелькнул к нему, потом вокруг кафе. Никто новый не вошел.

— Да. — Я вздохнула и кивнула. — Но только пока у нас нет посетителей.

— Хорошо. Я буду там. — Он указал головой на стол, которым мы воспользовались в последний раз, когда он был здесь, после добавив: — И захвати немного печенья.

⁶⁷ Американо (итал. Caffè Americano — "кофе по-американски") — способ приготовления кофе, заключающийся в добавлении определённого количества горячей воды в эспрессо. Это позволяет получить менее крепкий (в зависимости от соотношения кофе и воды), чем классический эспрессо, напиток.

* * *

Я принесла достаточно печенья, чтобы поделиться, еще булочку с маслом, его напиток и чашку крепкого кофе для меня. В действительности, мне нужен был крепкий алкоголь, потому что я собиралась сделать это. Я собиралась противостоять Мартину Сандеки. Собирались потребовать ответы.

Однако, едва я села, он спросил:

— Теперь, когда мы друзья, могу я попросить у тебя совета?

Мгновение я мямлила, потом мне удалось справиться с собой:

— Ты хочешь попросить у меня совета?

— Да.

— Ух... конечно. Если я не пойму, как ответить, я могу посмотреть в "Потребительских отчетах"⁶⁸.

— Потребительских отчетах?

— У меня есть онлайн-аккаунт в Интернете. Я покупала матрас, основываясь на их рекомендации, не видя, что покупаю, до дня доставки, и это было лучшее решение за всю мою жизнь.

— Правда? — Он улыбался, его глаза сверкнули мне радостным изумлением, и он даже не пытался скрыть это. — Лучшее за всю твою жизнь?

— Да. За всю мою жизнь. Он такой удобный, и когда я дома, то в основном все время в постели. Я собираюсь выйти за него замуж, и у нас будут двухспальные кровати вместе.

— Когда мы были вместе, мы тоже большинство времени проводили в постели. — Все это он произнес без интонации в голосе, а его глаза лишились озорства, как будто это был просто невинный разговор.

— Да, верно. — Мне пришлось прочистить горло — странные ощущения, незнание, как перевести этот разговор в дискуссию, которую я была полна решимости начать. Так же, как и мои трусики, никогда не позволяющие мне забыть, как сильно им нравилось то время в постели с Мартином, поэтому я чувствовала себя немного разгоряченной и рассеянной. — Мы не много спали на той неделе. В моей новой постели все, что мне хочется делать, — это спать.

— Думаю, я ненавижу твою кровать. Если когда-либо мы снова будем вместе, тебе нужно будет избавиться от нее. — Его тон снова был обычным.

⁶⁸ "Потребительские отчеты" — американский ежемесячный журнал. Публикует обзоры и сравнительные тесты потребительских товаров и услуг, базирующиеся на отзывах пользователей и результатах тестирований, проводимых в 50 лабораториях журнала и исследовательских центрах.

Я запнулась, мое сердце дико колотилось в горле. Пришло время, это был мой шанс противостоять ему и решить все между нами.

Однако, прежде чем я смогла сформулировать целенаправленный вопрос, что могло бы послужить ключом к разгадке нашей беседы, он сказал:

— Итак, допустим, мне нравится некая девушка...

Мой рот открылся, и я ощущала себя, словно меня схватили сзади, дыхание со свистом вышло из меня. Я заморгала, глядя на него. Комната накренилась.

— Кэйтлин?

— Да? — Я смогла дышать, хотя комната по-прежнему продолжала опасно наклоняться.

— Ты... — Его глаза прищурились, глядя на меня. — Ты в порядке?

Просто потому что ты не чувствуешь себя спокойной, это не означает, что ты не можешь быть спокойной.

Я кивнула.

— Да. Отлично. Итак, тебе нравится девушка. — Я говорила как робот.

— Да. И мне нужно посоветоваться с тобой по поводу нее.

— Тебе нужен мой совет насчет нее. — Я была достаточно осторожна, чтобы удержать выражение лица невозмутимым и безразличным, хотя мой мозг внезапно охватило огнем. Я заметила на столе нож для масла и вкратце представила себе, как колола бы его им.

В самом деле? Спустя два дня после того сообщения он спрашивал у меня совет по поводу другой девушки? В самом деле?

Bay.

ВАУ!

Парни глупые. Мне нужно было понять, как стать лесбиянкой. Мне нужно было добавить это в мой список дел и поднять вверх на первое место.

Как мужскому роду удалось пережить миллионы лет? Возьмем, например, Мартину как представителя этого самого рода, как он мог думать, что спрашивать меня — свою бывшую девушку, единственную, с кем он провел Рождество, обнимаясь на диване, единственную, для кого он купил пианино, — о другой девушке было хорошей идеей, мужская половина человеческого рода уже должна была вымереть к этому времени.

Конечно же, я знала, что в конце концов он начал бы встречаться с кем-то еще, и я желала ему счастья, но...

ПРИДУРОК!

Ему обязательно было спрашивать совета у меня? Где же Эмма? Где Эрик и Рэй? Мог он заплатить кому-нибудь за это?

И еще... хотя мое сердце едва не получило новую трещину, я ничего не могла поделать с мыслями о том, что просто чудом избежала совершенно новое разбитое сердце. Я находилась в опасном положении, будучи храброй, и ничто не делало человека более глупым и уязвимым, чем храбрость.

Он был заинтересован в ком-то другом. Он просто дал мне окончательный ответ на все мои вопросы. Мартин Сандеки официально порвал с Кэйтлин Паркер. Я получила свой ответ, потому что никогда не была единственной, и теперь я могла перестать мечтать.

— Кэйтлин?

— Хммм?

— О чём ты думаешь?

Я заморгала в замешательстве и покачала головой.

— Извини, что ты сказал?

Я должна была абстрагироваться со всеми этими планами стать лесбиянкой, уничтожить мужской род и еще многое другое. Я позволила себе ощутить тупую боль, но будь я проклята, если показала бы это.

Его глаза сузились, и он одарил меня напряженно-подозрительным взглядом.

— Что было последним из того, что ты слышала?

— Ты говорил что-то о своей... девушке? — Я была очень горда тем, что не закончила предложение, а потом не воткнула в него мой нож для масла.

— Да, а затем я спросил тебя, как мне нужно объяснить этой девушке, что я заинтересован в ней.

Теперь я напряженно-подозрительно взглянула на него.

— Мартин Сандеки, ты не можешь быть серьезным.

— В чём?

— Тебе не нужны ни от кого советы, чтобы соблазнить девушку. — Я прочистила горло, после того как сказала это, потому что мне не понравилось, какой печальной я казалась. Мне просто нужно было прожить следующие пять минут, после чего я наконец смогла бы закрыть книгу наших отношений. Теперь я знала наверняка, что он не желал меня.

Он желал кого-то нового.

— Ты не права, мне нужен совет. У меня ничего не выходит, когда я по-настоящему в ком-то заинтересован. Я слишком напорист, говорю какие-то глупости, веду себя как мудак, добиваюсь слишком многоного слишком быстро. Я устал все портить. Хочу сделать это правильно.

— Потому что женщины обычно сами бросаются на тебя, и поэтому тебе никогда не приходилось прилагать усилия для этого? — Я была рада, что стала больше похожей на себя.

Он нахмурился, изучая меня и мои слова, долгое время так или иначе не соглашаясь, потом пожал плечами.

— В основном, да.

Я фыркнула.

— Ты такой высокомерный.

— Паркер, мы оба знаем, почему эти девушки сами бросались на меня, и это никак не связано с моей умной головой.

— Или твоим малюсеньким, микроскопическим сердцем.

Он сначала нехотя рассмеялся, потом просто отдался этому. Его глаза сузились, раскатистый звук был заразительным и захватывающим. Я тоже рассмеялась, покачав головой.

Это ощущалось странно — смеяться с ним. Тяжело было смеяться с человеком, когда возвел защиту вокруг себя. Смех мог быть таким же интимным, как прикосновения. Учитывая тот факт, что он определенно двигался дальше, я не хотела вступать в интимные отношения с Мартином когда-нибудь снова, так что мое веселье утихло раньше, чем его, и я искала способ освободиться от своей ревности и на самом деле помочь ему.

В итоге, я решила притвориться и пустить в ход благие намерения.

Я ревновала к этой гипотетической девушке. Безумно ревновала. Я не знала иного способа обойти мою ревность, кроме как притвориться, что мне было все равно. А мысль о том, что он пытался ухаживать за кем-то другим, не просто сделала меня жестокой, я стала отвратительной. Я оттолкнула полезные советы.

Стараясь не показывать, какой взволнованной делал меня этот разговор, я добавила уверенности в голос, которой не чувствовала:

— Ладно, итак... тебе нравится девушка, и ты не знаешь, что делать, как дать ей знать, что ты заинтересован без излишней напористости, не говоря глупостей и не ведя себя как мудак.

— Да. Точно.

Я взглядалась в него, пытаясь подойти к этому исключительно с точки зрения решения проблемы и подавить боль в моем сердце. Он смотрел в ответ, его взгляд был пристальным и осторожным, словно следующие слова из моих уст могли раскрыть все известные тайны Вселенной.

Я выпрямилась на сидении, пытаясь отстраниться от мыслей о Мартине с кем-то другим, потому что эмоции начинали забивать мое горло.

— Прагматически говоря, многим женщинам нравится всецело пещерный человек. Ты должен быть в состоянии отойти от того, чтобы просто быть собой, не изменяя своим принципам.

Он выглядел разочарованным, может, немного расстроенным.

— Потому что я пещерный человек? Вот каким ты видишь меня?

— Нет-нет. Не совсем, — сказала я автоматически, потом попыталась разъяснить: — Я имею в виду, мы... мы сейчас точно друзья, все по-другому. До этого, когда ты был заинтересован во мне, ты был властным и требовательным.

— Тебе нравилось это, я уверен.

— Иногда мне нравилось это... — Я замолчала, думая о том, как сильно мне нравилось, когда Мартин брал ситуацию под контроль, когда мы прикасались друг к другу и были близки. Еще мне нравилось спорить с ним, нравилось, что он не был слабым противником, поэтому я добавила: — Мне нравилось, что ты бросал мне вызов и вытолкнул меня из моей зоны комфорта, подтолкнул меня увидеть, что страсть имеет значение. Но мне не нравилось, когда ты был жестоким и требовательным или пытался манипулировать мной, крича на меня. Никому не нравится, когда на него кричат. Еще мне не нравилось, каким грубым ты иногда был к моим чувствам. Я ценила твою честность, но важно быть честным, не будучи злым. Имеет ли это смысл?

Он задумчиво кивнул, его глаза потеряли сосредоточенность.

— Это имеет смысл.

— В конечном счете, хотя, когда мне не нравилось, как ты вел себя, я говорила тебе об этом. Как ты говорил ранее, ты не можешь читать мысли. Никто не может читать мысли. Господь знает, что я все еще не могу критиковать, даже когда мне смотрят в лицо. Думаю, ты изменил эту неделю или пытался. Но, учитывая тот факт, что это была только одна неделя, я действительно думаю, что мы оба старались изо всех сил, чтобы услышать друг друга и измениться в лучшую сторону.

— Вот об этом я и говорю. Ты помнишь, что хотела, чтобы я сделал все по-другому с самого начала? Как мне подойти к этой девушке и не сделать тех же ошибок, которые я сделал раньше?

Мгновение я смотрела на него, борясь с собой, мое сердце болело с каждым ударом. Я хотела наброситься на него, закричать на него за желание сделать все правильно с этой девушкой, используя меня и наше время вместе, чтобы это произошло. Собственно говоря, я не смогла остановить себя от едкого замечания:

— Во-первых, убедись, что ее мать не сенатор, тогда не будет международного конфликта интересов, которым ты сможешь воспользоваться.

Его челюсть сжалась, когда он проскрежетал зубами и сосредоточился на нетронутом печенье. Это была длинная пауза, во время которой Мартин выглядел так, словно хотел сказать что-то, но оставался поразительно спокойным.

— Извини, это было глупо говорить. Я не знаю, что со мной не так.

Я попыталась улыбнуться и компенсировать мой неудачный сарказм, искренне добавив:

— Почему ты просто не попытаешься спросить ее, не занята ли она на выходных? Просто спроси: "У тебя есть планы на выходные?", и если она скажет "нет", тогда попроси ее сходить в кино или поужинать. Не обязательно лететь на частные острова на неделю как в лагере знакомств.

— С нами этого было слишком много слишком быстро. Я оттолкнул тебя, — сказал он с соответствующей искренностью, его глаза опутали мои.

— И да... и нет. Я сомневаюсь, что дала бы тебе много шансов, если бы мы не застряли на том острове. Но ты другой сейчас. Ты изменился. — Мои слова были честными, потому что мне стало чрезвычайно неловко. Мне нужно было, чтобы он ушел, так я смогла бы проанализировать наш разрыв — наш настоящий разрыв — без его крайне блестящих глаз, наблюдающих и оценивающих меня.

— Что ты имеешь в виду? — Он наклонился и потянулся вперед, прижимая ладонь к поверхности стола всего в двух дюймах от моей руки, которая покоилась рядом с чашкой, но он не прикасался ко мне.

— Ну, ты не кричишь на меня с тех пор, как мы стали друзьями. Ты ругаешься матом, но не кричишь. Ты... другой. Более зрелый, вежливый. Ты кажешься спокойнее. Удовлетвореннее.

— А это хорошо? Тебе нравятся перемены?

— Да, конечно. — Я улыбнулась, потому что ничего не могла поделать с собой, и даже сейчас, даже когда я знала, что наш корабль уплыл, я хотела успокоить его, поскольку беспокоилась о нем. — Да, конечно же. Удовлетворенность и самоконтроль тебе к лицу.

— Счастье и страсть хорошо идут тебе. — Рука Мартина потихоньку приближалась к моей, костяшки его пальцев задели мои, словно он проверял, как я могла воспринять его прикосновения, и он захватил мою руку своей и сплел наши пальцы на столе.

Я позволила ему это, потому что, СВЯТОЕ ДЕРЬМО, это было так хорошо, словно горячий шоколад в снежный день... с большим количеством "Бейлис"⁶⁹. На Рождество мы были в коконе: обнимались, лежали вместе и держались за руки — это было естественно. Я

⁶⁹ "Бейлис" (англ. Baileys) — ирландский сливочный ликёр, производимый компанией R. A. Bailey & Co. В его состав входят ирландский виски и ирландские сливки.

скучала по его прикосновениям всю прошедшую неделю. Я скучала по этому так сильно. Я жаждала этого. И сейчас, зная, что это мог быть последний раз, когда мы вот так прикасались друг к другу, я ощутила поразительную связь, необходимость и, как ни странно, соблазн. Может быть, мое тело жаждало его тела, потому что я никогда не была ни с кем другим. Может быть, его прикосновение опьяняло меня, мое сердце бешено колотилось, потому что он знал меня так близко. Он прикасался ко мне со знанием моих сильных и слабых сторон, моих желаний, знанием о том, кем я становилась, теряя контроль над собой.

Я смотрела на наши соединенные руки, сжимая губы вместе и перекатывая их между зубами, думая, что могла застонать. Это было плохо. Очень-очень плохо. Мы просто держались за руки. Как я смогла бы жить дальше так, как он, если не могла даже держать его руку?

А теперь он захотел быть с кем-то другим.

Он хотел, чтобы я помогла ему, дала совет, как ухаживать за другой девушкой. Если я продолжила бы быть его другом, на этот раз я понесла бы полную ответственность за свое разбитое сердце, не потребовалось бы даже помочи от Мартина.

Я почувствовала, что начинала расклеиваться. Кровь шумела в ушах. Не в состоянии сохранять спокойствие над всеми бурлящими и бурными эмоциями, я отдернула руку и резко встала, мой стул проскрежетал по деревянному полу, когда я попятилась на два шага назад.

— Мне нужно вернуться к работе. — Я прошептала это печенью, потому что... самосохранение.

— В какое время ты освободишься?

— С работы? — спросила я тупо, мои глаза метнулись к нему, потом в сторону, когда столкнулись с его твердым взглядом.

Но я уловила его ухмылку, прежде чем он ответил:

— Да. С работы.

— Не слишком поздно. — Я шагнула вперед, складывая наши чашки и очищая тарелки.

— Какие планы на выходные? — спросил он.

Я пожала плечами, старательно не поднимая нетяжелые тарелки со стола, чтобы он не увидел, как дрожали мои руки.

— Хм, у меня выступления в пятницу и субботу вечером. По большому счету, мне просто нужно собрать вещи для занятий. — Я прижала тарелки близко к груди и повернулась к кухне.

— Не хочешь погулять в воскресенье? Отпраздновать смену специализации? — Он встал, схватив последние тарелки и последовав за мной.

— Где? В городе?

— Нет, я буду здесь. Мы можем поужинать.

Я задумалась над этим на долю секунды, но потом поняла, что мне нужно было больше времени, чтобы определиться, смогла бы я действительно быть друзьями — только друзьями — с Мартином. Я понятия не имела. Поэтому я решила, что один ужин не навредил бы. По крайней мере, это дало бы мне возможность по-настоящему попрощаться.

— Конечно. Пицца? — Мой голос сорвался.

— Нет. Что-нибудь более формальное. Надень платье.

Я сложила очищенную посуду в раковину, все еще чувствуя себя взволнованной и рассеянной.

— Платье?

— Да, если ты не против. Я хочу кое-что попробовать.

Повернувшись и посмотрев ему прямо в глаза, уперев руки в бедра, я одарила его вопросительным хмурым взглядом. Я немного задыхалась, поскольку пыталась спешить за нашим разговором и головокружительными мыслями в моей голове.

— Как эксперимент?

Он кивнул, его глаза захватили мои, затягивая все глубже в очарование Мартина Сандеки.

— Да. Точно. Как эксперимент. Я даже помогу тебе после подсчитать результаты.

Я издала смешок, который больше был похож на нервный, чем искренний. Ему нужно было уйти, чтобы я могла понять, что делать без ослепляющей помехи в его обществе.

Я спешно согласилась:

— Конечно. Отлично. Суббота. Я надену платье. Мы будем экспериментировать.

— Хорошо. Я заберу тебя в семью.

Прежде чем я поняла его намерения, он схватил меня за предплечье, чтобы удержать на месте, наклонился вперед и поцеловал в уголок рта. Я все еще была парализована шоком, размышляя, что если он намеревался поцеловать в щеку и промахнулся, когда уловила его запах.

От него хорошо пахло. Очень хорошо.

Как от парня, который принимал душ с дорогим французским мылом с ароматом сандаля, а еще чем-то, что было присуще только ему. Это была его часть, что захватила мой мозг, потому что это вернуло меня обратно на яхту в Карибском море, где мы смеялись и боролись, целовались... и занимались сексом.

Это вернуло меня к уютным объятиям с ним на диване в его квартире: прижимать его к себе и просыпаться с ним рождественским утром. Слезы жалили глаза, я была поражена тем фактом, что он бесспорно больше не был моим. Он хотел кого-то другого.

Тем временем Мартин уже начал двигаться. Он обошел свой стул, схватил пальто, бросил на стол пятьдесят долларов и ушел без лишних слов. Дверной колокольчик оповестил меня о его уходе. Это вырвало меня из транса как раз к тому моменту, чтобы увидеть его, поворачивающегося налево и исчезающего из моего поля зрения.

Он не оглянулся назад.

Глава 13: Стандартные термодинамические величины некоторых веществ при 298.15 K

— Объясни мне, что произошло между тобой и Мартином, потому что... я не понимаю.

— Говорила тебе, мы собираемся поужинать как друзья. — Я мысленно дала себе пять, потому что этоозвучало убедительно и сдержанно. И это было чудом.

Несмотря на тот факт, что Мартин двигался дальше, я не могла. Я не могла дружить с Мартином Сандеки.

Не могла.

Не хотела.

Я хотела большего и, вероятно, всегда хотела бы большего.

После долгих размышлений с тех пор, как я видела его в начале недели, решила пойти по своему первоначальному плану противостояния ему. Я собиралась быть взрослой и рассказать ему, что все еще была влюблена в него. Затем я собиралась спросить Мартина, несмотря на его интерес к кому-то другому, были ли у него еще чувства ко мне, которые он желал проверить при помощи дружбы.

Дальше у меня не было конкретного плана.

— Как друзья? — Сэм говорила и выглядела скептически.

— Да. Как друзья.

— Ладно.

— Это правда. На самом деле, прямо перед тем как мы спланировали поужинать, он просил меня дать совет о другой девушке. — Я пожала плечами.

— Ох... — Лицо Сэм поникло, тогда она сказала сама себе: — Ну, с его стороны было хреново так делать.

— Все хорошо. Я в порядке.

Но я не была в порядке.

Я была абсолютно не в порядке.

Но со мной было бы все хорошо... со временем.

Или он сказал бы "да" и это значило бы, что у него все еще были ко мне чувства. В этом случае мы смогли бы уладить детали нашего примирения и двигаться вперед.

Или он сказал бы "нет" и это значило бы, что он двигался дальше. В таком случае я сказала бы ему, что не могла продолжать дружить с ним, но желала ему успехов.

По крайней мере, я бы знала наверняка. По крайней мере, я бы двигалась вперед так или иначе.

— А я не в порядке, если тебе это интересно, — объявила Сэм, вытягивая меня из своих мыслей. — Я вообще не в порядке. Кто она? Она умная? Симпатичная?

— Если эта девушка — та, о ком я думаю, и это его бизнес-партнер Эмма, тогда да. Она очень умная и красивая. — Я решила, что предполагаемая девушка была либо Эмма, либо Роуз, обе были несомненно красивы.

И это было хорошо.

На самом деле это было по-настоящему хорошо, без притворства. Меня больше волновало быть красивой для самой себя, чем становиться привлекательней в сравнении с кем-то еще.

— Я ненавижу ее.

Я рассмеялась над своей подругой.

— Нет причин ненавидеть ее.

— Почему ты не возражаешь против этого? Мартин был твоей первой любовью. Ты любила его. Ты была влюблена в него. Ты плакала месяцами после того, как вы расстались, что было для тебя нетипичным проявлением эмоций.

— А почему ты пытаешься заставить меня возражать против этого?

— Я не пытаюсь. Я просто... — Ее лицо скривилось в задумчивом недовольстве. — Я просто переживаю за тебя.

— Не стоит.

— Ничего не могу с собой поделать. Я не хочу, чтобы ты снова пряталась в шкафах.

Я попыталась ободряюще улыбнуться Сэм, отметив, что это — ее беспокойство — было определенно из-за того, что я не поделилась своими планами с ней. Насколько она знала, мы с Мартином были платоническими друзьями и я покончила (или почти покончила) с ним. После того, через что я провела ее за лето, не было причин давать ей повод для беспокойства сейчас.

Я повернулась обратно к зеркалу и нахмурилась из-за своего отражения.

— Я не могу надеть это платье.

Мне понравилось платье в магазине. У него был сложный покрой. Бежевый шелк был нашит снизу. Поверх был слой черного ажурного кружева, связанного крючком. Платье обтягивало мое тело: грудь, торс и бедра — подчеркивая мою маленькую талию, в сравнении с широкими бедрами и бюстом.

На тот момент мне понравился его квадратный вырез и то, что оно было длинной чуть ниже колен. Мне казалось, у платья все же было недостаточно глубокое декольте. Большие сиськи всегда красиво смотрелись с квадратным вырезом, и это открывало в выгодном свете мою шею и ключицы.

По правде говоря, я купила его только для этого ужина с Мартином. В нем я чувствовала себя хорошо, уверенно. Я переживала, что оно было излишне сексуальным. Мне не хотелось казаться отчаянной или манипулирующей, не тогда, когда я планировала серьезно поговорить с ним о том, были возможны или нет наши отношения в будущем.

— Почему? Ты выглядишь горячо. Сексуально. Я подготовлю тебя.

— Потому что это может быть слишком сексуально. А это всегда цепляется к вещам.

— Я подвигала туда-сюда рукой над ажурными рукавами, и мой браслет зацепился. Я перестала двигаться, потому что не хотела вытянуть нить и порвать платье.

— Видишь. Мой браслет зацепился.

— Конечно, когда ты пытаешься зацепить свой браслет, он обязательно зацепится.

— Сэм закатила глаза, потом подошла ко мне, помогая распутать мою руку и снять браслет.

— Просто надень другой браслет. Или не надевай браслет вообще... — Затем добавила себе под нос: — Для него будет легче, когда вы оба поддадитесь страсти.

Я выпрямила губы в недовольную линию и приклеила гримасу на свое лицо.

— Я хотела, чтобы он был благоразумным и не поддавался страсти.

Она взглянула на меня, ее лицо говорило: "Я тебя умоляю".

Потом она сказала:

— Я тебя умоляю!

— Это правда. Я... мне нужно поговорить с ним, убедиться в правильности некоторых вещей. И кроме того, как я уже сказала, он хочет кого-то другого.

— После того, как он увидит тебя в этом платье, он не захочет никого другого.

Я расстроилась, потому что мнение Сэм было совсем не тем, чего бы мне хотелось. Я хотела, чтобы Мартин желал меня, именно меня. Но не из-за платья. Я хотела, чтобы он думал обо мне как о единственной, потому что, несмотря на все, он все еще был моим единственным.

Боже! Это было так запутанно.

— Вот и все, я переодеваюсь.

— Нет! Нет времени. Он будет здесь в любую минуту. Уже почти семь.

Ох. Блин.

Я напряглась, взглянув на часы над моей кроватью.

— Ох, черт!

— Что?

— Я скоро вернусь. — Я перерыла всю комнату в поисках черных туфлей. — Я собираюсь сбегать в химчистку и забрать свой смокинг, пока они не закрылись.

— Что? Почему?

— У меня завтра выступление, и я забыла забрать его сегодня. Черт! Они закрываются через десять минут, а завтра они не работают весь день.

Я скользнула в одну туфлю, решив, что платье и так смотрелось бы хорошо.

— Нет! Ты не можешь надеть эти туфли! — Сэм бросилась за мной, вырывая вторую туфлю из моей руки. — Это преступление против моды. Я не позволю тебе сделать это.

— Сэм, у меня нет на это времени.

Она повернулась и торопливо вышла из комнаты, держа туфлю в заложниках, и вернулась спустя несколько секунд, принеся сексуальные черные шелковые туфли на шпильке. Я запихнула в черный клатч кошелек, гигиеническую помаду и мобильный телефон.

— Вот. Надень эти. — Она протянула их мне.

— Я не могу надеть это. Они слишком... слишком...

— Они прекрасны. — Она опустилась на колени и подняла одну ногу, затем другую, прибавляя мне три дюйма роста при помощи туфель. — Видишь, они подходят. Они идеальные.

Я не посмотрела в зеркало. Если бы я не поспешила, химчистка закрылась бы и вместо этого мне пришлось бы надеть свой грязный смокинг. Он пах потом и соусом барбекю. Я засунула клатч под мышку и повернулась к двери.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? Он будет здесь в любую минуту, — спросила она.

— Нет, все в порядке. Я просто очень быстро сбегаю через улицу. Сомневаюсь, что он поведет меня в такое место, где требуется бронь или типа того.

— Я не возражаю, — крикнула она мне вслед, пока я пропустила по коридору к фасаду встроенного шкафа.

— Я поняла, — крикнула я в ответ.

— Ладно, хорошо. Мне в любом случае пора пойти сбросить груз, — объявила она, и я услышала, как дверь в ванную захлопнулась.

Я ухмыльнулась, когда вошла в шкаф и нашупала свое строгое пальто. Конечно же, оно было сзади. В последний раз я видела его, когда распаковала его два дня спустя после нашего переезда в квартиру. Я даже не была уверена, что оно было в шкафу.

Я потянула за шнурок, чтобы включить лампочку наверху, потому что дверь закрылась позади меня, отрезая источник света.

Я пробиралась через двадцать с лишним пальто и напомнила себе спросить у Сэм, зачем ей понадобилось так много пальто. Здесь их было каждого цвета радуги плюс четыре или пять черного цвета, которые по мне выглядели одинаково.

— Странные, — сказала я пальто, покачивая головой.

Потом прозвучал стук в дверь, и я замерла, мой мозг прокричал: "О, моллюски! Он здесь!" Я отвернулась, отказываясь от поисков пальто, но поняла, что не могла пошевелиться. Я повернулась, нахмурившись, посмотрела вниз на себя в поисках источника, остановившего меня.

Кружевное платье зацепилось, по крайней мере, в трех местах на трех разных пальто кнопками за манжеты.

Стук!

— Иду! — Я услышала крик Сэм, когда дверь в ванную открылась, и последовавший за этим звук смыва унитаза.

— Постой, Сэм! — прошептала я, потянувшись к двери, свою ошибку поняла слишком поздно. Она не могла слышать меня, если я говорила шепотом из-за почти закрытой двери.

Было поздно, потому что двумя секундами позже я услышала, как она открыла входную дверь и проговорила:

— Кто ты, черт возьми?

Я вздохнула с облегчением, обрадовавшись, что это все же был не Мартин, затем повернулась, выпутываясь из множества пальто Сэм.

Мое облегчение было недолгим, потому что спустя мгновение голос Мартина ответил:

— Я Мартин. А ты кто?

Я замерла.

— Ха-ха, заходи. Паркер только что ушла по делам, она сейчас вернется.

— По делам?

— Ага, ей нужно забрать одежду из химчистки через дорогу. Она должна управиться буквально меньше чем за десять минут. Они закрываются через десять минут и завтра весь день не будут работать, а у нее концерт завтра вечером, так что... понимаешь, такое дело, — объяснила Сэм, закрывая двери.

— Где она выступает завтра?

— Я не знаю, какая-то модная суматоха. У нее смокинг — это униформа для всех выступлений.

— А Кэйтлин работает каждый день? У нее когда-нибудь бывают выходные?

— Голодный художник должен же как-то зарабатывать на жизнь, да?

— Хммм... — Его ответ звучал уклончиво, но в нем сквозило разочарование, как будто он был раздражен, что я должна была работать каждый день. Но я хотела работать,

чтобы доказать, что могла поддерживать себя, работая музыкантом. Это было важно для меня.

Не понимала, почему я зациклилась на этом, в то время как застряла в шкафу, не имея возможности изящно выйти. Я снова взглянула на пальто, удерживающее меня на месте, как раз решила позвать и попросить о помощи, когда Сэм снова заговорила:

— Мартин, ты все еще влюблен в Кэйтлин? Или ты здесь, просто чтобы снова разбить ее сердце на миллион крошечных осколков?

Я замерла. Мой крик о помощи застрял в горле.

— Снова? — Его тон был бесстрастным. — Я не знал, что такое случилось. Когда это произошло?

— Не поступай так со мной, красавчик. Я не впечатлена твоей приятной внешностью из журнала GQ⁷⁰, твоими хранилищем для денег, как у Скруджа МакДака, или твоим гениальным мозгом.

— Тогда что впечатляет тебя? — Я знала, что он улыбался... показывая свои отполированные зубы.

— Честность, — сказала она.

Я могла представить ее лицо, когда она говорила это. Ее брови поднялись бы с вызовом, словно она не ожидала от него честности, словно она высмеивала его.

Я открыла было рот снова, но потом остановилась, крепко зажмутившись, потом повернулась к пальто. Я не могла позвать на помощь. Было уже слишком поздно. Единственное, что я могла сделать, — это освободить себя и попробовать улизнуть незамеченной, молясь о том, чтобы перед этим Сэм проводила его в гостиную.

Вместо этого я услышала, как она настаивала на своем:

— Почему ты забросил занятия? Ты даже не пытался связаться с ней. Надо быть своего рода придурком, чтобы так поступить.

Потом я услышала вопрос Мартина, который сейчас был очень близко к двери:

— Ты хочешь услышать правду?

— Нет, Мартин. Соври мне. Мне нравится, когда парни так делают. — Тон Сэм был вялым, и это заставило бы меня рассмеяться, если бы я не зацепилась за ее пальто в шкафу.

Он действительно рассмеялся, но это прозвучало натянуто.

— Конечно, отлично, вот правда. Я бросил все, потому что, если бы не сделал этого, то был бы не в состоянии держаться о нее подальше.

⁷⁰ GQ (Gentlemen's Quarterly) — ежемесячный журнал. Издание о моде и стиле: бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки.

— Выходит, ты забросил занятия, вылетел из колледжа, бросил своих товарищ по команде, потому что ты не мог держаться подальше от Кэйтлин?

— Конечно.

— А сейчас? Что на самом деле ты здесь делаешь?

Он ответил не сразу, а глупая я задержала дыхание и подслушивала, словно чокнутая.

Наконец он сказал:

— Это на самом деле не твое дело.

— Но она — это мое дело. Если у тебя вредные намерения, это мое дело. Она МНМ, ты знаешь, что это значит? Это значит: Мальчик, я Набью тебе Морду, если ты спутаешься с моей девчонкой.

— Что за МЯНТМЕТС... СМД?

— Нет, ничто не считается сокращением МНМ, кроме "Мальчик", "Набить" и "Морда". Это ТБА.

— ТБА?

— Трехбуквенный акроним⁷¹.

— Конечно.

— Возвращаясь к моему первоначальному вопросу, каковы твои намерения?

— Сэм...

— Ты все еще влюблен в нее?

Молчание.

— Так это правда! — Она была возбужденной, как будто бы он ответил, но я знала, что это было не так. — Ты влюблен в нее! Конечно влюблен. Но это что-то вроде мести?

Молчание.

— Нет! — Прозвучало так, словно она прыгала вверх-вниз. — О мой Бог, ты влюблен в нее, и ты... хочешь ее вернуть?

Молчание.

— Хмм... ты не хочешь вернуть ее. Это странно.

— Я не говорил этого.

— Ну да!

— Я ничего не сказал.

— Тебе и не нужно было. Я могу прочитать это на твоем больном любовью лице.

— Она разве не должна уже вернуться? — Его голос был напряженным, раздражительным.

⁷¹ Акроним — вид аббревиатуры, образованной начальными звуками (напр. НАТО, вуз, НАСА, ТАСС).

— Так что ты все еще влюблена в нее и хочешь вернуть, но... что? Почему ты просто не скажешь ей об этом?

Молчание.

— Хмм... ты боишься.

Молчание.

— Нет, нет. Это не так. Ты не боишься.

Он вздохнул.

— У тебя есть кто-то другой. Другая девушка, и — я не могу поверить, что говорю это вслух — ты слишком благородный, чтобы порвать с Эммой.

— Эмма? Кэйтлин упоминала Эмму?

Я сжала руки в кулаки, мое сердце скакало в груди. Я собиралась убить Сэм. Она была точно умерла.

— Да. Она рассказывала об очаровательной Эмме. Кэйтлин думает, она симпатичная и вы двое красивая пара.

— Меня не интересует Эмма.

Я прикрыла рот рукой, чтобы не был слышен мой вздох. Я не собиралась убивать Сэм. Я собиралась купить ей машину.

— Ты порвал с ней? — спросила Сэм.

— Нет. Мы никогда не были вместе.

— Но ты позволил Кэйтлин думать, что вы были вместе.

— Нет. — Он замолчал, потом я услышала, как его шаги удалялись прочь. Когда он заговорил, его голос прозвучал расстроено: — Я не буду обсуждать это с тобой, Сэм. Мне нужно позвонить.

— Конечно-конечно. Можешь воспользоваться комнатой Кэйтлин, чтобы позвонить, она в конце коридора.

Я услышала его удаляющиеся шаги, которые сопровождались звуком закрывающейся двери в мою спальню. Я стояла, словно замороженная, почти несколько секунд, убеждаясь, что горизонт был чист. Я собиралась повернуть еще два пальто,держивающих меня, когда дверь шкафа открыла Сэм.

— О мой Бог! — прошептала она с чувством. — Ты слышала это? Он любит тебя! Он не с Эммой!

— Сэм! — прошептала я в ответ, свирепо нахмурившись. — Ты все это время знала, что я здесь.

— Да. Конечно, я не слышала, как ты уходила, так что подумала, что ты спряталась.

— Нет. Я попала в паутину изобилий твоих пальто и оказалась в ловушке.

Она усмехнулась, взглянув вниз, где я запуталась манжетой за пуговицы ее одежды.

— Ха-ха, это смешно. Так, дай я помогу. — Она скользнула внутрь и быстро распутала меня, потом вытолкнула из шкафа.

Как ниндзя одежды, она тут же нашла мое строгое пальто и сорвала его с вешалки. Бросила его мне, потом потянула за шнурок, чтобы выключить свет. Пока я судорожно натягивала свое пальто, она на цыпочках подошла к входной двери.

Она сначала открыла ее.

Потом закрыла.

Затем сказала громко:

— Ох. Ты вернулась.

Я одарила ее перепуганным взглядом, отбросив волосы от воротника, и прошептала:

— Что ты делаешь?!

— Они уже были закрыты? Ты не забрала одежду из химчистки.

— Прекрати это, — прошептала я отчаянно. Все мои надежды на храбрость и планируемую отвагу рассеялись.

Между тем Сэм улыбалась, как хищница.

Дверь в мою комнату открылась, и я напряглась, мои глаза ненадолго закрылись. Я вдохнула, пытаясь выровнять дыхание, повторяя про себя: "Даже если ты не чувствовала себя спокойно, не значило, что ты не могла быть спокойна".

Ощущив себя немного более сосредоточенной, я повернулась в сторону коридора с приклеенной к лицу радушной улыбкой. Глаза Мартина столкнулись с моими, когда он шагнул по направлению ко мне, заставляя меня инстинктивно сделать пол шага назад. Это было из-за силы, его силы.

Он был огромным, одет в черный английский костюм, тонкий черный галстук, синевато-серую рубашку, которая превращала его глаза в стальные лезвия. Тяжелое пальто было перекинуто через руку. Он, наверное, просто снял его. Я пыталась заставить свое сердце прекратить прыгать на подушке из моих легких, пока я не упала и не разбила голову, но это не помогло. Оно сделало самоубийственный прыжок в его направлении, посыпая растекающееся тепло от кончиков пальцев до висков, заставляя мои колени ослабеть.

Глупое сердце-самоубийца.

— Эй. — Мой голос ослаб, поэтому я прочистила горло, когда он подошел. — Извини за это, — сказала я, что прозвучало более уверенно. Я указала большим пальцем за плечо. — Моя униформа в химчистке, а она нужна мне на завтра.

Он не останавливался до тех пор, пока не оказался практически надо мной, потом наклонился и оставил легкий поцелуй на моей щеке, одной рукой захватив мое предплечье,

удерживая меня на месте. Это было отголоском того поцелуя, которым он одарил меня ранее на неделе, и снова меня атаковали его запах, близость и тепло.

Казалось, я могла бы упасть в обморок.

В очередной раз все закончилось прежде, чем я полностью осмыслила, что же произошло. Он сделал шаг назад, но не отпускал мою руку в течение двух секунд.

Как только его рука опустилась, его взгляд упал на мое лицо, потом опустился к моему застегнутому пальто. Потом переместился обратно к моим глазам. Они пронзили меня.

— Нет проблем, я только недавно пришел. Ты готова идти?

Я кивнула.

— Угу. — Хотя я не была готова, все мое мужество было до сих пор в шкафу с пальто Сэм.

Его губы медленно растянулись в улыбке, когда он смотрел на меня и надевал свое пальто.

Вмешалась Сэм:

— Ну, повеселитесь, сумасшедшие детишки. У нее нет комендантского часа, Мартин. Но было бы не плохо, если бы ты вернул ее в целости и сохранности, если ты уловил смысл.

Его глаза скользнули к Сэм, и выражение лица омрачилось.

— Пока, Сэм, — сказал он, потянувшись к входной двери, и придержал ее открытой для меня.

— До свидания, Мартин. — Она улыбнулась ему, как хищница.

* * *

Я была неправа.

Место, куда он меня привел, определенно требовало предварительного бронирования.

Несмотря на сомнительное начало вечера, когда мы добрались до его машины, все чувствовалось немного более естественней, легче. Он спрашивал меня о работе. Вместо разговора о группе или "Блюз Бин" я сказала ему, что я бы в свои двадцать забросила проекты венчурного капитала в пользу инвестиций больших денег в перспективные научные шкафчики.

Он рассмеялся, и напряжение почти исчезло.

По пути мы говорили о его Spotify⁷²-плейлисте и о том, какие книги он прочитал. Его привлекательность и великолепие ощущались меньше, не как лазерный луч, направленный в мое сердце, а больше как: "Ох... посмотри, это Мартин". Я наполовину убедила себя, что могла все еще двигаться вперед с моим планом уладить все между нами.

Но теперь, когда мы достигли цели нашего путешествия, а ресторан был на самом деле очень шикарным, я ощутила повторный всплеск беспокойства. Я была уверена, что ужин стоил бы больше, чем половина моей зарплаты. Я не могла себе этого позволить, потому что просто потратила весь заработок на потрясающее платье, которое было на мне.

Я растеряно позволила Мартину снять мое пальто, пока мой взгляд скользил по обстановке. Здесь было уютно. Было видно около шести столиков, и все они были скрыты заличными ширмами. Освещение было тусклым, но не темным, уютным, но не расслабляющим. Все кричало об изящном будуаре: роскошные красные стены, темная мебель, тяжелые малиновые бархатные портьеры в полоску. Это было романтично.

Вычеркнете это.

Это не было романтично.

Это было сексуально.

И это выглядело очень эксклюзивно, словно тебе нужна была членская карточка, чтобы войти. Я сильно сглотнула, сжимая губы вместе и хватаясь за клатч.

Полностью поглощенная своим отчаянием, я предположила, исходя из очевидной чувственности ресторана, что Мартин привез меня сюда сегодня вечером с целью опробовать место, прежде чем он привез бы сюда ее. На прошлой неделе он сказал, что сегодня вечером собирался устроить эксперимент. Конечно же, он захотел проверить ресторан, прежде чем провести свое настоящее свидание.

Понурившись, я поняла, не было никакого способа, что я была бы в состоянии противостоять Мартину во время нашего ужина. Я не могла быть храброй в таком месте, особенно когда занимала место девушки, которую он надеялся завоевать. Мне вдруг захотелось, чтобы вместо этого места он повел меня в боулинг.

Поэтому, отвлеченная своим беспокойством, я почти не расслышала, как Мартин прошептал:

— Черт бы меня побрал...

Я обернулась, посмотрев на него, и обнаружила, что его глаза медленно двигались, ошеломленно окидывая взглядом мое платье сверху вниз или, вернее, мое тело в платье, и склонила голову на бок.

⁷² Spotify (Спотифай) — шведский музыкальный сервис, предлагающий легальный стриминг музыки многих лейблов, включая Sony, EMI, Warner и Universal.

— Это значит, что ты удивлен, да?

— Иисус Христос, Кэйтлин. — Его глаза поднялись и взглянулись в мои, потом он наклонился вперед и прошептал мне на ухо: — Это платье выглядит так, словно ты голая под этим черным кружевом.

Я покачала головой и шепнула в ответ, желая оправдать себя:

— Все же я не голая. Это просто шелк телесного цвета. Вот, просунь палец в одно из отверстий.

— О, Господи, — простонал он и отклонился в сторону, покачивая головой и сжимая зубы, его глаза уперлись в пол, когда подошел метрдотель.

Я поморщилась, задумавшись, было ли мое платье непристойным. Я пыталась остановить румянец до его появления и сделала шаг назад, позволяя Мартину разобраться с мужчиной, пока я разбиралась со своим смущением. Я хотела переодеться, но теперь было слишком поздно.

Черт, я захотела остаться в шкафу.

Вскоре нас провели к очень приватному столику, полностью скрытому за несколькими хитро расставленными ширмами. Рука Мартина была на моей спине, и я чувствовала себя неуклюжей и неуверенной. Метрдотель подошел, чтобы отодвинуть для меня стул, но Мартин нахмурился, глядя на него, потом сверлил его взглядом, пока тот не отступил. Мартин сдвинулся, выдвигая для меня стул. Делая это, он выглядел свирепым и немного расстроенным.

Я поспешила занять свое место, потом приняла предложенное меню, едва уделив внимание, когда метрдотель перечислял блюда от шеф-повара. Я была слишком занята, глядя на цены. Там ничего не было. Мой желудок опустился.

Потом мы остались наедине.

Я подняла глаза на Мартина и обнаружила, что он был сосредоточен на своем меню. Он нахмурился, его глаза метались по нему слишком быстро для того, чтобы читать.

— Ты расстроен? — спросила я, будучи не в состоянии остановить себя.

Он просто переместил взгляд ко мне, его челюсть сжалась.

Я продолжила объяснять:

— Я честно думала, что платье было хорошим. Сэм сказала мне, что оно отличное. Ты же знаешь, я не так хорошо разбираюсь в платьях. Это четвертое, которое у меня было за всю мою жизнь. В первый раз, когда ты меня видел в платье, оно было позаимствовано и...

Подняв руку, Мартин отмахнулся от моих объяснений.

— Кэйтлин, это... это не из-за платья. В смысле, это из-за одежды, но не из-за платья. Все отлично. Ты выглядишь прекрасно.

Я улыбнулась уголком рта.

— Оно непристойное?

Он слегка улыбнулся, и улыбка эта была окрашена тенью сожаления.

— Нет. Оно замечательное. Извини, если заставил тебя чувствовать себя неловко. Я был просто... удивлен. Сегодня вечером ты выглядишь совсем по-другому. — Его глаза опустились вниз, потом взметнулись обратно вверх.

Я попыталась улыбнуться в ответ.

— Ты ожидал джинсы и футболку с концерта? Или мой смокинг?

Его полуулыбка превратилась в полноценную, хотя и была маленькой.

— Я надеялся на красные брюки.

Я с облегчением вздохнула и рассмеялась, чувствуя себя лучше, видя, что он был искренен и не расстроен.

Улыбка исчезла с его лица, когда я засмеялась, и он пристально посмотрел на меня. Я чувствовала, как моя улыбка уменьшалась, когда я посмотрела в ответ. Все звуки сменились хлынувшей кровью к моему сердцу.

Мартин открыл рот, чтобы сказать что-то, но потом появился официант и разрушил странный момент.

Наш официант повторил фирменное блюдо и спросил наш заказ из карты вин. Я дала понять, что водопроводная вода в моем стакане была вполне прекрасна. Мартин хмуро глянул на меня, потом заказал бутылку вина для стола. Это было слишком соответствующе и звучало очень дорого. Я была удивлена, когда у меня не проверили удостоверение личности.

Когда мужчина ушел, Мартин мгновение меня рассматривал, потом сказал:

— Сегодня вечером ужин за мной.

Я потягивала свою воду, когда он сделал это заявление, так что я быстро сглотнула и покачала головой.

— Нет. Категорически нет. Мы разделим его пополам.

— Я не спрашиваю, Паркер.

— Не будь глупцом. Мы др... друзья. Друзья разделяют счет. — Я запнулась на слове "друзья", потому что это ощущалось как обман. Я не хотела быть его другом. Я старалась не вздрогнуть от неприятной боли в груди, вызванной моей ложью.

Он фыркнул.

— Тогда кто не разделяет счет?

— Я не знаю. Все должны разделять счет. Я никогда не делала иначе.

— Даже на свиданиях? — Его тон был равнодушным, когда он задал вопрос, но я заметила, как его глаза немного сузились.

Я задумалась, как ответить, потому что у меня не было свиданий. Я не принимала во внимание свидания с моим парнем-геем в старшей школе, кроме того, Картер и я всегда разделяли счет.

Мартин и я никогда не ходили на свидание, а я отвергала все предложения от других с тех пор. Я думала о том, чтобы быть уклончивой и сказать: "Да, даже на свиданиях", потому что формально это не было ложью.

Но это было глупо и по-детски, а я не хотела играть в игры, даже если я провела десять минут, невольно подслушивая, прячась во встроенном шкафу моей квартиры, пока моя соседка закидывала его двадцатью неподходящими вопросами.

Огорченная этой мыслью, я призналась:

— Я никогда не была на свидании.

Он снова уставился на меня. Я посмотрела в ответ и одарила его напряженной улыбкой.

— Ты не?.. С тех пор как мы расстались?

Я покачала головой.

— Нет. Ни разу.

— Что насчет парня из твоей группы? Адама?

— Абрам. И нет. Мы не встречаемся. И не встречались.

Он задумчиво кивнул, поерзав на своем кресле.

— Думаю, он заинтересован в тебе.

Я пожала плечами, удивившись странному предчувствию о том, что собираюсь сказать нечто настолько глупое в своем стремлении быть честной, но при этом не имела возможности остановить себя. Я все еще была в ловушке попутного ветра моих ранних вечерних бедствий.

Бедствия в паре с моими заброшенными планами противостояния означали, что нельзя было сказать наверняка, что же могло вырваться из моего рта.

— Ох? — сказала я, снова потянувшись за своей водой.

Я чувствовала приближение беды — это было подобно акуле в тисках... кружящейся... кружящей.

— Да. Если ты подашь ему даже малейший знак, спорим, он пригласит тебя на свидание.

Я переставила свой стакан.

— Ну, я не хочу сейчас ни с кем встречаться.

— Почему нет?

О Господи, я собираюсь сказать это. О Господи.

— Потому что я все еще влюблена в тебя.

Вот оно!

Время замедлилось, затем со скрипом остановилось.

Я удивила его.

Черт, я сама себя удивила.

Конечно, я хотела сказать ему, но не таким образом.

Не так.

Не. Так.

НЕ ТАК!!!

Тогда время внезапно качнулось, ускоряясь.

Его губы слегка раздвинулись, а глаза расширились, его взгляд устремился через мое плечо и взгляделся в экран позади меня. Я застала его совершенно врасплох. Я видела, что он был в шоке, потеряв дар речи от изумления.

Между тем я ощущала последствия, вручая ему свое сердце. Я думала, что была готова. Но это было не так. Я была совершенно точно и однозначно НЕ ГОТОВА!

Я сразу же ощущала себя помятой и грязной. Я испытывала раскаяние из-за моей честности и храбрости. Слова повисли там, как нижнее белье со следами грязи на бельевой веревке.

В этот момент вернулся официант и поинтересовался, готовы ли мы были заказывать. Мартин яростно заморгал, затем вернул свое внимание к мужчине, и я увидела, что он по большей части оправился. Он прочистил горло, прежде чем указать на меню, задавая вопрос.

Я смотрела на него, пока он заказывал закуски, мой желудок падал все ниже с каждым спокойным слогом из его уст. Тем часом единственное слово, вращавшееся вокруг моего мозга, было "бегство". Бегство. БЕГСТВО!

Мартин поднял глаза, встречаясь с моими, и в эту секунду я не могла прочитать ни одного из его мыслей — вероятно, потому что мои были в таком же смятении.

Официант повернулся, готовый спросить меня, чего бы я хотела. Вместо этого я резко встала, мой стул почти упал назад.

— Извини, — сказала я сначала Мартину, потом повернулась к официанту.

— Извините, где здесь дамская комната? — Мой голос был на тон выше, чем мне хотелось бы, но я не собиралась жаловаться, поскольку тот факт, что я вообще могла говорить, был чудом.

Официант вежливо улыбнулся и только закончил свои инструкции, как Мартин встал, привлекая мое внимание к себе.

Его глаза сузились, словно он подозревал нечестную игру, и сказал:

— Кэйтлин... — Его тон содержал предупреждение в паре с почти незаметным покачиванием головы.

Я одарила его натянутой улыбкой, не сохраняя зрительный контакт из-за... опустошения.

Я уклончиво кивнула, выскачивая из-за ширм.

— Я скоро вернусь.

Но это было ложью.

Не было никакого, черт возьми, шанса, что я вернулась бы обратно.

В эту минуту я вдруг с неумолимой силой поняла, что была права. Мы никогда не смогли бы быть просто друзьями с Мартином Сандеки. Я никогда не была бы в состоянии смотреть на него и не хотеть от него всего. Меня всегда тянуло бы к нему. Еще я знала, что простое нахождение рядом с Мартином не обязательно гарантировало мне счастье, я никогда не смогла бы быть счастлива, будучи только его другом.

Я была увлечена им, поэтому не могла быть самоотверженной, разумной или спокойной, в то время как он оставался совершенно невозмутимым.

Пробираясь через повороты и изгибы ширм, я почувствовала первое жжение слез позади глаз. Наконец, я добралась до передней части ресторана и сорвала свое пальто с вешалки у входной двери, потом выскочила из ресторана.

Мои ноги не болели, но это было временно, потому что мне пришлось бы идти, по крайней мере, четыре квартала, чтобы поймать такси.

Глава 14: Ядерная химия

— Ты хочешь поговорить об этом?

Я покачала головой и высморкала нос.

Он был заложенным.

Из-за того, что я плакала.

Но теперь я не плакала.

Однако мой нос был все еще заложен.

— Нет.

— По крайней мере, расскажи, что произошло! — В раздражении Сэм показала мне кулаки, проворчав: — Я умру здесь. Ты должна рассказать мне что-нибудь. Мне нужно начать избивать Мартина Сандеки? Я могу, ты же знаешь. У меня есть парочка русских кузенов, которым требуется выпустить свою агрессию.

Я печально рассмеялась и покачала головой.

— Нет. Это не его вина. Я просто... я просто сказала кое-что глупое, потом пожалела об этом и ушла.

— Ох. — Ее взгляд скользил по мне. Казалось, Сэм планировала свою тактику, пока я скидывала туфли, которые она мне одолжила, и поставила их рядом с кроватью.

После побега из ресторана я поймала такси в шести кварталах оттуда, потом начала плакать, затем чрезмерно заплатила за такси и начала плакать еще сильнее.

Я пробралась в квартиру. Сэм не слышала меня, пока громко пела в душе, тогда я легла в постель и заплакала. Я тихонько плакала в подушку, как в старые добрые времена.

Несмотря на всю мою осторожность, Сэм услышала и вошла в мою комнату, на ней было только полотенце.

Сейчас мы были в моей спальне, и я походила на жалкое безобразие. Все из-за попытки быть сильной в одиночку.

— Никогда не хочу снова его видеть, — сказала я в никуда. — Даже мысль об этой возможности заставляет меня хотеть присоединиться к Корпусу мира⁷³ и лететь в далекую страну третьего мира. Надеюсь, у них есть шкафы.

— О чём ты говоришь? Все не может быть настолько плохо.

— Я сказала ему, что все еще влюблена в него.

— Ох... Ох! — Она сильнее вцепилась в свое полотенце, ее глаза стали большими, словно блюдца. — Святое дермо. И что он ответил?

⁷³ Корпус мира (англ. Peace Corps) — независимое федеральное агентство правительства США. Гуманитарная организация, отправляющая добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи.

— Ничего. Он заказал закуски.

— Что? — Теперь она казалась раздраженной.

— Поэтому я встала и, извинившись, отлучилась в уборную, но вместо этого ушла. Он, вероятно, успокоился, когда понял, что я ушла. Господи, я такая глупая. — Мой подбородок снова задрожал, и я провела по лбу кончиками пальцев.

Да, я чувствовала угрызения совести и боль от расставания, но еще ощущала облегчение. По крайней мере, теперь все было кончено. Во всяком случае, теперь я знала наверняка. Несмотря на неуклюжесть моего признания, я наконец-то освободилась.

Теперь я могла двигаться дальше и перестать мечтать. Я могла подобрать с пола свое искореженное сердце и перестать перешагивать через него.

Сэм сделала глубокий вздох, возможно, чтобы выдать мне несколько мудрых слов, но стук во входную дверь прервал ее.

Мы обе сели прямо, уставившись друг на друга.

Потом мы услышали крик Мартина:

— Кэйтлин, открой дверь. Я знаю, ты там.

Я резко встала, мои руки сжались в кулаки, удар молнии раскаленного добела унижения прорвался сквозь меня. Я внезапно покрылась испариной.

— О мой Бог. Что мне делать? — прошептала я, что было глупо, потому что он в любом случае не мог меня услышать из моей спальни.

Сэм ошеломленно посмотрела на меня.

— Открыть дверь?..

Я неистово покачала головой.

— Нет. Нет. Я не могу. Я не могу столкнуться с ним. Пожалуйста, не заставляй меня.

Она одарила меня печальным взглядом.

— Ох, Кэйтлин...

— Я знаю это. Открывай эту дверь! — прокричал он из коридора. Он казался очень-очень сердитым.

— Я просто скажу ему уйти, что ты не хочешь его видеть, — предложила Сэм.

— Нет. Это не сработает. Мне нужно спрятаться. — Я кивнула этой мысли, потому что находилась не в своем уме. — Скажи ему, меня здесь нет.

— Ты хочешь, чтобы я позволила ему войти?

— Да. Ты подойдешь к двери. Скажешь ему, что я еще не вернулась. Он... ну, он может захотеть немного подождать, но ты скажешь ему уйти. Он не захочет оставаться в квартире, если ты...

— Я досчитаю до десяти, а потом выломаю эту дверь.

Мы обе подпрыгнули от звука его угрозы.

Сэм покачала головой, ее губы скривились в выражении неодобрения.

— Он не сможет выбить дверь, — прошептала она. — Она из армированной стали.

— Ладно, я пойду спрячусь...

— Один.

— ...во встроенный шкаф.

— Два.

— Ты позволишь ему войти.

— Три.

— Скажешь ему, что меня...

— Четыре.

— ...тут нет, еще не вернулась.

— Пять.

— Он уйдет.

— Шесть.

— Тогда...

— Семь.

— ...мы будем свободны.

— Восемь.

Она понимающе кивнула, и я на цыпочках вышла из комнаты, побежав настолько тихо, насколько было возможно. Сэм тащилась сзади.

— Девять.

Сэм выкрикнула:

— Подожди минуту, Сандеки. Я была в душе. Придержи свои яйца!

Я вошла во встроенный шкаф в коридоре, где пряталась до этого, и закрыла позади себя дверь, прижимаясь спиной к пальто. Мои руки дрожали.

— Десять.

Я услышала, как распахнулась дверь.

Я услышала шум его шагов в квартире.

Я услышала, как Сэм захлопнула дверь.

Услышала, как она последовала за ним, крикнув:

— Что ты делаешь?

— Где она?

— Кто?

— Сэм... — Его голос послал дрожь по моей спине. Он был в самом деле взбешен. Я не думала, что он мог разозлиться.

— Что?

— Где Кэйтлин?

— А что? Что ты с ней сделал? — Сэм тоже была зла.

Я предположила, что они были в моей комнате, поскольку создавалось впечатление, что они были далеко от меня. Еще я заметила, что Сэм старалась не врать, насколько это было возможно.

— Я знаю, что она здесь, Сэм.

Его шаги то приближались, то отдалялись. Перед мысленным взором я представила, как он промаршировал в спальню Сэм, столкнулся с тем, что она была пуста, потом обошел ванную, кухню, затем гостиную.

— Если она здесь, тогда где она, Мартин? — Сэм ходила за ним по пятам. Они снова прошли мимо шкафа. Казалось, он возвращался обратно в мою комнату.

Потом все стихло, и я затаила дыхание, сжимая руки перед собой. Потом произошла действительно ужасная-ужасная вещь. Из-за чего моя кровь застыла в жилах, а все тело оцепенело.

— Если ее здесь нет, Сэм... — Его тон был ледяным, за пределами ярости. — Тогда почему туфли, которые она надевала ранее, рядом с ее кроватью?

Сэм ничего не сказала. Я накрыла лицо руками и закрыла глаза. Я была такой идиоткой. В словаре под словом "идиотка" должна была быть моя фотография. Но это было не важно. На самом деле ничего не имело значения, потому что он нашел бы меня и тогда я умерла бы от разбитого сердца и смущения.

Замешательство, унижение, огорчение, беспокойство, волнение... Боже! Игра в синонимы не помогала!

Я услышала шаги.

Он подошел.

Я услышала, как он дернул дверную ручку.

Он был здесь.

Я услышала, как распахнулась дверь.

Это был он.

Услышала легкий щелчок выключателя.

Я не могла открыть глаза. Я исчерпала свое мужество раньше в ресторане. У меня ничего не осталось.

Но, услышав, что дверь закрылась, я опустила руки и оказалась лицом к лицу с очень злым Мартином Сандеки.

Все было верно. Он был в шкафу со мной, и он просто закрыл дверь. Я уставилась на него. Я знала, что выглядела перепуганной, потому что часть его злости ослабела, превратившись в осторожность.

Наконец он выдал:

— Паркер.

— Сандеки, — ответила я автоматически.

— Что ты делаешь?

— Ух... — Я выпустила дыхание, которое задерживала. Мои глаза метнулись к двери позади него, и я выдала правду: — Я прячусь в шкафу.

Его брови все еще были нахмурены, но взгляд немного смягчился. Заговорив, он произносил слова очень медленно, словно старался не спугнуть меня.

— Почему ты прячешься в шкафу?

— Почему люди прячутся в шкафу? — Мой голос был слабым, подбородок дрожал, и как только новые слезы затопили мое зрение, взгляд начал немного расплываться.

Мартин выгнул одну бровь и шагнул ближе, поднимая, потом показывая мне ладони своих рук. Он был меньше чем в полуметре, когда нежно обернул свои длинные пальцы вокруг моих плечей.

— И часто ты прячешься в шкафу? — Его голос был мягким, а взгляд скользил по моему лицу, наверное, покоренный растекшейся тушью и получившимися в результате чёрными кругами под глазами.

Я внезапно поняла, что раньше у нас уже был такой разговор. Кроме того, это было в химической лабораторной, я была неспособна почесаться, испытывая зуд. Может быть, я не так сильно продвинулась, как думала. Может быть, все эти месяцы попыток быть кем-то другим, лучше, сильнее, более страстной были бессмысленны.

Или, может быть, это было из-за Мартина. Видимо, я всегда была бы девочкой, прячущейся в шкафу, прячущейся от Мартина Сандеки.

— Иногда. — Я подавилась словом, моя челюсть сжалась, я желала, чтобы слезы отступили. Вместо этого одна все-таки скатилась по моей щеке. Его глаза проследили ее движение, затем снова вернулись ко мне.

— Ты это каждый день делаешь? — спросил он почти шепотом, его большой палец легонько коснулся рукава моего платья.

Он смукал меня, и я судорожно всхлипнула, уронив подбородок на грудь и сказав:

— Нет. Только по особым случаям, например, когда я выставляю себя идиоткой и говорю Мартину Сандеки, что я все еще в... в... в...

Я не закончила, потому что он скользнул пальцем к моему подбородку, поднял мое лицо к своему и поцеловал.

О Боже, о Боже, он же поцеловал меня.

Это был всепоглощающий, голодный, настойчивый, требовательный, беспощадный поцелуй. Он уничтожал меня собой, охватив языком мой рот, не оставляя мне никаких шансов вздохнуть или выпрямиться, или подумать.

И это продолжалось и продолжалось. Мартин наклонил голову в сторону, потом в другую, его руки бродили по моему телу, захватывая и сжимая, дотягиваясь к подолу моего платья, скользив по мягкому шелку. Только когда его пальцы остановились на подвязках моего пояса, он поднял голову и позволил мне вздохнуть. И то, только потому что он хотел отпустить ряд ругательств, убедившись, что я на самом деле надела чулки и носила кружевные трусики.

— Черт возьми, — закончил он, его глаза переместились обратно ко мне, беспокойные и при этом решительные.

Между тем я все еще пыталась отдышаться.

— Мартин, я...

— Паркер, я чертовски люблю тебя. Я всегда любил тебя. И никогда не переставал.

Я не могла поверить его словам. Я внезапно ощущала себя невесомой, ошеломленной и разрывающейся от такого значительного уровня счастья, что просто едва сдерживала инстинктивное желание станцевать джигу.

Он продолжил, что прозвучало непреклонно и при этом нежно:

— И ты очень-очень взбесила меня, когда ушла сегодня вечером.

— Я сожалею о том, что сделала это. — Я кивнула, улыбаясь, потому что была на миллионном уровне счастья.

— Я прощаю тебя. — Он ухмыльнулся в ответ.

Это заставило меня нахмуриться. Не я одна была идиотом, так что указала пальцем в его грудь.

— Но честно признай, ты заказал закуски.

— И что с того?

— И что с того? Ну, я говорю тебе, что люблю тебя, а ты заказываешь улиток.

Все еще улыбаясь, Мартин наклонился и поцеловал мою шею, потом укусил. Это было немного больно и ощущалось чудесно. Его дыхание было горячим напротив моей кожи.

— Ты шокировала меня до чертков. Я не знал. Понятия не имел. Я никогда не понимал, о чем ты думаешь. Ты все скрываешь за этими великолепными серыми глазами...

Мне недоставало его острых зубов, и я наклонила голову набок, давая ему лучший доступ, прижимаясь к нему. Я не могла думать. Все, что я знала: мы были в шкафу, целуясь, его влюбленные руки подняли мою юбку, а образная горелка Бунзена в моих трусиках требовала удовлетворения.

— Мартин...

— После тебя никого не было. Никого. — Его губы поглощали меня, обжигая кожу.
— Ты — все, о чем я думаю, все, чего я хочу. Ты — все.

Ох! Удар прямо в сердце.

Я уперлась руками в его грудь, прежде чем он смог снова захватить мои губы, нуждаясь в том, чтобы рассказать ему всю правду.

— Слушай, подожди, я знаю, нам есть о чем поговорить, это все очень неожиданно, но...

— Неожиданно? — Он немного отступил. Его пренебрежительный тон и немного шокированное выражение лица сказали мне, что он был не согласен.

— Да, я имею в виду, что в одну минуту мы друзья или работаем над тем, чтобы быть друзьями, а в следующую минуту я говорю тебе: "Я все еще люблю тебя". — Я искала его глаза, чтобы убедиться, что он действительно смотрел на меня. Я хотела, чтобы он понял, это было не временно, мои чувства не изменились бы. — Но ты должен знать, для меня это не было неожиданностью. Я приняла решение на прошлой неделе, после того как ты все объяснил в Нью-Йорке, но до того как ты приходил в кофейню. Я хочу быть с тобой. Я не желаю быть просто друзьями. Я на это не согласна.

Он улыбнулся уголком губ, а его руки сжали меня крепче.

— Кэйтлин, я решил еще в тот момент, когда ты зашла в химическую лабораторию в прошлом году, что мы никогда не будем просто друзьями. Мы никак не смогли бы быть просто друзьями. Нас бы это ни за что не устроило.

— Но. Но. Ты сказал...

— Я соврал.

У меня отвисла челюсть.

Он пожал плечами, показывая мне, что не сожалел из-за этой лжи.

— Я пытался подождать. Мне нужно было, чтобы ты простила меня, показать тебе, как я изменился, но я знал, ты не будешь слушать меня, если бы я заявился к тебе домой и потребовал, чтобы мы снова были вместе. Именно это я и хотел сделать. Рождество было

чрезвычайно разочаровывающим, ведь я видел, что ты приняла мое предложение дружбы серьезно и пытаешься сделать все правильно.

— Я не восприняла это серьезно. Я хотела быть твоим безопасным местом, — призналась я с приливом новых эмоций, которые жалили глаза. — Я люблю тебя, беспокоюсь за тебя и хотела быть рядом с тобой, даже если ты не любил меня... Но мои трусики помешали мне.

Мартин слегка улыбнулся при упоминании о моих трусиках, но потом нахмурился. Его тон стал свирепым и злым, когда он наклонился ближе:

— Даже не думай, что я никогда тебя не любил.

— Я...

— Когда ты сказала мне это в Нью-Йорке, когда ты сказала, что не думала, что я вообще любил тебя, клянусь Богом, я хотел задушить тебя. Я никогда не чувствовал подобного провала.

— О, Мартин, уверяю, я не говорила это, чтобы сделать тебе больно. Я не хотела этого. — Мне было очень важно, чтобы он поверил мне.

— Знаю. Ты думала, мне все равно. Я понял это позже, когда ты заснула на мне на диване, после того как я повел себя как мудак, предложив секс без обязательств, желая тоже сделать тебе больно. Извини меня за это, — прошептал он, показавшись искренне раскаявшимся.

Теперь его руки уже полностью подняли мою юбку на бедра, получив доступ к обнаженной коже моего торса, спины и погрузившись в изучение кружева моего нижнего белья.

— Я прощаю тебя, — ахнула я, горячий водопад хаотичной потребности пронесся по мне, везде, где он касался меня, загоралось возбуждение. Мои движения стали порывистыми и отчаянными, когда я отодвинула его пиджак и пальто, затем схватилась за молнию.

— Кэйтлин...

— Все прощено, — в спешке добавила я, уставшая от разговоров. Мы не были друзьями. Ну, может, когда-то и были. Но теперь мы никогда не были бы только друзьями. Не было никаких причин, чтобы не стать кем-то большим, чем друзья.

Прямо. В. Этую. Секунду.

Мартин схватил меня за запястья, останавливая мое продвижение, его дыхание было затрудненным.

— Нет, нет... мы пока не будем делать этого.

— Но ты мне нужен. Мне нужно почувствовать тебя, — захныкала я.

— Нет...

Я попробовала другой подход, понизив голос и накрыв ладонью его эрекцию через брюки.

— Я люблю тебя. Я хочу заняться с тобой любовью. Ты нужен мне внутри.

Мартин с нуждой грубо и отчаянно застонал. Прижав губы к моим, он заставил меня замолчать горячим скольжением своих губ, вторгающимся языком. Мартин положил мои руки на его талию и зажал их там.

Моё сердце встрепенулось, когда внизу живота что-то всколыхнулось и сжалось в эротическом предвкушении. Он выпустил мои запястья, и его руки переместились на мои бедра и между ног, сдвигая трусики в сторону, чтобы он смог потрогать мой центр. Я резко вдохнула, выгибаясь от этого контакта, мои глаза закрылись.

— Такая влажная для меня... Люблю, как ты ощущаешься. Я скучал по тебе так чертовски сильно. — Он казался зачарованным и немного порочным. — Скажи мне, как сильно нуждаешься во мне.

Я не могла сформулировать слова из-за... секса.

— Скажи это. — Он совместил это требование с поглаживанием пальца. Я поняла, что он начал расстегивать пояс своих брюк другой рукой.

Я вздрогнула в ответ на его умелые пальцы, держась за него.

— Я нуждаюсь в тебе, ты нужен мне так сильно. — Я едва успела это сказать.

Я чувствовала эти слова.

Чувствовала их каждой косточкой.

Никогда не захотела бы снова с ним разлучаться.

Он снова прижал меня к пальто, и мои руки обернулись вокруг его шеи. Его брюки упали на пол, оставляя его зажатым в боксерах. Я судорожно потянулась к нему и спустила их вниз, освобождая его член.

Я сжала его. Погладила дважды. Я чувствовала его, и это ощущалось замечательно, правильно и значимо.

Он прошипел:

— Ты все еще на противозачаточных, да?

Я кивнула, качнувшись бедрами в его руку, чувствуя его там и нуждаясь в большем.

Он грубо поцеловал мои губы, потом сказал напротив них:

— Я ни с кем не был, кроме тебя. Ни после яхты. Ни спустя месяцы после этого. Я никого не хотел, кроме тебя. Я никогда не хочу быть ни с кем, кроме тебя. Ты — все, о чем я думаю. Лишь ты, только ты.

Я застонала. Время для связных мыслей официально прошло. Я поняла, о чем он говорил, поэтому кивнула головой, давая ему разрешение сделать то, о чем я мечтала после того первого раза, как это случилось.

— Пожалуйста... пожалуйста. — Я потерлась о него, желая полностью отдаваться страсти.

— Извини, но придется это сделать, — сказал он. В его голосе было искреннее сожаление. Потом он начал разрывать мое новое кружевное нижнее белье пополам.

У меня не было времени отреагировать, потому что следующее, что он сделал, — схватил меня за задницу, поднял и повернул меня спиной к стене. Потом он спустил меня ниже, входя в меня одним быстрым движением. Он качнулся обратно, потом снова заполнил меня еще одним грубым толчком бедер, прижимая к стене, раздвинув мои ноги шире для его удовольствия.

Моя голова упала на его плечо. Я закрыла глаза. Я только чувствовала.

Я чувствовала, как подстраивалась под него.

Я чувствовала, как он растягивал меня.

Великолепное трение его тела с моим.

Я ощущала мою любовь к нему и мое желание, переполняющее и душающее меня.

Я ощущала нашу общую страсть друг к другу и безумие того, какими дикими и безрассудными мы были.

— Скажи это снова. — Он двигался внутрь, потом наружу, сначала медленно, но потом увеличивая темп в карающем ритме. — Повтори еще раз.

Я поняла, чего он хотел.

— Я люблю тебя.

— Я хочу тебя столькими способами, столькими способами...

— Тогда возьми меня.

Он зарычал, и моя спина врезалась в стену. Я была смущена и совершенно, неотвратимо возбуждена. В том, что мы делали, не было ничего спокойного, привычного или контролируемого. Только жадность и потребность. Самое главное. Это была чистая страсть, что не имело никакого отношения к технике.

Я была легкомысленной и вместе с тем эгоистичной. Я не могла думать ни о чем, помимо этого момента, потому что хотела его так сильно. Так что я взяла это. Это было грубо, по-настоящему и искренне. Мы оба кончили быстро, сильно, громко и вместе. И мне сразу же хотелось сделать это во второй раз. Или три раза подряд.

В итоге наше неровное дыхание сплелось, и его губы устремились, сливаясь с моими — медленно, чувственно и нежно. Я мучительно всхлипнула, по-прежнему нуждаясь в нем. Он озорно рассмеялся, толкаясь во мне.

Это была правда. Мы просто занимались сексом в шкафу при входе в мою квартиру, пока моя соседка была в другой комнате и, скорее всего, смеялась до упаду. Я ни о чем не жалела. На самом деле все было совсем наоборот.

Когда Мартин бережно опустил и освободил меня, мои ноги коснулись пола и задрожали. Я тяжело оперлась о стену и попыталась расправить свое платье неуклюжими пальцами, когда он закончил застегивать брюки, дьявольская и довольная улыбка исказила его черты.

Я открыла рот, чтобы что-нибудь сказать (что нам следовало пойти теперь заняться любовью в моей постели), но потом он поцеловал меня, в очередной раз сбивая с толку, снова возбуждая меня и трогая с ног до головы. Отстраняясь после нескольких долгих замечательных минут, он горячо прошептал напротив моего уха:

— В следующий раз, когда мы займемся любовью, это будет в нашем доме, в нашей постели, той самой, которую мы будем делить друг с другом.

Он слегка отстранился, пленяя мой взгляд своими ослепительными глазами, говорящими мне о том, что он был серьезен.

— Но...

— Потому что я не могу больше жить без тебя. Я не могу больше проводить дни и ночи, не зная, когда увижу тебя, услышу, как ты играешь, прикоснусь к тебе. Я не соглашусь на меньшее. — Его тон был суровый, неумолимый, как будто у него кончилось терпение.

Я разочарованно вздохнула, потому что я уже прикидывала, как заполучить его полностью голым сегодня вечером.

— Но ты живешь в Нью-Йорке, а я здесь.

— Тогда я буду ездить из города сюда.

Моя голова ударила о стену позади меня, и я недовольно уставилась на него. Я не могла думать.

— Не нужно принимать решение прямо сейчас. Нам нужно время, нам нужно поговорить, но позже. Гораздо позже. Не сегодня.

— Нет. Поговорим сейчас. — Его глаза были непреклонными и агрессивными, проницательными и резкими, и я знала, что было почти невозможно отговорить его от этого. Но я не хотела разубеждать его, я просто хотела, чтобы он отложил это на потом, чтобы мы успели обсудить жилищные условия позже. Жилищные условия, города, почтовые индексы, поездки на работу — все, что могло подождать.

Но прямо сейчас я не хотела думать о том, чтобы быть ответственной. На самом деле я вообще не хотела думать. Я хотела сосредоточиться на чувствах и прикосновениях, и к черту логику и разум.

Страсть победила!

— Мартин, Рождество было... было хорошим, я думаю, и прошлой весной у нас была чудесная неделя...

— Разве ты еще не поняла, Кэйтлин? — Он казался измученным, в отчаянии.

Глаза Мартина захватили мои, и он удерживал меня, всю меня, в заложниках этим диким взглядом. Руки Мартина поднялись к моему лицу, его грубые мозоли напротив гладкой кожи моих щек и челюсти, его пальцы слегка пробрались в волосы на моих висках. Когда он заговорил, его голос был грубым из-за месяцев надежды, потребности и отчаяния:

— Я не хочу прекрасную неделю с тобой. Я хочу прекрасную жизнь вместе с тобой.

* * *

К большому разочарованию моих трусиков, у нас с Мартином больше не было Секса этой ночью.

Мысленно я начала называть это "Секс", когда мы еще находились в шкафу, потому что секс с Мартином никогда не был просто сексом. Это был СЕКС. Все с ним ощущалось так, словно это слово должны были писать с большой буквы, словно все существительные становились собственными именами и приобретали особый смысл.

Секс.

Объятия.

Прикосновения.

Шепот.

Смех.

Слова.

Ощущения.

Поддразнивания.

Любовь.

Я не могла ждать.

Но вместо Секса Мартин вытащил меня из радужных пальто Сэм и направил к моей спальне. Пока я приводила себя в порядок, он ждал меня, бросив свое пальто, пиджак и галстук на мой стул. Он смотрел на меня в отражении зеркала моего туалетного столика, мне

стало ясно, что я не могла да и не хотела чувствовать смущение, когда его взгляд был таким собственническим и хищным.

Когда я повернулась к нему лицом, он подошел ко мне, я попятилась назад, пока мои колени не столкнулись с краем матраса, все это время он вглядывался в меня, словно было рождественское утро и я — все, в чем он когда-либо нуждался и желал.

Я легла первая, он потянулся за мной, располагая свою гибкую фигуру сверху. Я прикоснулась к нему. Мы поцеловались.

Мы долго целовались, и его руки держались в стороне от горячей зоны; хотя я могла почувствовать, как он хотел меня, его желание с каждым движением бедер. И каждый раз, когда все становилось немного безумным, он отступал, тяжело дыша, и сдерживал себя, оставляя легкие, как шепот, поцелуи на моем лице, челюсти и щеках. Или он просто все еще сдерживал себя надо мной, успокаивая свое сердце.

А я ласкала его. Я выливалась свою отчаянную тоску и заботу о Мартине в прикосновения. Я нежно гладила его по спине и в какой-то степени сдерживала его, надеясь донести серьезность моей привязанности. Я вернула его поцелуи и подарила несколько своих. Мне удалось расправить его рубашку и скользнуть руками по бокам его туловища, запоминая и вспоминая ощущение его кожи.

В конце концов, настойчивость уменьшилась, что-то в моем сердце успокоилось, и он лег рядом со мной. Я крепко прижалась к нему, моя голова покоялась на его плече, телом изогнулась возле его бока, его руки в моих волосах, а губы на моем лбу. Мы оба нежились в обществе друг друга, нас окружало глубокое чувство сокрушительной удовлетворенности.

И как ни странно, в голове было пусто. Сейчас я была искренней. Скорее всего, потому что теперь мне было очень-очень хорошо.

Но Мартина очевидно не покидали мысли, потому что он задал вопрос:

— Почему ты не сказала мне, когда я приходил в кофейню на прошлой неделе?

Я повернулась к его плечу и прижалась лицом.

— Если тебе нужно знать, — мой ответ вышел приглушенным, — я приняла решение тебе рассказать. Я собиралась позвонить тебе и назначить время встречи. Потом ты пришел ко мне на работу и попросил совет по поводу девушки. И сегодня вечером мы приехали в ресторан, и я предположила, что ты взял меня туда с целью исследования для своего свидания.

— Моего свидания?

— С девушкой? Той, которая тебе нравится? Той, насчет которой ты просил совет на прошлой неделе, когда я чудом смогла сдержаться, чтобы не заколоть тебя ножом для масла.

Он застонал, покачав головой. Я подняла подбородок, чтобы видеть его лицо. Когда его глаза открылись, они были в равной части расстроеными и веселыми.

— Кэйтлин, ты — та девушка. Я никогда не сдавался, просто подумал, что мне нужен другой подход. Я придерживался чертовой договоренности, когда ты была в Нью-Йорке, хотя старался быть осторожным. Мне необходим был твой совет, потому что все, что я делал, казалось, только отталкивало тебя еще дальше.

Я улыбнулась напротив его накрахмаленной рубашки. От него пахло Мартином: дорогим мылом с ароматом сандала и еще более дорогим кремом после бритья.

Моя улыбка и голос были мечтательными, когда я произнесла:

— Когда я впервые увидела тебя в начале декабря после выступления в Нью-Йорке, я не знала, что думать. Я не ожидала когда-нибудь снова увидеть тебя. В конце концов, я подумала, что ты пытаешься поставить точку в отношениях. Но потом, когда ты пришел ко мне несколько недель спустя и захотел обсудить условия нашей дружбы, я поняла, что ты хочешь дружить, а это означало, что ты равнодушен ко мне и больше не хочешь меня.

— Нет. — Он так много сказал одним словом, это было яростное отторжение моего предположения. Это передавало всю глубину его разочарования. — Как ты могла подумать, что я равнодушен к тебе?

— Ну, ты сказал в нашу последнюю ночь на острове, что ты никогда не сможешь дружить со мной, потому что никогда не будешь достаточно равнодушным. Следуя логическому выводу, я предположила, что теперь ты равнодушен достаточно, чтобы захотеть дружить.

Он преувеличенно вздохнул.

— На острове я сказал тебе правду. Как уже говорил в шкафу, я никогда не хотел быть просто другом. Но, поскольку ты не предлагала мне ничего другого, я был готов временно согласиться на это, если в итоге я получил бы то, чего хотел.

Это заставило меня улыбнуться.

Я почувствовала его ответную улыбку, когда он продолжил:

— Я думал, ты прочитала интервью. Когда я впервые увидел тебя в Нью-Йорке после выступления, я ожидал, что ты скажешь мне, что простила меня или что чувствуешь тоже самое. Но тогда ты промолчала. Уклоняясь. Поэтому я подумал, если бы я мог просто... — Он поерзал на кровати, прижимая меня сильнее. — Когда я узнал, что ты ничего не читала, что ты вообще избегала всех упоминаний обо мне, я понял, как сильно облажался. Поэтому я попытался дать тебе пространство, когда ты приехала в Нью-Йорк за неделю до Рождества.

— Поэтому всю неделю ты держался подальше от меня, потому что не хотел давить?

— Да. Я хотел, чтобы ты увидела, что я изменился, что я не был... требовательным.

— Но ты требовательный.

— Уже не такой требовательный.

Я скользнула руками под его рубашку, желая прикоснуться к нему.

— Так что произошло? Почему ты не сказал ничего на Рождество?

— Я планировал. Я думал, ты увидишь пианино рождественским утром, и тогда я осторожно расскажу о фонде. Ты простишь меня, поймешь, что я был прав, и тогда мы снова будем вместе.

Я старалась не рассмеяться.

— Осторожно?

Он проигнорировал меня.

— Но ты заснула в машине. А потом приняла душ и кралась по квартире.

— Я не кралась. Я пыталась положить твои подарки у камина.

Он снова проигнорировал мое заявление.

— А я не мог спать. Мне необходимо было... прикоснуться к тебе или крепкое спиртное. И потом мы выпили, и я повел себя как мудак.

— Потому что я предположила, что ты никогда меня не любил.

Мартин отодвинулся в сторону, взглянул на меня краешком глаза и возразил:

— Нет. Ты не предположила. Ты прямо сказала это. И я был так зол.

Теперь он казался сердитым, просто вспоминая это. Я решила, что было лучше перевести разговор на другую тему.

— Я наконец-то прочитала твое интервью в "Men's Health", где ты назвал меня единственной.

— Когда?

— После того как получила твое сообщение на Новый год.

Он ответил не сразу, а, откликнувшись, произнес:

— Хм.

Он был так красив, лежа в моей постели, думая своей большой головой, что я легонько прикоснулась губами к его губам. Что, конечно же, привело нас снова к безумным поцелуям.

Когда мы наконец-то оторвались друг от друга, Мартин снова оказался надо мной, его дыхание было затрудненным.

— Кэйтлин, — начал он, но потом замолчал.

— Что такое? — Я потянулась к нему, поглаживая руками его челюсть.

Я видела, как его грудь поднялась с впечатительным вздохом, прежде чем он заговорил:

— Я выбрал тебя. Ты ведь знаешь, да?

Я ждала продолжения. Я не была уверена, что делать с его заявлением, что конкретно он имел в виду.

Он поерзal на кровати, повернувшись на бок и подперев голову рукой, согнутой в локте. Другой рукой он крепко удерживал меня за бедра.

— Поначалу я не изменил своего решения, после того как ты... ушла. Как я сказал тебе на прошлой неделе, я все еще думал, что ты согласишься видеться тайно. По моему мнению, мы не закончили, вовсе нет. Но когда ты не передумала, то месть и увидеть моего отца униженным уже ничего не значили. Я понял, что ты права, и я передумал, хотя часть меня всегда будет хотеть увидеть его страдания.

Я молчала, пока его гнев не иссяк. Отец Мартина был плохим парнем. Я знала, что лучшее, на что Мартин мог надеяться, — безразличие по отношению к этому мужчине.

В конце концов он встярхнулся и продолжил:

— Я бросил университет, потому что ты просила меня оставить тебя в покое, а я не мог этого сделать, если бы оставался в кампусе. Но потом я не смог отпустить тебя, даже когда не видел тебя. Поэтому почти все, что я делал: создание фонда, интервью, где я публично назвал отца придурком, — было, чтобы вернуть тебя, вернуть твоё доверие, я надеялся, что ты подумаешь о том, чтобы принять меня обратно, раз я все сделал правильно.

Я чувствовала, как дрожал мой подбородок, и была спокойной, поскольку эти угрожающие слезы были счастливыми.

— О, Мартин. — Мой голос дрожал, но мне было все равно. — Ты действительно назвал своего отца придурком.

Он кивнул.

— Они не напечатали ту часть, но он придурок.

Я рассмеялась, жалея, что журнал не напечатал, что Денвер Сандеки был придурком. Но я сожалела еще об очень многом.

— Я жалею, что не прочитала твоё интервью, когда оно было напечатано. Я жалею, что не вернулась к тебе после нашего первого столкновения и не попыталась разобраться и найти другой путь. И я жалею, что пряталась в шкафу все лето, избегая всех упоминаний твоего имени.

— А я — нет. — Он покачал головой с поразительной уверенностью, словно он знал все секреты прошлого и будущего.

— Нет?

— Нет. Потому что даже без тебя я был счастливее, чем когда-либо. Как только ушел от отца, я начал работать над проектами, которые меня интересовали. Ты поняла, что за

эскизы на моем чертежном столе? Я снова изобретаю. Моя цель отныне — это мое желание, и она не продиктована моей ненавистью к нему. Если бы ты не накричала на меня из-за моей фигни, тогда... — Он не закончил мысль. Вместо этого его глаза потеряли фокус, как будто он вообразил неприятную альтернативную реальность.

Я почувствовала улыбку на своих губах. Мартин был катализатором моего выбора, принятия моей музыки и страсти как таковой. Он вытащил меня из моего шкафа ожиданий и целенаправленной безвестности. Даже в разлуке с ним я была счастливее, чем когда-либо прежде в своей жизни.

И в этот момент ко мне в голову пришла мысль.

Может, это и была настоящая любовь.

Может быть, любовь по своей сути — это быть отражением для другого человека, его хороших и плохих сторон. Быть может, любовь — это когда ты понимаешь, что другой человек видит тебя насеквоздь, искренне о тебе заботится, бросает вызов и поддерживает тебя, помогает познавать себя и быть самим собой.

"Любовь, — решила я, — это быть второстепенным персонажем".

Глава 15: Преимущества ковалентных связей

— Когда ты будешь дома?

Он ответил не сразу.

На самом деле он заметно притих, как будто наслаждался вопросом, моментом и всем, что это означало.

Но я знала, что он улыбался.

Я ощутила непроизвольную ответную улыбку, самоубийственный прыжок моего сердца и воспламенившуюся горелку Бунзена в моих трусиках — три главных составляющих счастья и предвкушения от его молчания.

Прошлый месяц был блаженством. БЛАЖЕНСТВОМ, СКАЖУ Я ВАМ!

Мы встречались. Мы ходили на свидания. Я видела его практически каждый день. Хотя я и ненавидела то, как долго он добирался. В течение недели, когда у меня были занятия, Мартин оставался у меня каждую ночь. Мои выходные были довольно загружены выступлениями и работой. Иногда мы оставались в Нью-Хейвене, а иногда ночевали в его квартире в Нью-Йорке. Но везде, где ночевала я, ночевал и он тоже.

Но стоило заметить, мы только три раза занимались любовью со временем шкафа, каждый раз он клялся, что это произошло бы, когда мы стали бы жить вместе, и я была разочарована. Практически говоря, это преступление против человечности — иметь такого горячего парня, как Мартин Сандеки: с горячим телом, похотливыми мыслями, горячим сердцем — и не получатьекса.

Он был упрямый, и хотя я смогла соблазнить его несколько раз, Мартин хотел подождать, пока у нас не появилось бы собственное жилье. Честно говоря, он шантажировал мои трусики.

— Скоро, — ответил он с другого конца телефона, его голос был таким низким, восхитительным и пронизан смыслом единственного многообещающего слова.

Я слышала настойчивый рев двигателя его машины и сжала губы вместе, чтобы он не смог услышать мой смех, но не смогла скрыть веселье в своем голосе.

— Правда? Как скоро? Потому что я подумывала поехать по делам.

— Паркер, не дразни меня.

Ох... вздох.

Сегодня вечером он собирался вернуться в наш дом.

Дом был очень-очень маленький, с одной спальней, всего в двух кварталах от квартиры, которую я делила с Сэм... до вчерашнего дня. Выбор времени был идеальным, потому что ее подруга Кара в итоге переехала в мою комнату.

Честно говоря, я не знала, от чего больше была взволнованна Сэм: из-за меня и Мартина, что мы наконец-то были вместе, как она выразилась, или того факта, что ей не нужно было собирать вещи и переезжать в трехкомнатную квартиру. Конечно, она ощущала прилив волнующего удовольствия, разорвав мой график работы по дому.

Несмотря на это, сегодня был мой первый день в нашей новой квартире, и сегодня была бы наша первая ночь в квартире вместе. И я надеялась, что ночью мы оказались бы без нижнего белья.

Я прислонилась к кухонной стойке, мои ноги немного дрожали, мое сердце было переполнено чувствами.

— Отлично. Я буду ждать тебя. Но только лучше, если скоро действительно означает скоро.

— Скоро означает скоро. — Это сопровождалось другим ревущим звуком.

На этот раз звук заставил меня нахмуриться.

— Не убейся, пытаясь добраться домой.

— Не буду.

— Помни, что у меня еженедельный звонок с моими родителями примерно через десять минут. Это не продлится дольше получаса, поэтому тебе не нужно спешить.

— Я не спешу. — Как только он сказал это, я услышала очередной ревущий звук двигателя его машины. Прежде чем я успела спросить его об этом, он добавил: — И я захватил ужин.

— О! Что же ты взял?

— Такос.

Я усмехнулась. За последний месяц он часто привозил из Нью-Йорка ужин на вынос. Я подозревала, что он делал это, чтобы задобрить Сэм. Это сработало. В первый раз он приехал с лазаньей из "Маленькой Италии", и она простила его за все.

Кроме того, я подозревала, что он брал ужин так часто, потому что по-своему освобождался от моего правила разделять расходы.

По моему требованию, в нашей новой квартире мы решили разделить все пополам: аренду, коммунальные услуги, продукты — все. Странно, что мне не пришлось настаивать. Мартин не стал спорить. Я предположила, что он понял, насколько для меня была важна финансовая независимость; он осознавал, мне нужно было доказать себе, что я могла зарабатывать на жизнь как музыкант.

Впрочем, по большей части, я проиграла спор по поводу мебели. Он не возражал по поводу поддержанной мебели, но ему не нравилась идея спрессованной фанеры и пластика. Он предпочитал крепкий антиквариат из древесины — настоящая мебель, изготовленная из

натуральных материалов, в миссионерском стиле⁷⁴ или в стиле шейкера и того периода. Большинство предметов, которые в конечном итоге заполнили наше жилое пространство: стол из орехового дерева начала века, соответствующие журнальные столики, зеркало и комод, витражные светильники в стиле арт-деко⁷⁵ и черный кожаный двухместный диван с двумя соответствующими креслами — были совершенно мне не по карману.

Но он ценил подлинность и комфорт. В конце концов, я уступила, потому что мы оставили мой матрас. Честно говоря, единственные предметы, которые были моим вкладом, — это мой синтезатор, гитара и матрас.

Как хорошо, что он не продал свою нью-йоркскую квартиру. Он полностью владел ею, и это в финансовом смысле было как инвестиция. К тому же, я была рада посещать город (и мое пианино) на выходных.

Я собиралась и дальше расспрашивать Мартина про такос, когда услышала другой отчетливый звук ревущего двигателя.

— У тебя же руки свободны, верно?

— Да. Я воспользовался Bluetooth⁷⁶ автомобиля.

— Ладно... просто... просто будь осторожен. — Я волновалась. Я не хотела, чтобы он гнал машину и убился.

— Я буду осторожен. Я люблю тебя, Кэйтлин.

— Я люблю тебя, Мартин. Пока.

— Скоро увидимся, — сказал он вместо прощания и отключился.

Повесив трубку телефона, все еще пребывая в сладкой сахарной дымке счастья, я поняла, что Мартин никогда не говорил "до свидания". За все время, что я его знала, он никогда не говорил эти слова мне.

Да...

Иииии я снова улыбалась.

Улыбка все еще не сошла с моего лица, когда я открыла свой ноутбук и нажала на значок Скайпа для еженедельного звонка с моими родителями. Я еще не рассказала им о нас с Мартином, но попросила Джорджа добавить пункт в повестку дня этой недели, озаглавив его как "новый адрес Кэйтлин". Я полагала, что этим могла предупредить их, раз уж мы перешли бы к этой теме. Они взяли бы это на заметку. Мы могли двинуться дальше.

⁷⁴ Миссионерский стиль — стиль, также называемый Арт энд крафт. Продолжался от конца 19 века до 20-х годов 20-го и провозглашал чистоту простых линий, прямоугольную и часто блочную форму, видимые соединения и швы. Превозносится подлинность конструкции.

⁷⁵ Арт-деко — влиятельное течение в изобразительном и декоративном искусстве первой половины XX века. Отличительные черты — строгая закономерность, смелые геометрические формы, этнические геометрические узоры, богатство цветов, щедрые орнаменты, роскошь, шик, дорогие, современные материалы (слоновая кость, крокодиловая кожа, алюминий, редкие породы дерева, серебро).

⁷⁶ Bluetooth — технология ближней беспроводной связи для устройств разных типов.

Однако, этого не случилось.

Как только видеоизображение появилось на моем экране, я увидела, что моя мать не улыбалась. Теперь, когда мы разговаривали в Скайпе, это было непривычно. Обычно она была рада меня видеть. Сегодня она выглядела обеспокоенной и озабоченной.

Кроме того, она заговорила сразу же. У меня даже не было шанса поздороваться с папой и Джорджем.

— Кэйтлин, сегодня мне прислал несколько фотографий тебя и Мартина Сандеки фотограф из агентства "Ассошиэйтед Пресс"⁷⁷. В мой офис поступили звонки из нескольких журналов, спрашивали о статусе ваших отношений.

Мое внимание переместилось к отцу. Он выглядел мрачным, словно только недавно поссорился с матерью. Они не часто ссорились, поэтому я могла сказать, когда между ними происходили разногласия, потому что он всегда после выглядел мрачным.

— Уххх... — Я сделала успокаивающий вздох и сказала первое, что мне пришло в голову: — Ты действительно хочешь пропустить повестку дня?

— Повестку дня?

— Пункт номер семь, мой новый адрес.

Мой отец поднял глаза, он смотрел на мое изображение на экране компьютера с любопытством. Джордж делал заметки, выглядя, как обычно, безучастным. Моя мать была явно смущена и немного ошеломлена.

— Какое отношение твой новый адрес имеет к..? — Я видела, что она уже ответила на свой вопрос еще до того, как закончила спрашивать.

Я дала ей время воспринять этот факт и снова взглянула на отца. Он одарил меня легкой улыбкой.

— Ох, Кэйтлин. — Моя мать покачала головой, привлекая мое внимание обратно к ней. Она выглядела обеспокоенной. — Ты даже не посоветовалась об этом с нами.

Я уставилась на нее долгим взглядом, не зная, как реагировать, особенно после того как у прежней и новой Кэйтлин были две совершенно разные инстинктивные реакции на ее заявление.

Прежняя Кэйтлин была подавлена, что я разочаровала свою мать.

Новая Кэйтлин разозлилась.

Победила новая Кэйтлин, хотя я и чувствовала себя одинаково подавленной и беспокойной.

— Мама, почему я должна советоваться с тобой, где мне жить?

⁷⁷ Агентство Ассошиэйтед Пресс — одно из крупнейших международных информационно-новостных агентств мира.

— Не где тебе жить, а с кем. Твои решения влияют не только на тебя.

— Верно. Они влияют на нас с Мартином. — Я начала раздражаться.

— Да. Они влияют на тебя. Отец Мартина не допустит того, чтобы его сын скрылся со сто двадцатью миллионами долларов. В конце концов, он сделает жизнь Мартина очень тяжелой, и ты окажешься между двух огней.

— Тогда мы будем решать проблемы по мере их поступления. Я полностью доверяю Мартину в том, что он сможет справиться со своим отцом.

— Но это не единственный показатель. Кэйтлин, ты должна понимать, — она наклонилась вперед в кресле, в ее голосе были умоляющие нотки, — мои оппоненты будут намекать, что вы с Мартином были вместе все это время. Все опровержения, которые я делала предыдущей весной, будут звучать как ложь.

— Уверена, у тебя есть персонал, который может помочь тебе справиться с этими проблемами.

Моя мать вздохнула. Это не был довольный вздох.

— Ты специально глушишь?

— Нет. А ты? — задала вопрос я сквозь стиснутые зубы.

Она уставилась на меня. Вернее, ее лицо на экране уставилось на меня, и я не могла сказать, она действительно видела меня или видела проблему, которую нужно было решить.

Она довольно долго пристально смотрела на меня, но я отказывалась отвести взгляд, потом мама подвинулась на кресле, немного сузив глаза.

— Мне любопытно, как же это...

— Не-а. — Я перебила ее, ощущая всплеск храбрости вместе со всплеском раздражения. — Нет. Тебе может быть любопытно, но я не собираюсь отвечать на твои вопросы. Это не Сенатский комитет, и я не под присягой. Я взрослая, как ты любишь напоминать мне, способная принимать собственные решения. В связи с этим, личность моего парня — это мое право, то, с кем я живу и кого решила полюбить, — мой выбор. Я люблю Мартина. То, чем ты зарабатываешь на жизнь, — твое право. Если у твоей работы возникают трудности из-за того, кого я люблю, тогда, возможно, тебе стоит встать и сказать своей работе не лезть в чужие дела.

Слева я могла видеть своего отца. Он ухмыльнулся, потом попытался скрыть это, зажав губы между зубами. Когда это оказалось бесполезно, он скрыл свою улыбку за рукой.

Джордж, как всегда, выглядел скучающим, делая записи. Я могла только представить чтение протокола встречи минутой позже...

Спокойный вид моей матери немного дал трещину. Мама казалась разочарованной, но было видно, что она испытывала неохотную гордость. Несмотря на это, меня удивило, что она заикалась, когда наконец-то произнесла, еще раз вздохнув:

— Ладно.

— Ладно?

— Ладно.

— Поясни, что значит "ладно".

— Ладно, твои замечания справедливы. Я признаю, что ты взрослая и твои решения принадлежат тебе. Я извиняюсь. Я выпущу пресс-релиз, что тот, с кем встречается моя взрослая дочь, никого не касается, кроме нее, и никак не влияет на мою карьеру.

— Итак, ты собираешься признать очевидное.

Мой отец не смог сдержаться и рассмеялся, покачав головой.

К чести моей матери, она позволила себе улыбнуться.

— Да. Я собираюсь признать очевидное. И еще буду стараться вдвойне уважать твои границы. Но если Денвер Сандеки когда-нибудь... я имею в виду... я надеюсь, ты знаешь, что я... что...

Я сжалилась над ней.

— Мам, все в порядке. Обещаю, я не собираюсь ничего делать, нарочно, по крайней мере, что может омрачить или отнять у тебя работу, которую ты стараешься выполнять. Ты хорошо работаешь.

— Но опять же, Кэйтлин, Денвера Сандеки нельзя недооценивать.

— Да. Я согласна. Обещаю, я дам тебе знать, если Денвер Сандеки когда-нибудь покажет свое брезвильное лицо. Но у меня вся жизнь впереди.

— И я хочу, чтобы ты прожила ее. — Ее глаза были наполнены не свойственными эмоциями, и мама казалась по-настоящему раскаивающейся. — Мы добились успехов, ты и я. И я не хочу, чтобы нечто подвергало опасности этот успех.

— Я тоже. — Я кивнула, тепло улыбаясь ей и удивляясь тому, что мне удалось сохранить равнодушным свой внешний вид.

— Хорошо.

— Хорошо.

И это так и было. Это было хорошо. Мы это выяснили, каждый телефонный звонок и взаимоотношения прокладывали новое направление, и я была безмерно благодарна, что она так же, как и я, была заинтересована сделать это возможным.

В конце концов, Джордж прочистил горло и сказал очень по-джорджевски:

— Итак, вернемся к повестке дня.

Я получила отсрочку, чтобы успокоиться. Мы снова начали с первого пункта повестки дня, охватывая самые разнообразные темы, вроде той, где они собирались отдыхать на летних каникулах, собиралась ли я домой на весенние каникулы, что мне нужно было написать благодарственные карточки членам семьи за рождественские подарки. Моя тетя Донна с папиной стороны становилась немного нервной, если я не писала благодарственные карточки.

Потом мы перешли к пункту номер четыре повестки дня. Я постаралась не гримасничать.

— Ты уже приняла решение о выступлении в мае? На соборе средств и благотворительном концерте? — подсказал Джордж, потирая переносицу, где обычно держались его очки.

— Нет. — Я покачала головой. — Как скоро тебе нужно дать ответ?

Я еще не решила. С одной стороны, меня согревала мысль вытолкнуть себя из зоны комфорта. Помочь детским благотворительным фондам звучало, словно это было бы замечательно. Мне нравилось, что там были бы дети и я могла бы сочинить что-нибудь специально для них.

С другой стороны...

Моя мать снова наклонилась вперед, ее тон был гораздо терпеливее.

— Мне бы хотелось, чтобы ты выступила. Думаю, ты бы действительно получила удовольствие.

Я взглянула на своего отца, и он тоже заговорил:

— Кэти, ты удивительная. Важно показать твой талант. Я согласен с твоей мамой.

— Мне нужно некоторое время. — Я хмуро посмотрела на них обоих.

Моя мать вздохнула, снова расстроившись.

— Ты же знаешь, что мы хотим для тебя только лучшего. И я не могу поверить, что ты счастлива, подавая кофе и играя на свадьбах каждые выходные в этой маленькой группе.

Я чувствовала, как моя защита крепла.

— Поверь в это. Я счастливее, чем когда-либо. Мне не нужно быть важной...

— Ты важная...

— Ты знаешь, что я имею в виду. Мне не нужно быть знаменитостью. Я люблю музенировать и сочинять музыку. И этого достаточно для меня.

Мой отец положил руку на мамину плечо и покачал головой, потом вернул свое внимание ко мне.

— Просто подумай об этом. Тяжело, когда твои родители видят в тебе этот замечательный талант, ты способна на великие дела и не делишься этим со всем миром, не получаешь внимание, которого ты заслуживаешь.

Я одарила отца суровым взглядом. Прилетев домой на День благодарения, я сыграла ему несколько своих композиций. Он был очень горд и взволнован. Я полагала, что это было из-за того, что он был моим отцом, у него всегда был соответствующий уровень гордости, не важно, что я делала — будь то рисование пальцами или размораживание курицы.

— Просто подумай об этом, — вмешался Джордж. Я была удивлена, увидев его такой же умоляющий взгляд.

— Я же сказала. Я подумаю об этом. Мне просто нужно побольше времени.

— Нам нужно знать до первого марта. — Джордж перевел внимание обратно к своим записям, и я почувствовала облегчение оттого, что разговор перешел к другой теме.

Остальная часть разговора прошла без происшествий, и мы закончили сеанс связи с искренним "я вас люблю" и "увидимся на следующей неделе". Хотя в самом конце отец добавил:

— У меня, может, будет командировка в конце февраля в Новую Англию⁷⁸. Может, я смог бы пригласить тебя и Мартина на ужин? Встретиться с парнем, который пленил твое сердце?

Мне удалось только неуверенно пробормотать и кивнуть, прежде чем экран погас. Мой отец был проказником. Конечно же, он предложил это как бы мимоходом. Поскольку он был заинтересован, чтобы вопрос был решен. Он хотел встретиться с Мартином в конце февраля.

Я уставилась на монитор и поняла, что широко улыбалась. Я была взволнована из-за таких перспектив. Я не могла дождаться их встречи. А еще я хотела, чтобы Мартин и мама поладили. Они начали неправильно, и я знала, как только они смогли бы привыкнуть друг к другу, то наверняка бы нашли общий язык.

Мартин, прокашлявшись, вырвал меня из мыслей. Я посмотрела через плечо и увидела его, стоящего в дверях спальни, нашей спальни, с небольшой улыбкой, освещющей его лицо.

— Твой отец приезжает в конце месяца? — спросил он, выгляди довольным и вместе с тем пораженным.

⁷⁸ Новая Англия (англ. New England) — регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт.

Я поднялась на ноги, но потом прошлась по нему внимательным взглядом, получая удовольствие от того, как он выглядел после проведенного в своем угловом офисе дня — без галстука, без пиджака, рукава рубашки были подвернуты до локтей.

— Как долго ты подслушивал под дверью? — задала вопрос я, пожирая его глазами.

Мартин потянулся ко мне, обернув руку вокруг моей талии, его ухмылка стала шире, когда он признался:

— Достаточно долго, чтобы услышать, как ты назвала меня своим парнем и сказала родителям, что мы живем вместе.

— Ох, так ты все это время бродишь здесь как жуткий stalkер?

— Да... — Он замолчал, и его лицо стало, как ни странно, серьезным. — Ты должна знать, что в абсолютной безопасности. Отец не собирается преследовать меня. Он перестал со мной общаться, но он не сделает ничего другого.

— Почему нет? Ты рассказывал мне, по крайней мере, дюжину раз, какой он подлый. Что удержит его от попытки мести?

— Потому что у меня были способы собрать информацию, пока я жил в его доме. Подкуп сенаторов и корпоративная коррупция — не худшие из его грехов.

Мои глаза расширились, вглядываясь в него.

— Мне стоит это знать?

— Нет.

— Итак... ты шантажируешь его?

— Не сильно. Скажем так, у него есть стимул, чтобы оставить нас в покое.

Я старалась не улыбаться. Старалась и не смогла.

— И ты не собираешься использовать этот стимул для мести?

— Нет.

Я прищурилась, глядя на него, и во внезапном порыве сказала:

— Я действительно горжусь тобой.

Мартин усмехнулся и выпрямился, словно я приколола ему на грудь значок "Потрясающий". Мы обменялись взглядами взаимного восхищения.

Потом его взгляд смягчился и посерезнел, и он сказал:

— Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что выбрала меня. В присутствии твоих родителей только что, спасибо, что выбрала нас.

Мое сердце исполнило веселый маленький танец в груди, одновременно счастливый и печальный, и я подняла руки к его лицу. У него было мужественное лицо, челюсть была

колючей и жесткой. Я любила лицо моего мужчины. Я поднялась на цыпочки и подарила ему нежный поцелуй, он был на вкус, словно кофе и мята жвачка.

Потом я нежно потерлась носом о его нос, прежде чем отклониться.

— Ты знаешь, что я люблю тебя. Но это было просто правильно.

Он снова улыбнулся.

— А Кэйтлин Паркер всегда делает все правильно.

— Не всегда. Например, я с нечеловеческой жестокостью спрятала твои вещи.

Он выгнул одну бровь, явно наслаждаясь сюрпризом.

— Ты?

— Да.

— Это небольшая квартира, уверен, я смогу найти их.

— Кто сказал, что они в этой квартире? — Я одарила его многозначительным взглядом.

Это была правда, они были в квартире. Я спрятала его коробки с вещами во встроенный шкаф.

Его улыбка превратилась в дьявольскую ухмылку, обнажая его удивительно острые зубы.

— Что насчет тебя?

— Что насчет меня?

Его руки поглаживали нижнюю часть моей спины, пробрались в мои хлопковые штаны для йоги и нижнее белье, сжимая мою голую задницу.

— Должен ли я спрятать твои вещи?

— Нет необходимости. Я планирую быть голой следующие двадцать четыре часа.

Он застонал. Его рот обрушился на мой, и он повел меня спиной по направлению к ванной комнате, теперь его руки превратились в жадные и ищащие. То, что мы проделали это успешно в комнате, покрытой кафелем, было чудом, особенно потому что по пути мы исполнили неуклюжий танец, от которого стали задыхаться. Мартин сорвал мой топ и увидел, что я была без лифчика. Это вызвало его довольноное рычание, когда он прижал меня к раковине. Между тем я работала над пуговицами его рубашки.

Дурацкие деловые рубашки со всеми этими пуговицами.

Мы были в состоянии крайнего возбуждения, наши руки были жаждущими, когда наши губы соприкоснулись. Он скользнул пальцами в переднюю часть моего нижнего белья, дразня меня, но не касаясь там, где я нуждалась.

Я наклонила бедра вперед, пытаясь заставить его облегчить мои страдания.

— Прикоснись ко мне, Мартин. Пожалуйста.

Он наклонил голову, захватив своим ртом мою грудь, вырисовывая языком круги вокруг моего соска.

Я чувствовала его горячее дыхание напротив влажного следа, которое он оставил, когда Мартин заговорил:

— Сначала душ. Потом кухонный стол. Может быть, письменный стол.

— Что... о чём ты говоришь? — Я выгнулась напротив него, мои руки скользнули вниз к его трусам, сжимая и поглаживая его через ткань.

— Все те места, где мы займемся любовью сегодня вечером.

Удивленный смех сорвался с моих губ, за которым последовал грубый вздох, когда он раскрыл меня своими умелыми пальцами, поглаживая мой центр.

— Я думала... — Я простонала, прежде чем смогла продолжить. Он делал меня безмозглой. — Я думала, ты хотел начать с матраса.

— Мы занимались сексом, благодаря твоей хитрости, — ответил он мрачно, ссылаясь на те три раза, что я соблазнила его за прошедший месяц. Мартин отдернул руку достаточно далеко, чтобы стянуть трусы и, потянувшись к душу, включить горячую воду. — Я хочу создать воспоминания о всех других поверхностях.

Я улыбнулась сквозь дымку любви и страстного желания моего Мартина и подразнила:

— Начнем с душа?

Его глаза метнулись к моим, пар поднимался из кабинки, руки снова оказались на моем теле, снимая мое нижнее белье. Выражение его лица и его голос были чрезвычайно серьезными, когда он сказал:

— Да. Потому что я думаю об этом с самого Рождества и хочу взять тебя у стены, пока твои идеальные сиськи и идеальное тело, гладкие и влажные, будут скользить напротив меня.

Мое тело было чувствительным и неподъемным из-за прилива дикого желания, сосредоточившегося внизу живота. Его слова сделали это со мной. Его грязные словечки заставили меня чувствовать себя распутной и дерзкой.

Прежде чем смогла лучше обдумать это, я сказала:

— Так что ты собираешься трахнуть мою сладкую киску?

Его челюсть отвисла в удивлении, а глаза расширились. Мартин заморгал, глядя на меня, словно он не совсем доверял своим ушам. Между тем, несмотря на смелость и возбуждение, я съежилась, чувствуя себя глупо, и взглянула на него одним глазом.

— Я правильно сказала? — спросила я, все еще ощущая себя неловко. — Потому что когда ты говоришь так, это звучит сексуально. Но когда так говорю я, это звучит странно и настораживающе, словно умышленное преступное действие.

Потом Мартин рассмеялся неудержимым грубым рокотом чистого счастья. Он притянул мое обнаженное тело к своему обнаженному телу и обнял меня. Я могла только улыбаться и стараться не покраснеть или не почувствовать неудачу в грязном разговоре.

— Ты такая идеальная, — сказал он напротив моей шеи, когда его смех стих. Он сильно укусил меня, словно хотел поглотить меня, потом смягчил это место своим языком.
— Такая чертовски идеальная.

Я напряглась, низ моего живота скрутило от удовольствия, когда его руки снова превратились во влюбленные.

— Ты имеешь в виду, что я идеально странная и мне не нравится слово "киска", — прошептала я. — В нем слишком много звуков "к".

— Ты идеальная, и я люблю тебя. — Одна его мозолистая рука поднялась к моей груди, грубо поглаживая и сжимая меня. Другой рукой, все еще обнимающей мою талию, Мартин направил нас в душ под струи.

— У меня плохо получаются грязные разговоры.

Он не ответил. Вместе этого прижал меня к стене, и меня поразили ощущения холодной плитки на моей спине, горячей воды, льющейся сверху, его грубых рук, потирающих скользким мылом мой живот, бедра и грудь, его чувственных глаз, пленивших мои и безмолвно говорящие мне, что он верил в то, что я была сексуальной.

Я не смогла удержать свои руки от его действительно идеального тела, даже если бы попыталась. Жар моего прежнего смущения сменился новым жаром, выстроив обещание между нами.

Его рот был везде, где не было мыла, и, закончив намыливать меня, он захватил мои запястья в свои руки и скользнул своим телом к моему, увеличивая мое возбуждение в геометрической прогрессии, я была не в состоянии мыслить.

— Повторяй за мной. — Голос Мартина был низким, нетерпеливым и требовательным, его язык слизывал капельки воды с моей щеки, он отпустил мои запястья и поглаживал руками бедра. — Я Кэйтлин...

— Я Кэйтлин...

Он поднял меня, как будто я была самой легкой вещью в мире. Мои руки опустились на его плечи, наслаждаясь их выпуклостями, когда он напрягал свои мускулы. Он широко раздвинул мои ноги и потерся своей твердостью напротив мягкой гладкости моего центра.

— Хочу тебя, Мартин...

— Хочу тебя, Мартин...

Я резко вздохнула, когда он толкнулся в меня, его губы на шее посасывали, покусывали и лизали меня.

— Чтобы ты взял меня в душе...

— Чтобы... ты... взял... меня... в душе...

Все в этом действии ощущалось более значимым, чем я помнила, намного более необходимым на низменном и инстинктивном уровне.

— И занимался со мной любовью часами.

— И... и...

Я не смогла закончить. Мне не хотелось говорить, я просто хотела чувствовать. Я взглянула вниз на него и туда, где соединялись наши тела. Я наслаждалась видом нашей связи — его твердостью напротив моей мягкости, моими широко разведенными ногами, чтобы я могла приспособиться к его размеру. Наблюдала, как моя влажная грудь двигалась вверх-вниз в такт его ритму, подпрыгивая напротив его лица; его твердое и точеное тело выгибалось к моему, когда я изгибалась дугой у стены. Такой вид нас обоих, меня с ним, заставлял меня чувствовать себя сексуальной, я поражалась, как безумно горячо мы выглядели.

Я подумала, что мы могли бы установить зеркало в душе.

Иииии с этой мыслью я кончила, атакованная водой и паром, приятным скольжением его тела с моим и осознанием, что это было первым из множества счастливых — и сексуальных — воспоминаний.

* * *

Мы заползли в кровать, потому что нам нужно было поспать. Но вместо того, чтобы спать, мы оказались обнаженные друг напротив друга, обнимались и прикасались друг к другу, обсуждали планы на будущее. Эти планы варьировались от различных поездок, которые мы хотели совершить вместе, до разнообразных мест, где мы хотели заняться сексом: он хотел испробовать все душевые в его квартире, между тем я претендовала на его стол на работе — до нового магазина игр, который открылся на Таймс-Сквер. Мы обсудили приезд моего отца в конце февраля и места, куда мы сводили бы его поужинать.

— Не волнуйся. — Мартин сжал меня. — Я буду милым с твоим отцом.

Я позволила изумлению и замешательству отразиться на моем лице.

— Ну, я на это очень надеюсь.

Он искоса посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что я имел в виду. Я тренировался.

— Быть милым?

— Да.

Я зажала губы между зубами, потому что черты его лица сохраняли выражение крайнего смятения, мне не казалось, что было бы разумно смеяться над ним.

— И как тебе это все?

— Это было... тяжело, но иногда хорошо.

— Тяжело?

— Да, как та раздражающая девушка, с которой ты работаешь в кофейне.

— Ты считаешь Челси раздражающей? — Я была удивлена. Я никогда не встречала никого, особенно мужчину, кто бы думал, что она была какой угодно, но только не замечательной.

— Она самовлюбленная и раздражающая. Честно говоря, она напоминает мне мою мать, всегда ждет, чтобы посторонние люди поклонялись ей.

Мои брови выгнулись от его точного — пусть и упрощенного — описания моей напарницы. Возможно, склонность Мартина ценить очевидную доброту и искренность исходила из его презрения к матери.

Через мгновение Мартин удивил меня, сменив тему:

— Ты хочешь выступить на сборе средств, о котором говорили твои родители? Да или нет?

Я медлила, воспользовавшись моментом, чтобы проследить пальцем линию его ключицы.

— Вроде того. Но я не хочу делать этого, потому что мои родители думают, что мне нужно быть более амбициозной. Мне нравится играть в моей маленькой группе. Просто находиться в окружении музыки каждый день — это сбывающаяся мечта. Мне не нужны почести и внимание.

— Но ты говоришь "нет" только из-за того, что твои родители думают, что тебе нужно быть более амбициозной, этим ты позволяешь им диктовать тебе, что делать. Если ты отказываешься из-за того, что они думают, это то же самое, как если бы ты согласилась на что-то по их прихоти.

Я насупилась на него и его разумные слова. Глупые разумные слова.

А он улыбался мне, словно знал, о чем я думала, и понимал, что я уверилась в его правоте. Его улыбка превратилась в самодовольную.

— Хорошо, — наконец-то призналась я. — Ты прав. Это ты хотел услышать?

— Нет. Я уже знал, что был прав. Я надеялся на нечто большее, вроде: "О, Мартин, ты сексуальный гений. Я не могу жить без тебя и твоего большого... ума".

Я ничего не могла поделать со своим внезапным смехом, все же шлепнув его по плечу. Он продолжал самодовольно улыбаться и наклонился вперед, чтобы меня поцеловать.

— Если серьезно, делай то, что ты хочешь делать. Или не делай. Но принимай решение, основываясь на том, что ты хочешь делать, не избегай или не старайся угодить чужим ожиданиям.

Я кивнула, ощущая, как мою грудь затопило теплом и любовью. Он в самом деле был моим отражением. Он был на моей стороне. Мы были командой. Мы действовали в унисон, стремясь к достижению общей цели, и это было прекрасно.

Руки Мартина, конечно же, не лежали неподвижно на моем теле. Он двигал каждой из них очень часто (от моего бока к бедру, от моего бедра к груди), словно оценил все достоинства своего полноценного пропуска. Это было побочным результатом, согревающим меня.

Ни с того ни с сего я продолжила:

— Но, возвращаясь обратно к сексу на твоем столе на работе, в какие дни на следующей неделе ты свободен в обед?

Он странно посмотрел на меня, словно думал, что раньше я блефовала.

— Ты действительно хочешь это сделать?

— Да. У тебя есть стены или жалюзи?

— Стены выходят на остальную часть офиса, но окна — на улицу.

— Хорошо.

— Что на тебя нашло?

— Формально, у тебя есть...

— Ха-ха.

— Но, на самом деле... ничего. Я просто люблю секс. Мне нравится секс с тобой. Нравится, какой сексуальной это заставляет меня чувствовать. Мне нравится и целоваться, и прелюдия, и получать оргазмы. Нравится думать об этом и планировать нашу следующую встречу. И хотя я девушка, не думаю, что это делает меня странной. Я думаю, это означает, что у меня здоровый сексуальный аппетит, я влюблена в человека, которого страстно желаю. Я отказываюсь извиняться за это.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Я никогда не попрошу тебя извиняться за это.

— Хорошо. Потому что я не буду.

Мартин прищурился, глядя на меня, словно он был в глубокой задумчивости, но его улыбка не дрогнула.

Потом он сказал:

— В шкафу.

Я ожидала его объяснений. Когда он просто продолжил смотреть на меня своим многозначительным провокационным взглядом, я подтолкнула его:

— Что насчет шкафа?

— Давай займемся любовью в шкафу.

— Но мы уже делали это.

— Нет. Я имею в виду в шкафах. В каждом шкафу, который сможем найти.

Я усмехнулась.

— В каждом шкафу?

— Да.

Откинув голову назад, я рассмеялась, думая обо всех шкафах в мире и о том, как я изо всех сил старалась сторониться их, чтобы не предаться своим страхам и нелюдимым наклонностям, а потом я нашла в себе мужество следовать зову своего сердца. Знала бы я, что мое сердце привело меня обратно к шкафу.

Но на этот раз я была с Мартином, и мы бы занялись любовью. Или, может быть, нет.

Может быть, мы просто разделили бы исключительно личный момент.

Может быть, мы спрятались бы от мира (совсем ненадолго), но это было бы нормально.

Потому что мир мог быть неприятным и подавляющим. Требовательное место, полное неопределенности, ожиданий и страхов. Я пришла к выводу, что время от времени отступать, прятаться от мира было неплохо, пока я не делала этого слишком часто или потому что боялась жить своей жизнью.

Делить шкаф с Мартином, закрывшись подальше от всего остального, кроме нашей взаимной любви, уважения и преданности, могло быть очень полезно. Мы были командой, идеально составленной парой партнеров.

А делить шкаф с моим партнером звучало, словно это был рай.

~ КОНЕЦ ~